

ИЗДАТЕЛЬСТВО "ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА"

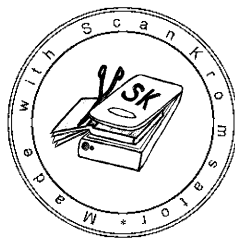

МОСКВА «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА» 1975

НАУЧНО-ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА

Научная редакция и послесловие
доктора исторических наук
С. А. АРУТЮНОВА

РИСУНКИ
А. ДОБРИЦЫНА

Подольный Р. Г.

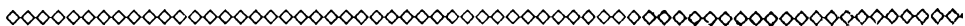
П 44 Пути народов. Научно-художественная литература. Научн. ред. и послесл. С. А. Арутюнова. Рис. А. Добрицына. М., «Дет. лит.», 1975.

208 с. с ил.

Книга о том, как рождаются, живут и не умирают народы.

70803—606
П М101(03)75 437—75

902

Короткие названия книг, на мой взгляд, обычно лучше длинных. А то бы эта книга называлась иначе, так, как первый ее раздел:

КАК РОЖДАЮТСЯ, ЖИВУТ И НЕ УМИРАЮТ НАРОДЫ

Это длинноватое название почти повторяет название старой книги революционера и государственного деятеля Емельяна Ярославского: «Как рождаются, живут и умирают боги». Но народы, в отличие от богов, не умирают, не уходят бесследно.

Разумеется, нельзя в одной книге рассказать хотя бы понемногу об истории каждого народа нашей планеты; нельзя уместить в нее сколько-нибудь полно даже историю одного, хотя бы самого маленького или самого молодого народа. Поэтому не удивляйтесь, если не найдете здесь всего, что вам хотелось бы узнать о том или другом народе. Но, как говорит восточная пословица, не обязательно выпить все море, чтобы узнать, что вода в нем соленая. Цель книги — прежде всего показать на примерах законы, управляющие историей народов, а точнее — взгляды ученых, прежде всего советских, на эти законы.

Самый же главный вывод из всего, что я прочитал в трудах ученых и книгах поэтов, из всего, что удалось услышать от этнографов, историков и социологов, сводится к последней части дорогого мне имени этого раздела: не умирают народы. Как не умирает дерево, бросившее в землю семена.

Да, тысячи народов живут на планете: древние и молодые, большие и малые. Одни растут, другие уменьшаются в числе, а порою и исчезают, появляются новые.

Исчезают? А как же быть тогда с названием раздела?

Что поделаешь, историки знают по именам десятки тысяч наро-

дов и племен, ушедших с лица земли. Много тысяч лет как нет шумеров, много веков назад умер и последний человек, считавший себя финикийцем, последний пикт, последний мидиец. Все это правда, никуда не денешься. Потому что все, имеющее начало, имеет и конец.

Но, однако, человечество — цепь, кольца которой — народы, и эта цепь не может разомкнуться. История — тоже цепь, в которой каждое звено, даже забытое, деться никуда не может. Потому что все мы, принадлежащие к живым народам, наследники тех, кто жил до нас.

Исчезая, народы все равно остаются на земле: в переданных другим народам чертах лиц, в звуках и словах чужих языков, в открытиях и изобретениях, ставших частью общего богатства человечества.

Исчезая — остаются. Одно из доказательств этого факта — судьба народа, погибшего когда-то так основательно, что гибель эта вошла в поговорку еще тысячу с лишним лет назад.

ПОГИБОША АКИ ОБРЕ?

Перевалил на вторую половину VI век новой эры, когда византийскому императору донесли, что у границ империи появилось неведомое, но могучее племя авар. Оно попросило себе места на землях державы, обнявшись помогать ей против врагов.

Область на севере Балкан отвел владыка Нового Рима пришельцам. Они должны были защищать его и от славян и от неизвестных ныне кутургуров. Опору трона видел в аварах грозный правитель Востока.

Не в первый раз заключала Византия союз с кочевниками. Но в заключении этого союза ей пришлось раскаться необычайно быстро. Оглядевшись на новых местах, окрепнув и осознав свою силу, авары из просителей превратились в очередной «бич божий» для империи.

Грозной армией авары пошли на юг, ударили на Константинополь и едва не взяли его, наведя ужас на греков. Пошли они и на север, и на запад, и на восток. На франков и жителей Северной Италии, на славян и германцев, почти на всех ближних и дальних, старых и новых своих соседей.

Авары ворвались в Европу, только что пережившую страшные походы гуннов, грозные движения готов, удары германцев и славян, ответные походы блестящих византийских полководцев, ливших порою не меньше крови, чем их «варвары»-противники.

Но даже после гуннов и вандалов сумели авары показаться беспримерно страшными. Через несколько столетий русский летописец

описывал, ужасаясь, как впрягали авары женщин славянского племени дулебов в свои колесницы.

Ко времени, когда летописец сделал эту запись, русским довелось насмотреться на византийскую спесь — время от времени они убавляли эту спесь своими прямыми мечами. И высокомерие скандинавских конунгов, то воевавших с Русью, то служивших ей, тоже было знакомо хозяевам великой державы. Высокомерие варягов, считавших себя прямыми потомками богов, надменность этих знающих себе цену витязей, способных порою вдесятером выйти против армии. Русь тоже знала цену северным богатырям и платила им, когда считала нужным.

Но, наверное, спесью авары были еще богаче. Потому что тот русский летописец не только специально отметил, что «бяху бо обри телом велице, а умом горди», но и нашел, что именно эта гордыня навлекла на авар гнев судьбы. «...И потреби я бог (истребил их) — и помроша вси, и не оста ни един обрин...» И даже того мало. Летописец кончает рассказ пословицей, одной из первых русских пословиц, перешедших из устной речи на бумагу (виноват, пергамент): «...И есть притча в Руси и до сего дня: погибоша аки обре, их же несть ни племени, ни наследка...»

Не осталось ни имени, ни потомства — так переводится конец пословицы. Остро переживает эту уже тогда весьма давнюю победу справедливости древний русский историк. Видно, не много знал он таких побед.

Конечно, не сами собой исчезли обры-авары с лица земли. Их держава, охватывавшая юг Восточной и Центральной Европы, сама готовила себе гибель, невольно способствуя сплочению покоренных аварами славянских племен, до того разрозненных, а теперь вынужденных объединяться.

Первый взрыв возмущения — восстание восточных славян-антов — хозяевам державы удалось подавить. Тридцать захваченных антских вождей были казнены, а антский союз племен разгромлен так жестоко, что само имя антов перестало употребляться. Впрочем, это, может быть, зависело уже от других причин. «Ант» — по-тюркски «по-братим». Возможно (хотя есть и другие, не менее убедительные, объяснения), что анты получили свое имя от авар, с которыми формально были в союзе, хотя на самом деле авары выступали как завоеватели. Поднявшись на борьбу, восточные племена славян могли отречься от унижительного по сути имени. Кроме того, совсем не обязательно, чтобы они его вообще признавали даже в пору союза с аварами. Ведь иностранцы часто называют народ не тем именем, которое он дал себе сам (классический пример: немцы, которые сами для себя «дейч», а для французов — «аллеманы»). Может быть, не случайно, что именно после исчезновения из обихода имени антов как раз на тех же землях, где они жили, обитают люди, объединяемые именем Руси.

Неудача первых повстанцев не обескуражила аварских подданных.

Новый удар получила держава от западных славян. Восстали чехи, образовав свое первое государство, которое возглавил странствующий торговец по имени Само.

Объединенные славянские племена на востоке Балкан тоже нанесли удар за ударом по ненавистным врагам. Новое возникшее здесь государство — Болгария — становилось все сильнее, все решительнее наступало на север, тесня обрыв. Наконец, далеко на западе от Балкан образовалось единое государство франков, ставшее при Карле Великом империей. В число военных достижений Карла входит и решительное наступление на аварский каганат, кончившееся полным поражением авар. На трон государства, ставшего вассалом его империи, Карл Великий посадил на рубеже VIII—IX веков крещеного кагана. Часы авар были уже сочтены. Прежде чем подошел к концу IX век, они растворились в массе народов, среди которых жили и от которых их перестали отделять бывшие спесь и властность.

Всего два с половиной века продержалось в Европе государство, основанное пришедшими из центра Азии кочевниками. Всего три с небольшим столетия довелось существовать народу авар на европейской земле. Много это или мало?

Конечно, царство и народ гуннов продержались в Европе еще меньше.

Но авары-то создали свой каганат в другую эпоху, эпоху, когда новорожденные государства нередко укоренялись и начинали долгий путь через века. Лишь на сто лет позже аварского появилось на свет Болгарское царство, получившее свое имя от завоевавших часть Балканского полуострова болгар (булгар) тоже, как и авары, кочевого тюркского племени. И что же? Болгарии давно уже перевалило на второе тысячелетие.

Дело, видимо, в том, что тюрки-болгары быстро приняли язык и культуру завоеванной страны, слились с коренным населением ее, стали его частью. То же случилось с вторгшимся в Галлию германским племенем франков, которому Франция обязана своим названием.

А вот аварская знать не желала родниться с жителями завоеванных стран. Она всячески подчеркивала свою власть. И горький рассказ летописца о том, как обры в земле дулебов, собираясь куда-либо поехать, впрягали в телегу не коня или вола, но женщин-дулебок — воспоминание о жестокости, и жестокости, с точки зрения самих завоевателей, отнюдь не бессмысленной. Это, видимо, был один из способов подчеркнуть расстояние между покорителями и покоренными, одно из проявлений нестерпимой гордыни авар, возмущавшей дальние и близкие племена. И одна из причин, по которым рухнула аварская держава. Знать небольшого народа не могла править огромными просторами Центральной и Восточной Европы без опоры на местную знать.

А такая опора, как правило, сопровождается и закрепляется брачными союзами. Не зря же Александр Македонский не только сам

женился на прекрасной восточной княжне Роксане, но и пережил на аристократках и неаристократках бывшей Персидской империи многие тысячи воинов своей армии. У новых властителей, как это ни странно, в исторической перспективе оказываются часто всего две возможности — или погибнуть в войне со своими подданными, или раствориться среди них. Авары, а говоря точнее, аварская аристократия, выбрали первый путь. И — «погибоша аки обре». Да, исчезли авары, правившие десятками племен — германских и кельтских, славянских и иных. Тысячу лет уже как исчезли.

В XIX веке, правда, русский генерал-лейтенант А. Ф. Риттих, составлявший карты народонаселения, задумал отыскать не просто следы аваров, но их наследников. И «отыскал». Ими оказались... поль-

ские шляхтичи, а также славяне побережья Адриатики, которых в старину звали морлаками.

Вот примерно его рассуждения. У какого народа в XIX веке имя напоминает название авар? У дагестанских авар (аварцев). Значит, аварцы — остатки тех древних авар. Но в том же Дагестане неподалеку от аварцев живут лаки? Да. Значит, когда-то лаками называлась часть авар, даже весь этот народ пользовался таким вторым именем.

Авары были хозяевами полей на равнинах Центральной и Восточной Европы. Поля да лаки — вот и вышли поляки. Точнее, по Риттиху, польское дворянство. Другая часть авар пришла на Адриатическое море и тут же, по Риттиху, превратилась в морлаков, то есть морских лаков. Вот так.

Все это понадобилось ученому генералу для того, чтобы «доказать», будто хотя поляки — славяне, но шляхта польская — представители совсем другого народа, поэтому она и бунтует против белого царя. (Книгу генерал писал по свежим следам восстания, поднятого поляками против царизма в 1863 году.)

Все это чистая фантазия, основанная на весьма сомнительных звучиях слов. И если я рассказал о ней, то только как об образчике таких вот основанных на случайных совпадениях гипотез. Летописец был более точен в выводах, чем генерал Риттих. Не стали авары основой для какого бы то ни было народа или хоть социальной группы в нем. Как река теряется в песках, потерялись авары в бурной многоплеменной Европе.

И все-таки не зря я заговорил о них. Почти высохшее русло этой реки сумели заметить антропологи и в наше время. Некоторые унаследованные от авар признаки видят венгерские ученые в облике части жителей своей страны, а также у трансильванских венгров, живущих среди румын. Это довольно естественно: как раз в тех местах был когда-то центр Аварской державы.

Значит, остались на земле люди с аварской, хотя и не только аварской, кровью в жилах. Остались потомки и наследники, начисто забывшие, увы, об этом корне своего родословного древа. Впрочем, упрекать их в этом особенно не приходится: у родословных деревьев корней часто куда больше, чем бывает их у деревьев обычных. И почти каждый такой исторический корень под взглядом исследователя сам оказывается деревом с собственными корнями.

Кем были авары? Откуда пришли в Европу и как выглядели люди, ставшие на век или полтора грозой для ее народов?

...Впервые о существовании авар-обров я узнал много лет назад и не из летописи или исторического труда, а из стихотворения Алексея Николаевича Толстого. Оно так и называлось «Обры». Вот отрывок из него:

Лихо людям в эту осень:
Лес гудит от звуков рога —

Идут Обры, выше сосен,
Серый пепел их дорога.
Дым легко вползает к небу,
Жалят тело злые стрелы;
Страшен смирному Дулебу
Синий глаз и волос белый.

.

Дети северного снега
На оленях едут, наги,
Не удержат их набега
Волны, ямы и овраги.

.

За кострами на приколе
Воют черные олени...

.

Так прошли. С землей сровнялись,
Море ль их покрыло рати?
Только в тех лесах остались
Рвы да брошенные гати.

Когда после встречал упоминание об аvaraх в книгах, каждый раз вспоминал этих черных оленей. И с некоторым сожалением узнал, что не было их. Что пришли эти олени в стихи Алексея Толстого не от древних обров, а из исторической статьи с изложением гипотезы о происхождении авар. Согласно ей, авары были угро-финским народом. Как наши ханты, манси, карелы, эстонцы, как венгры и финны. У Алексея Толстого с финнами было связано представление о Севере, где ездят на оленях; знал он, что среди финнов много светлоглазых и светловолосых — вот писатель и наделил обров стадами воющих черных оленей, а сверх того — синими глазами и белыми волосами.

А на самом деле как раз славяне-дулебы были светловолосы и светлоглазы. А какими были обры? Вопрос о их происхождении окончательно не решен.

Может быть, как считает советский историк Л. Н. Гумилев, в аварский народ объединились в Поволжье два разбитых врагами племени. Одно из этих племен происходило от сарматов, древнего населения южных степей нашей Родины. Другое было по языку угорским, то есть родственным прежде всего, нынешним венграм.

По мнению ряда других историков, к которому склоняется и соответствующая статья Советской исторической энциклопедии, авары — остатки народа жужаней. Жужани создали в IV—V веках нашей эры великую державу в Центральной Азии. Жужаням платили дань китайские императоры, народы Алтая и части Средней Азии. Но уже в VI веке нашей эры их держава была разгромлена. Спасаясь от побе-

дителей, жужани, согласно этой версии, прошли из центра Азии тысячи километров до Волги и перешли ее уже под именем авар.

Так или иначе, но на своем пути авары, кем бы они ни были, включили в себя представителей многих народов. Сейчас в Венгрии при раскопках в аварских могильниках находят кости, судя по которым среди авар были люди и с европейскими (европеоидными, говоря на точном языке антропологов) и с монгольскими (монголоидными) чертами внешнего облика. Но есть одна закономерность: чем богаче могила, тем больше шансов встретить монголоидные черты у ее хозяина. Получается, что аварская знать практически не смешалась с чужеземцами и донесла до центра Европы свой первоначальный азиатский облик. Лишнее подтверждение гневных слов летописца об аварской гордости. Выходит, и весь народ авар когда-то — до грандиозного перехода от центра Азии к центру Европы — был монголоидным по внешности, с узкими черными глазами, широкими скулами и черными волосами. И многие детали этой внешности перенес он через Карпаты и Дунай. Вот и получается, что «смирного Дулеба» вряд ли пугали «синий глаз и волос белый».

Я уже вспоминал, что потомство авары все-таки оставили на земле. Но сейчас уже трудно узнать, что еще они завещали человечеству. Какие черточки аварской культуры переняли славяне или германцы? Какие слова получили из их языка венгры или другие народы, встреченные аварами на пути? Никто не скажет. Но что-то аварское все-таки должно было войти в быт покоренных народов. Хотя бы несколько слов, хотя бы какой-нибудь местный обычай. Невелико, может, наследство, а все-таки оставлено, теперь от него и нарочно не откажешься, пусть досталось от жестоких поработителей, хотя бы потому, что не знаешь, каково оно на самом деле, из чего состоит.

«Великан» — по-чешски «обр», польское слово, означающее «великан», тоже образовано от имени обров. Именно в честь авар! Есть какой-то странный закон, по которому воинственные враги предков начинают казаться потомкам великанами. По-немецки «великан» звучит так же, как «гунн», и русское слово «исполин» обязано своим рождением древнему племени спалов.

Что еще? В Сербии одно время стояла у власти династия Обреновичей — возможно, потомков какого-нибудь древнего пришельца-авара.

Но все это, согласитесь, мелко для того, чтобы говорить о видимом аварском наследстве.

Ну, а имя авар как название народа встретишь теперь только в летописях да исторических трудах. Зато очень на него похожим именем аварцев зовут дальние и близкие соседи дагестанский народ, который сам себя зовет совсем иначе — маарулал.

Да, бывает, что одно и то же имя появляется вдруг у никак не связанных между собой народов. Можно вспомнить Албанию на Балканском полуострове и Кавказскую Албанию — так в древности на-

зывался Азербайджан. И прибавить к ним еще одну Албанию — в раннем средневековье этим именем называли Шотландию. Или взять другой пример: Иберию — Испанию и Иберию (Иверию) — Грузию (впрочем, иберов и иверов некоторые ученые считают дальними родственниками).

Во всяком случае, еще во II веке нашей эры, задолго до прихода в Европу авар-обров, древнегреческий ученый Птолемей писал о кавказских савирах, живших примерно там же, где нынешние аварцы. Позже — видимо, по законам языка — савиры превратились в саваров, потом в аваров, аварцев. Впрочем, предлагались и другие варианты происхождения этого имени. Один из них поминает авар-обров, этот вариант дает грузинская летопись, по сообщению которой аварцы и есть те древние авары, которых разбил, взял в плен и поселил в Дагестане грузинский царь Гурам. Однако это сообщение ученые считают легендарным. Кстати, «Слово о полку Игореве» поминает именно этих кавказских аваров, говоря о «шеломах оварьских», видимо славившихся уже в ту пору, как славятся и сегодня изделия дагестанских кузнецов.

Но почему, однако, имя, притом не совпавшее с самоназванием народа, продержалось столько веков? Законы, по которым народы сохраняют старые имена и получают новые, не так уж просты. И может быть, в закреплении названия аварцев на Кавказе какую-то роль сыграла громкая слава их «однофамильцев».

Сегодня носителей этого имени становится все больше — не только потому, что аварцы любят иметь в семье много детей, но и потому, что аварцами стали считать себя в последние десятилетия представители еще тринадцати совсем маленьких дагестанских народов. А аварская культура стала важной составной частью культуры всего советского народа. Стихи Расула Гамзатова, переведенные на русский язык, стали событием в русской литературе, а его книга «Мой Дагестан» — настольной для украинцев и латышей, таджиков и карелов.

Итак, осталось на земле имя авар-обров, хотя и не у их потомства, и есть у них потомство, хотя и под другим именем. Не знаю, надо огорчаться или радоваться тому, что пословица тысячелетней давности оказалась не совсем верной. С одной стороны, летописцу судьба авар казалась свидетельством того, что есть на земле справедливость. С другой — не бывает же, чтобы народ целиком заслуживал исчезновения и забвения.

И наконец, оставленный аварами след определенно радует меня потому, что хочется верить в эту гордую формулу:

НАРОДЫ РОЖДАЮТСЯ, ЖИВУТ И НЕ УМИРАЮТ.

Почти невероятно полное исчезновение многих тысяч людей, составляющих народ. Они могут принять чужой язык, раствориться сре-

ди соседей. Но разве притоки Волги исчезают только от того, что впадают в нее? Чтобы не пересыхали моря и озера, нужны реки. Почти любой современный народ (и уж во всяком случае все большие народы мира) может похвастаться тем, какому большому числу народов он приходится наследником. Вот итальянцы, например, потомки древних этрусков и кельтов, италиков и венетов, латинов и лангобардов, готов и галлов... Я назвал только небольшую часть народов и племен, принявших участие в образовании итальянского народа. А полный список занял бы, пожалуй, целую страницу. Впрочем, полный ли? Ведь дальше трех тысяч лет прошлое предков этого народа так подробно не разглядишь, а история человечества насчитывает минимум четыреста веков. И такой же, а то и больший список предков можно составить почти для какого угодно народа — при условии, что его прошлое изучено достаточно хорошо. Некоторые же принципы, по которым такой список предков составляется, стоит продемонстрировать на примере одного из народов СССР.

БОЛЬШАЯ РОДНЯ

Среди республик нашей страны есть Башкирская Автономная Советская Социалистическая Республика. Посередине пересекают ее почти по меридиану горы Южного Урала, а с запада и востока от них лежат холмы и равнины... На этой территории сложилась башкирская социалистическая нация. Как нам заглянуть в ее прошлое?

У науки истории есть много наук-помощниц, вместе с нею неутомимо исследующих прошлое.

Археологи ищут материальные следы прошлого в земле.

Антропологи изучают, в частности, следы родства народов между собой, закрепленные во внешнем облике людей и в их физических особенностях.

Этнографы исследуют быт и особенности хозяйства, обычаи и нравы разных человеческих обществ.

Лингвисты, исследователи языков, сравнивают их между собой, находят языкам родственников и даже предков. А в последнее время они научились восстанавливать из небытия языки, на которых многие тысячелетия не говорит ни один человек, языки, у которых никогда не было письменности.

Среди этих могучих наук совсем скромно выглядит научная дисциплина, которая должна стать сейчас нашей спутницей. Ее зовут этнонимика, и занимается она названиями родов и племен, народов и наций.

У нас еще дойдет черед до специального разговора о том, как, откуда и почему разные народы получают свои имена. Но сейчас нас интересуют башкиры.

Сознаюсь, не случайно выбрал я для разговора о родстве между народами именно их. Дело в том, что башкиры, как, впрочем, и некоторые другие народы, сумели пронести через века и даже тысячелетия названия своих и древних и сравнительно поздних родо-племенных объединений.

Видимо, почти все достаточно древние народы когда-то делились на роды и племена. Мы знаем, что это относится и к жителям Древней Руси, и к древним франкам, и к индейцам, жившим у американских Великих озер. От самого слова «род» и произошли наши слова «родня, родственники» и т. д., потому что род и объединял родню, близкую и дальнюю. Но не всюду дожили роды и племена до времени, когда их названия смогли записать. А вот у башкир это удалось сделать. Мало того, благодаря замечательным башкирским легендам и преданиям мы знаем даже, сколько основных родов было в Башкирии до монгольского завоевания и как они назывались.

А названия, данные племенам, родам, группам, на которые делятся роды, — вещь прочная, их куда труднее сменить, чем фамилию. Живет род — живет обычно и его имя, полученное сто, и триста, и много сотен лет назад.

А уж по имени часто можно узнать и то, когда оно появилось и почему оно именно такое, какое есть.

Башкирский ученый Р. Г. Кузеев составил из племенных, родовых и внутриродовых имен настоящую лестницу в прошлое своего народа. Лестницу из семи ступеней. Каждая размерами в целые века. В своей научной работе Кузеев, разумеется, говорит не о лестнице и ступенях, а о лингвистических пластах в этнонимике башкир.

Вот самый к нам близкий из них, верхняя ступень лестницы, пласт, который Кузеев назвал Поволжско-Среднеазиатским. Многие из его имен звучат очень знакомо даже для человека, никогда специально не интересовавшегося не только историей Башкирии, но и вообще историей.

У нас в Средней Азии есть Узбекская ССР; а в ней Каракалпакская АССР. И в Башкирии есть (или были) свои «узбеки» и «каракалпаки», только говорящие по-башкирски, потому что это в данном случае названия не народов, а только внутриродовых групп.

В низовьях Волги лежит Калмыцкая Автономная Республика. Но и в Башкирии оказались свои «калмыки»!

Далеко, на крайнем юге нашей страны, находится самая жаркая из советских республик — Туркмения. Но в Башкирии есть свои, башкирские «туркмены».

Все это кажется удивительным, и все-таки, в общем, не так уж странно. Не поражает ведь нас распространенная русская фамилия Калмыков.

Но между фамилией и родовым названием — разница огромная. У русских Калмыком или Калмыковым по прозвищу и основателем фамилии Калмыковых когда-то мог стать и потомок осевшего на но-

вой земле калмыка, и просто русский человек, побывавший в Калмыкии и поразивший по возвращении оттуда соседей рассказами про диковинную чужую страну. Даже мужчина с чертами лица, которые казались его односельчанам калмыцкими, мог получить такое прозвище. Впрочем, нет смысла перечислять все возможные случаи. Важно ведь тут, что русские Калмыковы совсем не обязательно происходят от калмыков.

Другое дело у башкир с их системой родовых имен. Если уж называется группа башкир калмыками, так, значит, течет в их жилах какая-то доля калмыцкой крови, значит, происходят эти башкиры не только от общих со всем своим народом предков, но и от каких-то выходящих из чужих земель.

На башкирские земли приходили в XVI—XVIII веках представители многих народов Средней Азии, Поволжья, Урала. Сюда перебирались и отдельными семьями, и группами, и родами. Потому и приняли некоторые родовые объединения башкир имена целых народов, живущих за сотни, а то и тысячи километров, что в числе основателей таких больших семей и родов были как раз калмыки, каракалпаки, узбеки, татары и другие.

Они появлялись с востока и запада, с севера и юга, селились среди башкир, рождались с ними, принимали постепенно их язык и культуру, пока не стали совсем башкирами, сохранив от предков пришельцев почти что только одни родовые названия. В это же время на башкирской земле появились и русские поселенцы, тоже роднившиеся с ее историческими хозяевами.

Пятьсот лет — самым древним и меньше двухсот — самым молодым из родо-племенных названий этого пласта, недаром же он только самая верхняя ступень нашей лестницы из этнонимов. Теперь эти названия, когда-то такие важные, играют для историков роль своеобразных путевых знаков, отмечающих древние передвижения людей и народов. Кузеев использовал эти знаки и для движения по времени.

Сделаем теперь еще шаг вниз по лестнице, которую он построил в своей работе, опустимся в следующий, второй сверху пласт названий. Тут мы встретимся с такими именами, как нугай-кыпчак, нугай-юрматы, кызыл-нугай. В этом «нугай» нетрудно угадать имя ногайцев, встречающееся в истории России. А кто такие ногайцы?

Начать придется издалека. Почти шестьсот лет назад, как раз на территории Башкирии, в великой битве решалась на долгие десятилетия судьба огромных просторов Восточной Европы, Западной, Центральной и Южной Азии. Здесь в 1391 году встретилась на поле сражения армия Золотой Орды с грозным войском самого Тимура. Железный Хромец, не случайно титуловавшийся Потрясателем Вселенной, наголову разгромил золотоордынского хана Тохтамыша (того самого, который всего за два года до этой битвы обманом захватил и сжег Москву).

Страшный разгром привел к распаду Золотой Орды. На ее месте

возникло несколько государств. Одним из них был союз кочевых племен, ставший известным под именем Ногайской орды. Большая часть Башкирии оказалась под властью ногайских племенных вождей — мурз. Некоторые ногайские роды поселились в Башкирии и в конце концов стали башкирскими. Память об этом смешении двух народов хранят те же названия. Нугай-юрматы, например, — это соединение имени ногайцев с именем древнего башкирского племени юрматы.

Целиком ногайским оказывается второй сверху пласт родо-племенных названий.

Третий пласт имен, третью ступеньку вниз оставили башкирам кипчаки. Русская история помнит о них как о половцах. Хозяевами Северного Причерноморья были когда-то кипчаки, их земли тянулись и дальше на восток, через Северный Кавказ и Поволжье, через Среднюю Азию и нынешний Казахстан почти до Алтая.

История каждого народа удивительна, и все-таки прошлое кипчак-половцев полно таких поразительных изменений, что пришлось им отвести целую главу в книге. Но до такой главы еще дойдет черед. А пока скажем, что третий, по Кузееву, лингвистический пласт башкирских родо-племенных имен подтверждает то, что историкам известно из других материалов. Во времена Батыева нашествия и после него, в столетия монгольского ига, кипчаки подверглись страшному разгрому. Снова и снова уходили за добычей в уже покоренные кипчакские степи монгольские разбойничьи отряды. И потянулись кипчаки со своих безлесных равнин, где негде укрыться от сильного врага, от злой стрелы и тугого аркана, на север и северо-восток, в густые леса, за широкие реки, высокие горы да топкие болота. Почти все народы Поволжья и Урала включили тогда, в XIII—XV веках, в свой состав переселившихся с юга и юго-запада кипчаков...

Приняли их и башкиры. Это произошло тем проще и легче, что не впервые пришли на Урал кипчаки. Нет, не впервые. Еще в X—XII веках среди башкирских родо-племенных имен стали появляться кипчакские. Вместе с именами, унаследованными в те же века от другого тюркского народа, огузов, составляют более древние среди кипчакских имен четвертый сверху лингвистический пласт названий.

А на пятой ступени оставили свой след первые носители имени башкир — племена, пришедшие тысячу лет назад на Урал из земель, прилегающих к Каспийскому и Аральскому морям. Часть новоприбывших племен еще на той своей родине успела объединиться, и соседи знали их объединение под именем «башкорд» («башгарт, башкард»). Понятно, что эти «старые башкиры» тоже передали своим потомкам принесенные из Средней Азии родо-племенные названия.

Узнать их среди множества других имен помогает то обстоятельство, что поскольку у «старых башкир» были потомки в Средней Азии, эти же названия встречаются у других родичей племен «башкорд» — у узбеков, казахов, киргизов, каракалпаков, алтайцев, тувинцев и даже у монголов...

Встречаются старобашкирские имена и историкам, читающим средневековые рукописи. Во многих событиях, происходивших и в Европе и в Азии, сыграли важную роль племена, передавшие современным башкирам свое общее имя. Сравнивают ученые названия древних и живших в более близкое к нам время родов в разных землях и узнают, какие из этих названий пришли на Урал с племенами «башкорд».

По мнению специалистов, решающую, важнейшую роль в формировании башкирского народа сыграли как раз племена «башкорд» и кипчаки.

Но пятая сверху ступенька — еще далеко не последняя. История башкирского народа уходит в прошлое на его нынешней земле куда дальше, чем на тысячу лет, он много старше своего имени. Остаются еще многие века до «этнонимического дна», до времени появления самого раннего из дошедших до нас родо-племенных башкирских названий.

В VIII—IX веках заняли свое место среди этих имен имена болгарские и мадьярские — шестой сверху пласт башкирских этнонимов.

Булгары пришли на Волгу и Урал с Дона. Другая их ветвь пошла с Дона на Дунай — с ней связана история возникновения Болгарского славянского царства.

Булгары были тюрками, а значит, приходились родственниками по языку и нынешним башкирам, и татарам, и узбекам, и кипчакам, и ногайцам — почти всем народам, образовавшим пять верхних лингвистических пластов.

А вот с мадьярами дело обстояло иначе. Родственные связи у их языка совсем другие. На севере они тянутся к жителям лесов — хантам, манси, на востоке — к древнему населению бассейна реки Оби, а далеко на западе — к венграм, которые и поныне сами себя зовут мадьярами. Есть у древних уральских мадьяр родственники и более отдаленные — финские народы. Это сами финны, эстонцы, карелы, коми, удмурты, мордва, марийцы, вепсы. Еще отдаленнее родство с мадьярами у ненцев и других северных народов, которые этнографы объединяют под общим именем самодийцев. Близкую и дальнюю родню мадьяр, включая их самих, ученые-лингвисты называют финно-угорской группой народов, а вместе с самодийцами включают эту группу в состав уральской семьи народов.

Так вот, еще до прихода и булгар и мадьяр Урал населяли как раз люди многих племен, говоривших на языках финно-угорской и самодийской групп. Поэтому-то были у башкир родо-племенные названия, напоминающие собой такие же названия, встречавшиеся иногда у марийцев, иногда у ненцев... Они-то и составляют седьмой пласт.

Вот мы и спустились вниз на все семь ступеней, о которых пишет Кузеев, добрались до самого старого этнонимического пласта. Древнейшие из составляющих его имен появились по крайней мере на

рубеже нашей эры, а скорее — раньше. На две с лишним тысячи лет в прошлое проникли ученые с помощью родо-племенных названий.

Дальше этнонимика здесь оказывается беспомощной. Но она ведь не одинока. Пройти даже через эти две тысячи лет она была бы бессильна без помощи других наук. А дальше эти науки поневоле обходятся без ее поддержки. История, археология и антропология называют нам новые группы предков современных башкир. Эти науки знают, что на Южном Урале обитали в первые века до нашей эры савроматские и сарматские племена. (Те самые сарматы, что, как вы знаете из школьного учебника истории, частью вытеснили скифов из Северного Причерноморья, частью растворили их.)

Эти племена говорили на языках, близких к иранскому.

Но и теперь еще не окончен этот сверхкраткий, по существу, список предков башкирского народа — я имею в виду тех предков, пути которых хоть как-то удастся проследить науке. Насколько мы можем судить, по крайней мере четыре тысячи лет назад (а может быть, и пять и шесть тысяч лет назад) на Урале появились племена праиндоевропейцев. Так называют сейчас общих предков и англичан — и индийцев, и русских — и шведов, и испанцев — и армян... В ту далекую пору не успели образоваться не только эти народы, не было еще ни одного — ни единого! — из народов, живущих на земле сегодня. Но предки этих народов уже существовали. А говорили праиндоевропейцы на языке, от которого ведет свое начало и русский...

Теперешняя Башкирия стала одним из мест встречи между праиндоевропейцами и праугро-финнами. Племена воевали и мирились, торговали и рождались, принимали в свою речь «чужие слова».

Вот мы называли, называли, называли предков башкир — можно было устать слушать. А ведь перечислили далеко не все даже основные группы людей, ставшие с течением веков единым народом.

Можно было бы, например, добавить, что в район Башкирии были отброшены какие-то племена, входившие в гуннскую державу, и происхождение некоторых родо-племенных групп башкир прямо связывают иногда с именем гуннского вождя Баламира. И таких добавлений можно сделать еще немало. Но и названного достаточно, чтобы увидеть, какая богатая и многочисленная родня у башкирской социалистической нации. Родичи живут и по соседству — татары, марийцы, удмурты, — и далеко, как тувинцы. На самом севере нашей страны, как саамы, на самом юге ее, как туркмены, в центре Европы, как венгры, и почти на самом северо-востоке Азии, как якуты...

СТЕПЕНИ БЛИЗОСТИ

Вот сколько предков и родственников удалось насчитать у башкир. Но это, говоря строго, еще далеко не все истинные предки и родственники. Ученые договорились принимать в расчет в качестве предков

народа только те группы людей, которые вошли в состав образующегося народа как некие самостоятельные общности и лишь затем постепенно теряли свои отличительные особенности. Некоторые из таких особенностей исчезали, другие переставали быть отличительными, потому что их принимал весь народ. А просто пришельцев-одиночек или отдельные семьи, даже если их бывало на той или другой территории в иные эпохи немало, ученые на роль предков не принимают. Строгий отбор! Ведь при нем в число предков, скажем, литовского народа не попадают те польки, захваченные древними литовцами при набегах на соседнюю страну, о которых говорит известное стихотворение Пушкина «Будрыс и его сыновья» (перевод стихотворения Адама Мицкевича «Три Будрыса»):

...Третий с Пазом на ляха пусть ударит без страха;
В Польше мало богатства и блеску,
Сабель взять там не худо; но уж верно оттуда
Привезет он мне на дом невестку.

Нет на свете царицы краше польской девицы.
Весела — что котенок у печки —
И как роза румяна, а бела, что сметана;
Очи светятся будто две свечки!

Был я, дети, моложе, в Польшу съездил я тоже
И оттуда привез себе женку;
Вот и век доживаю, а всегда вспоминаю
Про нее, как гляжу в ту сторонку.

Будрыс вспоминал про мать своих детей, а ученые, как видите, могут в своих трудах ее и не вспоминать. И тут они, пожалуй, тоже правы.

Иначе родство народов пришлось бы признать еще более близким, чем то есть на самом деле. И запутаться в нем было бы еще легче, чем при нынешнем научном подходе. Ведь люди роднятся между собой все-таки легче, чем целые народы.

А о том, как быстро распространяется кровное родство у людей, очень наглядно свидетельствует, например, генеалогическое древо потомков самого автора русского текста стихотворения о Будрысах.

Сейчас только примерно половина потомков Пушкина живет в нашей стране. В числе уже внуков Александра Сергеевича были немцы и англичане. А среди ста с лишним ныне живущих его потомков, по данным Татьяны Григорьевны Цявловской, есть, кроме русских, армяне и грузины, литовцы и испанцы, французы, итальянцы и люди других национальностей...

Конечно, тут сыграло свою роль то обстоятельство, что Пушкин принадлежал к русской аристократии, а аристократы в ту пору куда чаще путешествовали, чем представители других слоев нации, и

очень охотно роднились с аристократами других стран. И все же в близкой либо дальней родне у большинства людей, «аристократы» они по происхождению или нет, могут найтись люди другой национальности. «Случай Пушкина» показывает это очень убедительно.

Но браки отдельных немцев или французов с русскими не превращают русских вообще в предков французов и немцев (и наоборот). И то обстоятельство, что Пушкин был правнуком абиссинца, не дает оснований считать абиссинцев вообще предками русских (а заодно — немцев, англичан и т. д.).

Николай Николаевич Чебоксаров, один из виднейших советских антропологов, «предъявил» еще одно требование к группам людей, которые можно было бы «ввести» в число предков данного конкретного народа: сама по себе каждая из таких групп должна перестать существовать по крайней мере на территории, занимаемой этим народом. Вполне отвечают этому требованию те каракалпаки и туркмены, которые дали свои имена отдельным родам башкир. На территории Башкирии нет национальных групп туркмен и каракалпаков.

И вот даже при таком строгом отборе среди предков и прашуров и, следовательно, родственников «по крови» у каждого народа можно отыскать, как вы видели, не так уж мало. Не у одних ведь башкир столь широкие семейные связи.

Многие народы Поволжья и Средней Азии имеют с башкирами общих родственников.

Русские, украинцы и белорусы — славяне. Родной кажется нашему слуху речь сербов, болгар, чехов и других западных и южных славян. Вместе с ними входят восточные славяне отдельной ветвью в большую семью индоевропейских народов, где есть еще и германская ветвь и иные. Но у народа, как у человека, родственники бывают не только в его собственной семье. Древнерусский народ включил когда-то в свой состав немалое число финских племен на севере, тюркских — на юге, балтийских (родичей латышам и литовцам) — на западе. А ведь и русские, и украинцы, и белорусы происходят от древних русичей и, значит, унаследовали их родство.

А в конечном счете все люди — родственники.

Несколько десятков, максимум немногие сотни тысяч лет назад кучка существ, избранных беспощадной эволюцией для превращения в гомо сапиенсов, людей разумных, заключала в себе предков всех народов мира, от пигмеев Центральной Африки до гренландских эскимосов. Все мы потомки одних и тех же общих предков, а значит... Но родня родне рознь. Дело не только в степени близости родства. Само родство может быть различным.

Поглядим на тех же башкир. Они входят в тюркскую ветвь Алтайской языковой семьи (как русские — в славянскую ветвь семьи индоевропейской).

А кому же тогда приходится башкиры братьями по языку (подчеркиваю — именно по языку)?

Соседним татарам и казахам, далеким азербайджанцам и еще более далеким якутам... Список можно продолжить, как вы уже видели, но для нас всего важнее сейчас именно родство с азербайджанцами и якутами. Дело в том, что если поставить рядом «среднего» башкира, «среднего» якута, «среднего» азербайджанца, то останется только поразиться внешнему несходству ближайших родственников.

Языки — явные родичи, а их носители — это ясно с первого взгляда — никак не могут быть близкими родственниками по крови. Башкиры по внешнему облику похожи одни на русских, другие на татар, у азербайджанцев явное внешнее сходство с армянами и некоторыми другими кавказскими народами, якуты многим во внешности близки к своим южным соседям бурятам.

Словом, если считается родством по языку, то братья часто оказываются разными по внешнему облику. А если наоборот, смотреть только на лица и фигуры людей, сближая скуластых со скуластыми, блондинов с блондинами и так далее, то вдруг оказывается, что такие братья никак друг с другом не могут договориться, нет у них общего языка.

Словом, родство родству рознь, и близость по внешнему виду нельзя путать с близостью по языку.

Тому есть поразительные примеры. Негры Соединенных Штатов Америки связаны по крови с чернокожими африканцами, от которых и происходят, но говорят они по-английски, на том же языке, что «белые» американцы, а также англичане, англоканадцы, австралийцы. «Братьями по языку» приходится американским неграм, как и американским «белым», народы, говорящие на языках германской ветви индоевропейской семьи, то есть немцы, шведы, датчане и т. п.

Мексиканские индейцы, часть которых говорит только на испанском языке, тем самым оказываются членами романской ветви той же индоевропейской семьи языков, «братьями по языку» французам и итальянцам. Население Республики Гаити состоит в основном из потомков африканских негров, но говорит оно по-французски. Таких случаев можно привести много. История у нашей планеты сложная и бурная, и не раз в этой истории путешествовали и народы и их языки.

Сходство внешности нередко говорит о родстве, но родстве по крови. Якуты не случайно похожи на бурят. Как считают ученые, в числе предков якутского народа были люди, ушедшие когда-то из нынешних бурятских областей у Байкала на север, в бассейн великой реки Лены. Сходство башкир с волжскими татарами тоже не случайно. У этих двух народов, как я уже говорил, немало общих предков.

Родство по крови, близкое или дальнее, есть у башкир, очень вероятно, со всеми народами, следы которых обнаруживают себя в родоплеменных названиях. По мнению же антропологов, внешностью башкиры в большинстве особенно схожи с татарами, удмуртами и марийцами.

Но родство по языку прочно вводит башкир в число тюркских народов, сближая тем самым с тюрками — татарами, но отрывая от финноязычных удмуртов и марийцев, как и от венгров и от индоевропейцев.

Древнее родство народов по крови можно иногда проследить необычайно далеко. О нем рассказывают ученым сами представители этих народов — живые и мертвые.

Во-первых, каждый из нас, ныне живущих, участник грандиознейшей эстафеты по передаче великого биологического наследства от предков к потомкам. Обычно в ребенке родственники легко и быстро обнаруживают папин лоб, бабушкины глаза, мамины губы и дедушкины брови. Причем довольно часто бывают правы. Но ведь каждый из нас (а не только человек вообще) — «венец творения», очередное звено эволюционной лестницы. И вы, и я, и Володька с четвертого этажа, и учительница Марина Владимировна — каждый из четырех уже миллиардов людей исполняет обязанности хранителя того, что оставлено в его организме бесчисленными предшествующими поколениями.

По форме черепа и рисунку губ, степени выступания носа, по ширине лица и разрезу губ и еще по сотням признаков находят антропологи то место конкретного человека в эстафете поколений, которое они называют иногда антропологическим типом.

Даже «мертвые кости» начинают говорить под пристальным взглядом специалиста. Каждый древний череп тоже аккумулятор наследственной информации, потому что его форма не случайна, но обусловлена историей. Поэтому каждый найденный череп рассказывает не только о том, как выглядел когда-то его хозяин, он сообщает еще, как могли выглядеть предки этого человека.

История многослойна. Исторические труды полны дат основания и гибели городов, великих битв и походов, полны именами полководцев и флотоводцев. Конечно, все это чрезвычайно важно, все это по заслугам оседает на страницах книг и в душах людей. Но далеко не каждый военный поход вносит существенные изменения в жизнь общества.

Если же снять этот «верхний слой» истории и заглянуть глубже, мы увидим движения уже не армий, а племен и народов, зазвучат здесь не имена полководцев, но названия новых стран, меняться тут будет уже не содержание речей правителей, но сама речь — язык.

Очень хорошо написал пакистанский поэт Юсуф Зафар:

Эй, мудрец!
Ты долбишь застарелую ложь,
ты сшиваешь лоскутья
придуманной славы,
Ни в одном
из писаний твоих не найдешь

тех людей,
на которых держались державы, —
Чьи труды
создавали зубцы крепостей,
и оружие,
и храмы,
и обувь,
и сбрую,
Чьи тела
за столетье — на много локтей,
перетлев,
приподняли
поверхность земную!..
А твои
показные гирлянды имен
золотые кумиры
истории чинной —
Лишь зола
на подошвах идущих времен,
лишь игра пузырьков
над морской пучиной.

Под внешним слоем конкретных событий истории классики марксизма увидели определяющие их ход законы, производительные силы и производственные отношения, классовую борьбу и революционные процессы.

И все эти события, большие и малые, сплетены с процессами изменения внешнего (антропологического) облика людей, влияют на них. Но это влияние на антропологию иногда кажется до смешного не соответствующим размаху самого исторического явления. Ведь даже такое историческое событие, которое и потомкам, а не одним лишь современникам, кажется грандиозным, не всегда оставляет след на внешности больших групп людей.

Нашествие гуннов на Европу, например, оказалось для этого «маловато по масштабу». Мы твердо знаем, что это нашествие было, знаем, что гунны овладели большей частью Центральной Европы, включили в свою державу огромные куски Европы Западной, глубоко проникли и на территорию Италии и на Балканы.

Точно так же знаем мы по описаниям современников, в ужасе ждавших от гуннов чуть ли не гибели мира, что те поражали европейцев не только бранными победами, но и своей внешностью. Вот что писал римский историк Аммиан Марцеллин:

«Все они отличаются плотными и крепкими членами, толстыми затылками и вообще столь страшным и чудовищным видом, что можно принять их за двуногих зверей или уподобить сваям, которые грубо вытесывают при постройке мостов».

Простим перепуганному историку невольные, фантастически звучащие преувеличения: у страха глаза велики. На самом деле, по-видимому, гунны просто принадлежали к заселяющей большую часть Азии монголоидной расе (как китайцы и японцы, как наши буряты, якуты и т. д.).

Ну так вот, эти гунны не оставили практически никаких следов во внешности народов большей части покоренной ими Европы. Если и есть у людей некоторых европейских народов монголоидные признаки, то они унаследованы не от гуннов.

Мало того. Даже при раскопках в Центральной и Западной Европе в древних курганах и могильниках гуннского времени удалось пока что обнаружить чрезвычайно мало костей и черепов гуннов типичного «восточного вида». По-видимому, на своем, занявшем сотни лет пути из Азии в Европу они так смешались с захваченными их движением племенами другого внешнего облика, что растеряли почти все монголоидные расовые признаки. Аммиан Марцеллин, вероятно, описывал тех немногих из гуннской знати, что еще сохранили какие-то древние черты своего племени, плюс напрягал собственное, распаленное опасностью воображение.

И если гуннов было мало для того, чтобы наложить хоть один мазок на антропологическую картину нынешней Европы, то какие же переселения должны были происходить в далеком прошлом, если оставленный ими след четко различим и нынче!

Четыре или пять тысяч лет назад из Азии в Европу прошли племена, бывшие предками нынешних финно-угорских народов (краткий список этих народов «на сегодняшний день» есть в главе «Большая родня»). Север Восточной Европы, а возможно, и часть Европы Центральной заняли эти племена, встретившиеся здесь с предками народов индоевропейских. Древние финно-угры несли с собой и в себе ряд признаков монголоидной расы. Они вступили на земли, где жили племена, принадлежавшие к европеоидной расе, смешались с ними, но оставили в числе прочего наследства общим потомкам и некоторые особенности внешности.

Конечно, ни средний финн, ни средний эстонец не похожи на монгола или бурята. Но взгляд специалиста отмечает у одного жителя Восточной Эстонии близость разреза глаз к монгольскому, у другого — сравнительно плоское лицо. И общая сумма таких разбросанных, «поделенных» между разными людьми монголоидных расовых признаков выглядит, по мнению ученых, достаточно убедительно.

Но монголоидные черты от древних финно-угров унаследовали не только эстонцы, финны, карелы и другие их родичи по языку.

Известно, что для части русских характерны широкие скулы — явный монголоидный признак. Очень давно эту и другие аналогичные черты внешности рассматривали как одно из следствий татаро-монгольского завоевания и ига, как наследие времени, когда Русь подчинялась Золотой Орде, наконец, как результат смешения с татарами в

Поволжье и в коренных русских землях, куда не раз переселяли своих «служилых татар» русские великие князья и цари. Однако антропологические исследования последних лет убедительно показали, что и перед приходом Батыевых полчищ у русских тоже были монголоидные черты, мало того — в общем выраженные ярче, чем сегодня! Откуда же они взялись? Источник был найден. Им оказались как раз финские племена, заселявшие многие области Восточной Европы до прихода в эти области славян и смешавшиеся со славянами во второй половине первого тысячелетия нашей эры и в начале второго тысячелетия.

А почему за последующие века русские такие черты частично потеряли? Возможно, что восточные славяне куда сильнее обменивались кровью с западными, чем предполагали историки. Впрочем, тот же результат мог получиться и в силу того, что жители Южной Руси, где финны никогда не жили, были, скажем, в среднем многодетней обитателей севера страны, унаследовавших, кроме славянской, и финскую кровь.

Монголоидные признаки были принесены древними переселениями из Азии и на территорию Польши, Германии. А с юга в Европу в течение тысячелетий проникали африканцы. Примесь их крови антропологи отмечают не только у испанцев, португальцев, итальянцев, жителей юга Франции, они находят ее и дальше на северо-западе, в Ирландии.

Видно, долгие тысячелетия шли на север, пусть давным-давно, жители «черного материка», если такими прочными оказались их следы.

А между тем история ничего не говорит нам об этих передвижениях. Зато чрезвычайно много говорит о других, которые или вовсе не оказались запечатлены в самом драгоценном материале для памятников — человеческих телах и лицах, или оставили на этом материале едва заметный отпечаток.

Эпоха великих арабских завоеваний. Храбрые наездники под зеленым знаменем ислама покоряют в числе прочих стран Египет. Большинство египтян приняло новую религию, принесенную победителями. В течение долгих столетий сражался арабский язык со старыми языками страны (греческим и коптским) за право господствовать в долине Нила, в конце концов выиграв эту войну. И только одно осталось в Египте почти без изменений — внешность египтян. Тот самый физический тип, который мы узнаем в мумиях времен первых династий, то есть времен, отделенных от нас полусотней веков, тот самый тип господствует в Египте и сегодня. До арабов на Египет нападали и даже утверждали свою власть над ним и греки с севера, и нубийцы с юга, и ливийцы с запада, и гиксосы, ассирийцы, персы с востока. И все же современные египтяне похожи на те изображения, которые высекали из камня и на камне их далекие предки.

Все мы знаем о том, что пятьсот с небольшим лет назад окончательно подпали под власть мусульман-турок земли христианской Византии. Но турки внешне больше похожи на тех же византийцев, чем на древних тюрков, от которых пошел их язык и от которых сами они ведут свой род.

А вот — раньше, чем перейти к объяснению этих странных на первый взгляд фактов, — еще примеры того же рода. Бесконечно сложна и запутанна история Балканского полуострова. Прежде чем хозяевами большей его части стали славяне, жители нынешних Югославии и Болгарии, по Балканам прокатились волны великого переселения народов, включая и готов, и гуннов, и авар, и кого только еще не включая! Впрочем, и до наступления эпохи великого переселения народы и племена сменяли здесь друг друга.

Но по внешности балканские славяне во многом напоминают своих предшественников, говоривших отнюдь не на славянских языках (такие древние народы, как иллирийцы, жившие на западе Балкан, фракийцы, населявшие восток полуострова). Сходство выдает здесь прямую родственную связь!

Далее. История Балкан и Кавказа, по крайней мере за последние две тысячи лет, развивалась по-разному. Иные кавказские племена и народы, хорошо защищенные горами, сумели пройти через двадцать веков без таких превращений, которые прервали бы для них связь времен, сделали их новыми народами. Были на Кавказе и страны, пережившие ряд чужеземных нашествий, но даже в пору арабского, персидского или монгольского владычества сюда перебиралось на постоянное жительство относительно мало людей чужеземных племен.

Балканы же долго были своеобразным участком широкой дороги, по которой народы шли то с востока на запад, то с севера на юг, то в обратных направлениях. И многие из переселенцев старались здесь задержаться.

Но несмотря на эти отчетливо заметные различия в истории, «средний тип» балканца по внешности очень похож на «среднего» кавказца. Не зря же антропологи, разделившие большую европеоидную расу на расы малые, одну из них определили как балкано-кавказскую.

Это сходство можно объяснить только древним родством жителей Балкан и Кавказа, наследием общих, очень давних предков, наследием, которого не смогли стереть и сбросить со счета прошедшие тысячелетия.

А на самом Кавказе? Поразительно разнятся языки народов Дагестана, осетин и грузин, черкесов и ингушей. У каждого народа здесь немало своего, особенного, в культуре. Но как пишет В. П. Алексеев: «Все разное — обычаи, песни, танцы, язык, а люди на одно лицо от Западного Дагестана до горной Черкессии и Карачая, от Сванетии до Хевсурии и Тушетии». («На одно лицо» здесь, конечно, не надо понимать буквально.)

В чем дело, почему так живуча память о прошлом, заключенная в самом облике людей?

Прежде всего нам надо привыкнуть к одному достаточно общему для истории правилу — пришельцев обычно меньше, чем хозяев, завоевателей часто и даже, пожалуй, почти всегда гораздо меньше, чем завоеванных.

Знаете, сколько людей понадобилось в VII веке нашей эры арабскому военачальнику Амру ибн аль-Асу, чтобы завоевать Египет? Всего три с половиной тысячи всадников, причем ушло на подчинение страны у него меньше двух лет. (Надо отметить, впрочем, что сопротивление оказывала арабам только византийская армия численностью в несколько десятков тысяч человек; сами египтяне встретили арабов скорее как освободителей.)

Что значили эти три тысячи и даже переселившиеся позже в Египет десятки тысяч арабов для многомиллионной массы его населения? Там, где они встречались с этой массой, она растворяла их почти что без следа — в антропологическом смысле слова, потому что последствия арабского завоевания в культуре и языке были решающими.

На территории нашей страны сходная история произошла с азербайджанцами. Жители этой страны с древней культурой до начала второго тысячелетия нашей эры говорили в основном на языке, близком к персидскому.

Но на рубеже этого тысячелетия власть над ее территорией захватили турки. (Впрочем, отдельные волны тюрков и раньше достигали территории Азербайджана.) Азербайджанцы примерно за век-два

сменили язык, стали говорить по-тюркски, но прежний внешний облик свой пронесли дальше, через эпоху смены языка.

Очевидно, по той же причине, по какой сохранили и свой древний антропологический тип египтяне: доля завоевателей в общей массе населения была слишком мала.

А в таких случаях гордые «носители меча», «потомки богов» и прочее, и прочее, удивительно быстро растворяются среди своих рабов и данников. Даже жесточайшая кастовая система в Индии с ее категорическим запретом межкастовых браков в конечном счете не смогла до конца противостоять такому смешению. Среди современных индийцев есть люди, которых относят к европеоидной расе, есть и негроиды. Но многие миллионы жителей Индостана несут одновременно признаки европеоидной и негроидной рас. Они — потомки одновременно и темнокожих аборигенов Индии и ее «арийских» европеоидных завоевателей, вторгшихся в Индию около четырех тысяч лет назад (а кроме того, потомки сотен других народов, покорявших и покорявшихся).

Завоеванные одерживают, в свою очередь, победу над завоевателями. Во внешности общих потомков наследие побежденных чаще всего оказывается гораздо заметнее, чем наследие победителей.

Это и понятно. В классовом обществе враг, превращенный в раба или крепостного, дает «хозяину» доход. Надо учесть еще, что и в классовом и в доклассовом обществе женщин покоренных земель не уничтожали даже самые жестокие завоеватели. Индейское племя карибов, переселившееся с Американского материка на острова Центральной Америки, истребило жившее здесь племя араваков. Точнее — половину его, потому что женщины араваков стали женами карибов. В результате возникла достаточно редкая, хотя и не исключительная в истории ситуация: мужчины говорили здесь к приходу испанцев на одном языке, а женщины на другом.

Но достаточно хотя бы одних женщин побежденного народа, чтобы потомки покорителей были уже наполовину и потомками побежденных. Обычно же не происходило уничтожения и детей и мужчин.

Советские ученые, этнограф и историк Ю. В. Бромлей и антрополог В. П. Алексеев, в написанной совместно научной работе подчеркивают, что до сих пор обычно историки невольно преувеличивали в истории каждой страны и при образовании каждого народа смешанной крови роль пришельцев, преуменьшая значение тех, кто жил на данной территории до их появления.

Историки следовали тут за легендами, создаваемыми самими народами, а те часто запоминают прежде всего последний из пластов, соединением которых были созданы. Может быть, потому, что приятнее происходить от победителей, а может быть, еще по какой-нибудь причине. Над этой особенностью, кстати, подшучивал еще Джек Лондон, герои которого в романе «Сердца трех» отмечают, что

испанцы в Америке «перебили половину индейцев... и стали предками другой половины».

Впрочем, я, может быть, слишком много говорю о завоеваниях. А народы ведь встречаются и смешиваются отнюдь не только в результате войн и завоевательных походов. Есть еще и просто переселения на относительно слабо заселенные территории. Вспомните, например, недавнее массовое движение русских и украинцев на целинные земли.

Тысячу с лишним лет назад русские переселенцы, большей частью без серьезных военных столкновений, заняли многие области северо-восточной Европы, смешавшись здесь с финскими племенами.

Почти три тысячи лет прошло с тех пор, как постепенно переселявшиеся с Аравийского полуострова в междуречье Тигра и Евфрата племена арамейев стали в конце концов играть важнейшую роль в Вавилонии, хотя не было тут ни вторжений огромных армий, ни отчаянных битв.

И четырехтысячелетней давности появление хеттов в Малой Азии (они основали здесь великую державу, соперницу Древнего Египта) прошло, по-видимому, в основном мирно.

Победители брали в жены пленниц, новые переселенцы женились на свободных женщинах из соседних старых деревень и городов. А в итоге смешивалась кровь людей разных племен, укрепляя древнее родство человечества новыми узами.

Благодаря смешению людей разных рас возник великий американский народ, у многих десятков миллионов коренных жителей США можно увидеть хотя бы отдельные негроидные или монголоидные черты — наследие африканских рабов, свободных индейских племен, а иногда — китайских и японских переселенцев.

Во многих штатах запрещены браки «белых» и «черных», в других к ним относятся весьма недоброжелательно. Потомки таких браков, мулаты, считаются неграми, как бы ни была светла их кожа. Одни негры и мулаты борются за равноправие. А другие... Каждый год, по подсчетам ученых, от тридцати до пятидесяти тысяч светлых мулатов покидают родные места, чтобы поселиться там, где они могут выдать себя за белых.

В 20-е годы американский писатель Синклер Льюис так характеризовал внешность своего героя Эроусмита, персонажа одноименного романа: «Подобно большинству обитателей Эльк-Милльса до славянско-итальянской иммиграции, Мартин был типичным чистокровным англосаксом-американцем. Это значит, что он представлял собой соединение элементов немецких, французских, шотландских, ирландских, может быть, отчасти некоторых черточек, смесь которых называется еврейской, много в нем было от англичанина, который сам по себе представляет комбинацию первоначального бритта, кельта, финикийца, римлянина, германца, датчанина и шведа...»

После второй мировой войны появился другой роман Синклера

Льюиса: «Кингсблад — потомок королей». Главный герой его, Кингсблад (точный перевод фамилии — «королевская кровь»), начинает выяснять свою родословную. Он полагал, что ведет свой род от англичан, шотландцев, французов; но вскоре обнаружил в числе своих предков и индейцев из племени чиппева и негров... Это было большим потрясением в жизни американца, привыкшего считать себя чистокровным «белым». Но чрезвычайно многие «белые» американцы были бы вынуждены пережить такое потрясение, если бы забрались в прошлое достаточно далеко.

Первая встреча с людьми нового по внешности народа в прошлом часто не только удивляла, но и пугала. Шекспир в «Отелло» ясно показывает, что «венецианский мавр» кажется окружающим на первый взгляд не просто странным или уродливым, нет, он прежде всего страшен, его облик пугает.

Вспомните, как Брабанцио, отец Дездемоны, кричит, что его дочь кинулась «на грудь страшилища чернее сажки, вселяющего страх, а не любовь». Впрочем, и тогда этому Брабанцио люди, знавшие Отелло лучше, говорили: «Ваш темный зять в себе сосредоточил столько света, что чище белых».

Широкие лица авар или монголов воспринимались в той же Европе как чудовищные. Я уже цитировал Аммиана Марцеллина, который говорил «о чудовищном и страшном» виде гуннов.

Дело тут не в каком-то особом, чисто европейском расизме. Долг платежом красен. Вот цитата из отчета японца, побывавшего на голландском корабле: «Когда мы поднялись на палубу, капитан и другие лица сняли шляпы, приветствуя нас. Лица у них темные, болезненно-желтоватые, волосы желтые, а глаза зеленые. Кто при виде их не обратился бы в бегство от страха?»

Негры первых встретившихся им белых, до знакомства с огнестрельным оружием, не столько боялись, сколько жалели. Белый цвет кожи казался каким-то уродством. Индейцы Центральной Америки развивали дальше библейскую легенду о том, что люди были вылеплены из глины. Закончив лепку, бог-де поставил получившиеся фигурки в печь, чтобы обжечь их. При этом одних он вынул раньше времени (европейцев), других обжег слишком сильно (негры), а вот сами индейцы поддумались как раз в меру.

Но все эти «первые впечатления» обычно быстро отходят на задний план, когда люди разных рас начинают жить бок о бок и привыкают к особенностям внешности друг друга. Начинают? Всю историю человечества люди не были отделены друг от друга совершенно непроходимыми барьерами. А там, где люди, даже самые разные по внешности, живут неподалеку друг от друга, неизбежен их контакт между собой. Войны и торговля, вражда и дружба почти с одинаковой неизбежностью ведут к появлению смешанных семей. В одних случаях берут в жены пленниц, в других — свободных женщин, но результат — люди, унаследовавшие кровь сразу двух рас.

Антропологи говорят в таких случаях о переходных или контактных расах. К ним принадлежат сейчас многие сотни миллионов людей. Метисы, потомки индейцев и европейцев, составляют, например, большинство населения Мексики, Коста-Рики, Гватемалы и некоторых других стран Америки.

Вот что пишут в своей книге «Народы, расы, культуры» советские ученые Н. Н. и И. А. Чебоксаровы:

«Границы между «белыми», индейцами, неграми, метисами и мулатами во многих латиноамериканских странах все больше и больше стираются. Буквально на наших глазах складывается, например, бразильский народ. Не приходится сомневаться, что через несколько поколений бразильцы будут в расовом отношении не менее однородны, чем англичане или скандинавы».

На уральской земле, в том числе на территории нынешней Башкирии, встречи рас происходили с древнейших времен. Уже у финно-угорских народов (давших, вы помните, самый глубокий пласт башкирских родовых имен) были сильно заметны, судя по раскопкам, монголоидные признаки, а не одни лишь европеоидные. И сегодня среди башкир есть и типичные европеоиды и люди, принадлежащие к уральской контактной расе, во внешности которых сочетаются признаки европеоидов и монголоидов.

Резкие внешние отличия между людьми одного народа совсем не такая уж редкость. Вспомните еще раз хотя бы американских негров, которые, по мнению большинства ученых, составляют неотъемлемую часть американской нации, как и живущие в тех же США потомки англичан, ирландцев, французов, итальянцев, шведов...

Впрочем, отложим пока разговор о таких ярких случаях, забудем о примере Бразилии, где рядом с людьми смешанной европейско-индейско-африканской крови живут и типичные европеоиды и чистокровные негры. В Германии средний житель южной части страны — Баварии — темнее и шире лицом, меньше ростом, чем северянин. Среди немцев-северян куда выше процент блондинов. Есть и другие отличия.

Истинно английским считается рыжий цвет волос (великому Вильяму Шекспиру приходилось утешать в сонетах свою возлюбленную, смуглую брюнетку, уверяя, что ее «немодный» цвет кожи и волос ничем не хуже «модного»). Но тем не менее никто не рискнет сказать о брюнете, что он наверняка не англичанин. (Однако тут можно вспомнить совсем не смешные по сути эпизоды, описанные бельгийским антифашистом де Йонгом в его книге «Пятая колонна во второй мировой войне». В начале этой мировой войны были случаи, когда во Франции хватали как шпионов первых подвернувшихся под руки рыжеволосых людей. Рыжий — значит, немец, полагала толпа. А в Англии, наоборот, повышенную подозрительность вызывали брюнеты... Панический страх, давно известно, плохой помощник и в более ясных случаях.)

Уж на что итальянцев принято считать брюнетами, но и в Италии есть блондины и русые.

Выходец из рязанской деревни поражается доле голубоглазых блондинов среди новгородцев и проценту жгучих брюнетов среди донских казаков. А ведь и рязанцы, и донцы, и новгородцы — равно русские. Русские ростовчане, большей частью черноволосые и темноглазые, довольно сильно отличаются от русских же коренных жителей Архангельска — чаще всего русоволосых и голубоглазых.

Китаец из северо-западных районов страны часто легко отличит по одним лишь чертам лица своего земляка от китайца с побережья Южно-Китайского моря.

В Центральной Африке на небольшой территории живут чересполосно, говорят на одном языке уруньяруанда и, по мнению некоторых ученых, близки к слиянию в одну народность три группы очень разных на вид людей: низкорослые коренастые пигмеи батва, чрезвычайно высокие и длиннолицые батутси и люди племени бахуту, никак не выделяющиеся своим ростом на общем фоне человечества. Естественно, рост — только одна из многих особенностей, по которым различаются между собой эти три группы.

Все такие различия между людьми одного народа — память об обстоятельствах рождения и истории каждого народа, в частности, память о древних хозяевах и сравнительно недавних гостях, тоже успевших стать хозяевами.

А ЧТО ТАКОЕ «НАРОД»?

Изучением народов, их происхождения и развития занимается специальная наука — этнография, что значит «народоведение», «народоописание». Сложный у нее объект. А чем важнее предмет, которым занимается наука, тем труднее ученым добиться согласия.

Историки, философы, биологи и антропологи придумали, например, десятки и сотни точных определений, что же такое человек, человек разумный, гомо сапиенс: от древнего — двуногое животное без перьев, до длинных предложений, в которых простому смертному и половины слов не понять.

А крупнейшие современные физики и философы нередко присоединяются к словам, произнесенным в самый разгар «темного» средневековья: «Пока меня не спрашивают, что такое время, я это знаю, но когда спрашивают...»

Почти то же и с определением слова «народ».

Ни один этнограф пока не смог дать такого точного определения слову «народ», чтобы с ним согласились все его коллеги.

Добавочные трудности создавало то, что в языке само слово «народ» имеет несколько значений. Разве вам не приходилось спраши-

вать, много ли народу было на утреннике? Мало того, мы говорим «индийский народ», хоть и знаем, что, строго говоря, Индию населяют десятки разных наций и национальностей — то есть тоже народов...

Мы говорим «советский народ», называя все тем же старым и добрым словом новую историческую общность людей, именно по характеру новую, впервые в истории возникшую на территории нашей страны.

А население отдельных областей земного шара состоит еще из людей, объединенных в роды и племена. Можно ли называть отдельное племя или даже союз первобытных племен народом? Большинство ученых полагают, что это было бы неправильно. Но какое же тогда найти определение, чтобы оно подходило и для первобытного племени и для крупной капиталистической нации? Стремясь к точности, советские ученые нашли тут выход, к которому не раз уже прибегала наука: перевели спорное слово на древнегреческий язык. Теперь в специальных работах этнографов вы слово «народ» почти не встретите, только ЭТНОС. Разумеется, дело было тут не в одном лишь переводе. В древнегреческом языке слово «этнос» имело около десяти значений. По-видимому, словом «этнос» обозначали, как пишет член-корреспондент АН СССР Ю. В. Бромлей, всякую совокупность одинаковых живых существ, имеющих некие общие свойства (обычай, повадки, внешний вид и т. п.). А значит, его можно применить и к племени тогда в Индии, насчитывающему около тысячи человек, и к русской социалистической нации... Эта замена русского слова древнегреческим была явно удачна: примеру наших ученых последовали постепенно многие зарубежные, и слово «этнос» стало принятым международным термином, придя, по сути дела, в мировой научный язык из русского.

Но эта книга написана не для специалистов, поэтому я останусь здесь верным слову «народ», только в случае крайней необходимости обращаясь к более научной терминологии.

Должен добавить, однако, что достигнутое этнографами мира согласие относительно термина «этнос» не привело все же к согласию относительно понятия, которое этим термином обозначают. Для этноса так и не нашли определения, которое удовлетворяло бы всех ученых. А ведь, кажется, так просто...

Увы, только кажется. Посудите сами. Что объединяет людей в единый народ? Или скажем иначе: какие черты должны быть общими у людей, вместе составляющих один народ? Простая логика говорит об общем языке и общей территории, единстве хозяйственной жизни, о единой культуре, об особом национальном характере и т. п.

Все верно, каждый из перечисленных признаков народа чрезвычайно важен... И по каждому из них можно найти народ-исключение.

Общий язык я назвал в первую очередь, но даже он подводит во многих случаях. Англичане и австралийцы, например, говорят на одном языке — английском. На нем же говорят жители Соединенных Штатов Америки и большая часть канадцев, и население острова Ямайка в Центральной Америке, и новозеландцы, и огромное большинство ирландцев.

И тем не менее все это разные народы, никуда не денешься.

А вот в Швейцарии половина населения говорит по-немецки, а другая — частично на французском, частично на итальянском, частично на малоизвестном рето-романском языке. Но сами швейцарцы считают, тем не менее, себя единой нацией, живут в одном государстве шесть веков и не собираются размежевываться друг с другом. (Мало того: долгое время в Швейцарии официальными государственными языками считались только немецкий, французский и итальянский. Сравнительно недавно рето-романский, хотя на нем и говорит немногим более ста тысяч человек, тоже был объявлен государственным и стал годиться для заполнения любых документов. Может быть, такое равенство языков и было одной из причин того, что швейцарский народ не распался?)

Удивительная история произошла в Норвегии. Здесь есть целых три норвежских языка, правда не очень сильно отличающихся друг от друга.

В нашей стране отдельные группы единого мордовского народа говорят сейчас, по существу, на трех языках: часть на мокшанском языке, часть на языке эрзя, остальные, оставаясь мордвинами, создают собственную национальную культуру, пользуясь русским языком, который успел для них стать единственным и родным. Многие карелы тоже говорят и пишут только по-русски.

А бывают еще более поразительные ситуации. Сегодняшние ирландцы говорят на английском языке, и лишь немногие из них продолжают говорить на том гэльском языке, на котором все ирландцы говорили лет триста назад. И все-таки это один и тот же народ!

Вот какие странности порою случаются с языком, а ведь что как не язык — основной признак народа, по мнению тех самых ученых, которые скрупулезно учитывают все исключения и странности, подобные только что перечисленным.

Земли, занятые тем или другим народом, с течением времени порою расширяются, а порою сужаются. Русские сейчас заселяют площадь, на многие миллионы квадратных километров большую, чем пятьсот лет назад.

Народ может на протяжении своей истории даже менять территорию. Калмыки всего лишь четыре века назад жили в Центральной Азии, а теперь их родина лежит в Нижнем Поволжье. Венгерский народ (здесь, пожалуй, лучше сказать «этнос») за последние полторы тысячи лет сменил три, четыре, а возможно, и пять территорий расселения (подробнее об этом в главе «Семь племен и пять стран»).

Может народ существовать и без общей территории. Цыгане, айсоры, евреи разбросаны по всему миру. Евреи — более двух тысяч лет, цыгане — около тысячи, большая часть айсоров — всего лишь примерно 60 лет, со времени первой мировой войны, когда правители Турецкой империи попытались уничтожить этот народ.

Мексиканцы есть не только в Мексике, миллионы их живут и работают в США.

На подробной административной карте нашей страны вы увидите внутри территории Азербайджанской ССР Нагорно-Карабахскую автономную область, где живут в основном армяне. В Нахичеванской АССР, хотя она отделена от основной части Азербайджана территорией Армении, большинство населения — азербайджанцы.

В составе РСФСР есть Северо-Осетинская АССР, в составе Грузинской ССР — Юго-Осетинская автономная область. Осетинский народ оказался разделенным на две части, осевшие по обе стороны Большого Кавказского хребта.

Народы мяо и яо живут в Южном Китае, и во Вьетнаме, и в Лаосе, и во всех этих странах — островками среди основного населения.

Исключений так много, что с правилами становится трудно.

Все эти странности на первый взгляд вещи, все эти «исключения из правил», «поправки» и «дополнения» к жестким научным определениям на самом деле представляют собой, как правило, только результат конкретных исторических событий в прошлом отдельных народов.

Иногда в основу объединения людей в народ кладут глубокую близость культуры и быта.

Но есть сейчас народы по культуре чрезвычайно близкие, но явно отделенные друг от друга благодаря языку или религии.

По особенностям быта донские казаки, например, резче отличаются от русских, чем от украинцев, но говорят они на русском языке и сами считают себя русскими.

Карелы строят такие же дома, как русские северяне, носят такую же одежду, обрабатывают землю такими же орудиями, но остаются отдельным народом.

Национальный характер! Если были в науке вещи, о которых спорили больше, то ни о чем не спорили так страстно. И ничем почти из объектов науки так страстно не занималась литература. Мы еще поговорим о сем предмете, но пока сложное надо объяснять, исходя из простого, а не наоборот, а национальный характер — чрезвычайно сложное явление. И что еще важнее — он продукт истории народа, один из ее итогов.

О том, обязательно ли внешнее сходство людей, составляющих один народ, мы с вами уже говорили в главе «Степени близости». Правда, чем дольше существует народ, тем, при определенных условиях, сильнее такое сходство. Но мы же ищем не те признаки, что зависят от возраста народа, да еще и «при определенных условиях».

Может быть, народы отличаются один от другого по религиозным особенностям? Давно ли из-за различия во взглядах на господа бога проливались моря крови.

Что же, у хорватов, сербов и босняков в Югославии один и тот же язык, но хорваты — католики, сербы — православные, босняки — мусульмане, и хорватов, сербов и босняков рассматривают как три разных народа. Казалось бы, очень убедительно.

Но вот ливанские арабы — частью мусульмане, частью христиане. Однако это не привело к их разделению на разные народы.

Когда речь идет об определении понятия «народ», нет, по-видимому, правила без исключения, и любое определение оказывается либо неполным, либо слишком категоричным, либо чересчур широким и потому тоже неудобным.

Но ведь если бы любая наука ждала, пока ей удастся найти безукоризненные термины и добиться среди исследователей полного согласия, не было бы на нашей планете науки вообще.

А исключения, они есть даже в грамматических правилах, а их надо, как известно, запомнить, не забывая из-за этого и сами правила.

Пока же этнографы в основном были вынуждены согласиться на том, что каждый из конкретных признаков народа (этноса) — от общей территории и языка до религии или обычаев — может в конкретных исторических ситуациях иногда играть важную роль для выделения данного народа среди других, иногда второстепенную, а порою вовсе отходить на задний план.

А вот несколько определений того, что же такое этнос, большинство из них относительно неполно, неточно.

И все-таки вам, наверное, будет интересно ознакомиться с этими определениями, при всех недостатках некоторых из них.

Русский ученый С. М. Широкогоров:

«Этнос есть группа людей, говорящих на одном языке, признающих свое единое происхождение, обладающих комплексом обычаев, укладом жизни, хранимых и освященных традицией и отличаемых ею от таковых других (групп)».

Мексиканский социолог К. А. Эчанове Трухильо:

«Народ — это сообщество людей, соединенных единством основных черт: расы, языка, традиций, обычаев, тенденций».

(Парадоксально, но если верить этому определению мексиканского социолога, то мексиканцы — не народ, поскольку в их число входят и индейцы и люди европейского — испанского — происхождения.)

Советский этнограф С. А. Токарев:

«Этническая общность есть такая общность людей, которая основана на одном или нескольких из следующих видов социальных связей: общность происхождения, языка, территории, государственной принадлежности, экономических связей, культурного уклада, религии

(если последняя сохраняется). Исторически обусловленное соотношение между видами социальных связей порождает этническое самосознание».

Советский антрополог и этнограф Н. Н. Чебоксаров:

«Этнической общностью можно считать всякую общность, которая складывается на определенной территории среди людей, находящихся между собой в реальных социально-экономических связях и говорящих на взаимопонятном языке, сохраняющих, как правило, на протяжении всего своего существования известную специфику и сознающих себя отдельной общественной группой».

Советский этнограф, член-корреспондент Академии наук СССР Ю. В. Бромлей:

«...Этнос в узком смысле слова можно определить как совокупность людей, обладающих общими, относительно стабильными особенностями культуры и соответствующим психическим складом, а также сознанием своего единства и эндогамией». (Эндогамия — положение, когда браки в огромном большинстве заключаются внутри какой-то группы людей. Здесь — внутри народа.) Ю. В. Бромлей недавно показал важность эндогамии для процесса возникновения и развития народов.

Советский историк профессор М. И. Артамонов:

«Этнос... в любом смысле слова представляет собой совокупность людей, обладающих относительно стабильными особенностями культуры».

Надо добавить, что, как полагает Артамонов, племя, народность, народ и национальность — это не формы этноса, а всего только синонимы, применяемые для его обозначения.

А вот уже упоминавшийся Н. Н. Чебоксаров вместе с этнографом С. А. Арутюновым иначе связывают между собой эти понятия. По их мнению, нации, народности и племена соотносятся с этносом, как разные формы вещества с элементом, из которого это вещество построено: «Углерод, например, оставаясь углеродом, существует на земле либо в форме сажи, либо в форме графита, либо в форме алмаза и т. д., но всегда именно в какой-либо из этих форм. Так и отдельные этносы, скажем, венгерский (мадьярский), грузинский, армянский, в разное время и на существенно различных территориях существовали вначале в виде племен, затем в виде средневековых народностей, потом буржуазных, а ныне существуют в виде социалистических наций, а также в виде обособленных национальных групп на территории основного расселения других народов...»

Как видите, далеко не все эти определения исключают друг друга. Прошу вас обратить особое внимание на одну деталь, которую подчеркивают и Широкогоров, и Бромлей, и Чебоксаров, и Токарев. Все они говорят о том, что люди одного этноса «признают единство своего происхождения» — «сознают себя отдельной самостоятельной общественной группой».

Принадлежность человека к данному народу, писал М. И. Артамонов, определяется обстоятельствами его рождения, происхождения, а главное — воспитанием и обучением, в процессе которых человеку прививаются черты той этнической среды, в которой он оказался.

Говоря короче, человек еще в детстве «выучивается» на бразильского индейца или китайца, шведа или украинца, малайца или египтянина.

Люди разных народов даже в нашем веке не только по-разному говорят, но и по-разному одеваются, по-разному едят, здороваются, даже спят. Да, я не шучу — даже спят. Во многих областях Индии, например, принято подкладывать особую твердую подушечку... под ноги.

Бесчисленны различия в обычаях у людей, живущих в соседних и дальних странах, а обычаи — только часть культуры, культуры, о которой так и принято говорить, что она национальна по форме. Свои песни, свои танцы, свои любимые орнаменты у каждого народа. Но культура шире и этого. Опыт каждого народа, как составной части человечества, создал во многих районах мира особые орудия труда, не во всем похожие на другие. Плуг, созданный русским народом за его многовековую историю, не похож на плуг украинский; латышская телега отличается кое в чем по конструкции от белорусской, немецкой, испанской. Некоторые особенности плуга (или телеги) могут быть связаны с особенностями почв (или дорог), другие объясняются просто-напросто тем, что многие задачи можно решить разными способами.

Культура в какой-то степени национальна и тогда, когда это существительное применяют в самом широком из возможных его смыслов, объединяя этим понятием все проявления материальной и духовной деятельности людей.

Национальные особенности культуры человек усваивает в детстве. Американские социологи отмечают, что иногда приезжему английскому профессору, прожившему в США лет 5—10, трудно освоиться с некоторыми деталями американского быта, которые кажутся само собой разумеющимися десятилетнему полуграмотному сыну итальянских эмигрантов, успевшему «выучиться на американца». Иначе говоря, профессор ведет себя еще как англичанин, а мальчик — как американец.

Но культура народа складывается и развивается вместе с самим этим народом. А с чего начинается народ?

НАЧАЛО НАЧАЛ

Среди самых знаменитых путешествий мира по праву занимает свое место описанная Марком Твеном поездка Гека Финна и беглого негра Джима по реке Миссисипи.

Однажды герои этого путешествия заговорили о французском языке. Но предоставим слово им самим:

«— Что ты, Гек, да разве французы говорят не по-нашему?

— Да, Джим, ты бы ни слова не понял из того, что они говорят, ни единого слова!

— Вот это да! Отчего же это так получается?

— Не знаю, отчего, только это так. Я в книжке читал про ихнюю тарабарщину. А вот если подойдет к тебе человек и спросит: «Парле ву франсе?» — ты что подумаешь?

— Ничего не подумаю, возьму и тресну его по башке, — то есть если это не белый. Позволю я негру так меня ругать!

— Да что ты, это не ругань. Это просто значит: «Говорите ли вы по-французски?»

— Так почему же он не спросит по-человечески?

— Он так и спрашивает. Только по-французски.

— Смеешься ты, что ли? Я и слушать тебя больше не хочу. Чушь какая-то!

— Слушай, Джим, а кошка умеет говорить по-нашему?

— Нет, не умеет.

— А корова?

— И корова не умеет.

— А кошка говорит по-коровьему или корова по-кошачьему?

— Нет, не говорят.

— Это уж само собой так полагается, что они говорят по-разному, верно ведь?

— Конечно, верно.

— И само собой так полагается, чтобы кошка и корова говорили не по-нашему?

— Ну еще бы, конечно.

— Так почему же и француз у нас нельзя говорить по-другому, не так, как мы говорим? Вот ты мне что скажи!

— А кошка разве человек?

— Нет, Джим.

— Так зачем же кошке говорить по-человечески? А корова разве человек? Или она кошка?

— Конечно, ни то, ни другое.

— Так зачем же ей говорить по-человечески или по-кошачьи? А француз человек или нет?

— Человек.

— Ну вот видишь! Так почему же, черт его возьми, он не говорит по-человечески? Вот ты что мне скажи!»

Вопрос, заданный Джимом, давно волновал людей, гораздо более образованных, чем он.

Почему на земле живут разные народы, почему человечество не говорит на одном языке? Это очень хотелось понять людям всех времен. И так как подлинных причин они не знали, да и знать еще не могли, то приходилось их выдумывать. Человек ведь по самой природе своей не может и не хочет ничего оставить невыясненным.

Но выдумка, увы, не может заменить истины, хотя продолжает порою жить и после того, как в нее перестанут верить.

Есть у нас для шума и беспорядка точное определение. «Что это у вас за вавилонское столпотворение?» — может спросить учитель, застывая в дверях расшалившегося класса. Не задумывается он о том, что вспоминает библейскую легенду, которой по крайней мере двадцать пять — тридцать веков. Возгордились когда-то люди и решили построить башню до небес. Так энергично взялись они за дело, что сам господь бог встревожился: почему-то не понравилась ему эта затея. Сказал себе господь бог: «У них у всех один язык, и все, что они захотят сделать, будет для них возможно». И «смешал» он их языки, то есть заставил людей говорить на разных языках. Перестали люди понимать друг друга, начали ссориться и разошлись, оставив башню недостроенной.

Вместе с древней священной книгой иудеев и христиан, Библией, эта легенда обошла почти весь мир. Придумали ее, чтобы объяснить различие языков у разных народов, а с Вавилоном и столпом, то есть башней, легенда оказалась связана по причинам сугубо историческим. Когда-то древний город Вавилон многим поразили воображение кочевых еврейских племен, скитавшихся по окрестным степям со своими стадами овец. В том числе и своим многоязычием и своим грандиозным храмовым сооружением — зиккуратом. Таких зиккуратов было много на берегах Евфрата и Тигра. Они представляли собой ступенча-

тые срезанные пирамиды со святилищами на верхних площадках. К святилищу вела каменная лестница. Самый большой из таких зиккуратов находился в Вавилоне. Он достигал в высоту 90 метров. Построили эту пирамиду рабы и военнопленные из разных стран. А когда двадцать шесть веков назад очередной вавилонский царь занялся приведением в порядок башни, сильно разрушенной временем, то счел нужным выбить потом на ее стене многозначительную надпись: «Людей многих народов заставил я работать над восстановлением этой башни».

Но в памяти одного из этих народов причина заняла место следствия. Вместо того, чтобы сказать: здесь трудились многие люди многих народов, поэтому вышла такая высокая башня, стали говорить: башня была так высока, что ее создатели разделились на множество народов. Создание башни, которая должна была достичь неба, стало преступлением, за которое господь бог наказал создателей, сделал так, чтобы «один не понимал речи другого». До начала вавилонского столпотворения на земле был один язык, теперь их стало не просто много, но семьдесят два, вероятно, с точки зрения творцов Библии, это число народов уже было чрезвычайно большим.

Как только мир в глазах людей расширился и стало ясно, что языков на самом деле гораздо больше, библейское объяснение потеряло былую ценность даже для тех из ученых лингвистов, кто пытался по-прежнему верить Библии... Потому что требовалось еще объяснить, откуда взялись языки сверх первых семидесяти двух.

А в Австралии была придумана своя легенда о рождении разных языков, свое сказание о вавилонском столпотворении, только без Вавилона, без столпа и вообще вывернутое наизнанку.

Вот эта легенда (с сокращениями, конечно), почерпнутая из сборника сказок и мифов «Люди незапамятных времен»:

«Было время, когда все племена говорили на одном языке. Даже чужие понимали друг друга, и никто не спотыкался на незнакомых словах, и никого не считали глупым, как считают теперь, когда человек не может объясниться с другим человеком, и оба они молчат. Племен было много, а говорили они все на одном языке, и поэтому люди легко делились друг с другом своей мудростью, и все племена жили в дружбе.

Но брачные законы запрещали мужчинам одного племени жениться на женщинах другого...»

И вот было решено эти законы пересмотреть. Однако трем из десятков племен такое изменение законов почему-то не понравилось. Люди этих трех племен устроили, говоря современным языком, obstruction. Когда все племена собрались для обсуждения новых законов, «племена Черепахи, Лягушки и Ворона начали петь и плясать. Когда кто-нибудь уставал, на его место тут же становился другой».

А согласно обычаю, во время священных плясок никому не разрешалось покидать место этих плясок.

«...Люди стояли и смотрели на пляски, и голод все больше мучил их, и ноги у них подкашивались, и глаза закрывались от усталости. Три дня плясали и пели племена Черепахи, Ворона и Лягушки, и на третий день речь их стала дерзкой и оскорбительной... А так как все племена говорили на одном языке, каждый понимал, что сосед его оскорбляет, и люди настолько разъярились, что вскочили на ноги и начали драться.

Драка между друзьями страшнее драки врагов. Много людей было убито, и племена разошлись в ненависти.

И с тех пор каждое племя решило говорить не так, как говорят другие племена. Каждое племя придумало свой собственный язык, чтобы только соплеменники понимали друг друга».

Просто поразительно это противостояние двух мифов, пытающихся решить одну проблему. В Передней Азии разногласия и беспорядок возникают якобы из-за отсутствия общего языка, а в Австралии — из-за того, что такой язык есть.

Чем это объяснить? Наверное, можно вспомнить, что азиатский миф возник уже в классовом обществе, а австралийский — в доклассовом, и что вражда и войны, случавшиеся между австралийскими первобытными племенами, ни по размаху, ни по жертвам, ни по накалу взаимной ненависти не могли идти ни в какое сравнение с войнами в Старом Свете. Австралийцы большей частью просто боялись слишком ощутимых побед, боялись, что их враги понесут слишком большие потери, и принимали против этого специальные меры.

Взаимное непонимание речи само по себе не могло быть причиной для ссор в Австралии, тем более что там наречия соседних племен обычно взаимопонятны. В Азии же пытались объяснить войны взаимонепониманием, а не реальными обстоятельствами.

Впрочем, в большинстве легенд можно найти хоть какое-то зерно истины, из которого они выросли. И возможно, в рассказе о вавилонском столпотворении, как и в рассказе о нехорошем поведении племен Черепахи, Лягушки и Ворона, сквозь буйный всплеск фантазии проглядывает и реальность — воспоминание о былом единстве предков если уж не всех народов и племен, то хотя бы многих. Или о времени, когда сосед соседа понимал без труда, даже если они принадлежали к разным племенам.

В той же Австралии ко времени заселения ее европейцами вот как обстояло дело на многих территориях.

Племя, живущее на западе области («племя № 1»), понимало язык своего ближайшего восточного соседа («племя № 2»). Живущее еще дальше «племя № 3» уже хуже понимает речь «племя № 1», а уж с человеком из «племя № 4» и вовсе придется выходить из «племя № 1» разговаривать на пальцах. Но «племя № 2» отлично может договориться с «племенем № 3», а то, в свою очередь, — с «племенем № 4».

Для такой ситуации придуман специальный термин — лингви-

стическая непрерывность. Есть ученые, которые считают, что когда-то не только в Австралии, но и во всех частях света соседи понимали друг друга, даже говоря на разных наречиях.

Мы твердо знаем, что для Европы, Азии и Африки время такого сродства языков давно минуло, если когда-то оно и было. Даже на соседней с Австралией Новой Гвинее жители одной деревни часто не понимают языка, на котором говорят в ближайшем к ним селении. Это серьезный довод против теории первобытной лингвистической непрерывности.

Ведь сама Австралия во многих отношениях остается не только материком исключений, Австралия еще и материк загадок. Впрочем, о каком материке нельзя сказать последнего?

Вот мы все время говорим об австралийских племенах. Но, оказывается, в науке идет ожесточенный спор о том, сколько в Австралии всего жило племен. И цифры при этом называют весьма отличные друг от друга. Одни специалисты, весьма авторитетные, говорят о пятистах племенах. Другие, не менее солидные, о тридцати пяти. Третьи, наконец, вообще оспаривают само существование у австралийцев племен в том смысле, в каком это слово обычно понимают историки. Ведь у австралийцев не было, например, в большинстве племен никаких систем управления, не было племенных вождей, племенных советов.

Но уже возникали в Австралии обширные объединения таких племен или групп — предшественники и предвестники появления на Австралийском материке «настоящих» новых народов (их появление надо было ждать в относительно скором времени, если бы до берегов Австралии не добрались европейцы). Такие объединения могли включать в себя племена, говорящие на разных языках, но их уже связывала общая мифология, представление о родстве с соседями по крови.

Серьезным ученым выдвинута точка зрения, согласно которой всех австралийцев континента надо рассматривать как единый народ. По-видимому, это не так, но нельзя забывать, что между отдельными племенами австралийцев существовали связи — и хозяйственные, и культурные, и семейные. Советский этнограф Н. А. Бутинов особенно подчеркивает, что никакая местная «...группа сама просуществовать не могла, она была связана хозяйственно с соседними...».

Сейчас большинство лингвистов приходит к выводу о существовании австралийской семьи языков.

Один ученый пишет о «замечательной близости фонетических систем всех австралийских языков», другой говорит об «интенсивных культурных и лингвистических связях между отдаленными частями континента», третий констатирует, что языки Австралии «в основе своей едины» и «составляют единую семью языков».

Само по себе сходство отдельных языков внутри семьи тем большее, чем ближе друг к другу живут люди, на них говорящие, нельзя

считать чем-то экстраординарным. Еще в XIX веке сходная картина, пусть не без исключений и большей частью без «взаимопонимания» соседей, была установлена в Европе для индоевропейских языков. Украинский язык ближе к русскому, чем польский, сербский ближе к чешскому, чем русский, у немецкого и польского языка больше общих черт, чем у немецкого и русского, и так далее.

Тоже своеобразная лингвистическая непрерывность, только далеко не первобытная. Такая непрерывность, как и разрывы в ней, объяснимы конкретной историей Европы. Может быть, то же надо сказать об «австралийской непрерывности»?

Надо добавить, что, по самым щедрым расчетам, австралийские языки выделились из «праавстралийского» языка самое большее 20 тысяч лет назад. Человечество же обладает вполне членораздельной речью, как полагают антропологи, по меньшей мере сорок — пятьдесят тысяч лет, а может быть, с начала эпохи неандертальцев, то есть уже 200—300 тысячелетий. И очень трудно по нынешней языковой картине мира восстановить древнюю. Может быть, в конце концов теория первобытной лингвистической непрерывности окажется доказана. Тогда это будет очередное торжество человеческой мысли над временем. Но не исключено, что эта теория будет и опровергнута и станет восприниматься когда-нибудь как «миф ...цатого века», отличающийся только научным обоснованием, но не степенью близости к истине, от мифов о вавилонской башне или великой ссоре из-за брачных законов.

Да, трудно установить, что было в «начале начал». Да и что считать началом в истории организации человечества в отдельные группы?

Сейчас нам не нужно слишком далеко углубляться в прошлое. И все-таки как не отметить, что есть ученые-археологи, которые и в находках времен палеолита, времен древнего каменного века видят признаки этнического деления, существовавшего среди наших предков десятки тысяч и даже сотни тысяч лет назад. Дело в том, что часто обитатели разных районов «оставили» нам вещи, отличающиеся настолько, что мы бы сегодня уверенно отнесли их хозяев к разным культурам. Кроме того, нет сомнений, что и тридцать — сорок тысяч лет назад наши предки говорили на разных языках.

Район расселения человечества и предчеловечества уже сотни тысяч лет назад был слишком велик, чтобы в нем могло поддерживаться единство языка, согласно тем лингвистическим законам, которые мы знаем. Вероятно, этническое деление могло быть развито даже гораздо сильнее, чем сейчас, в силу большей разобщенности отдельных групп людей, занимавшихся охотой и собирательством.

Но Ю. В. Бромлей в книге «Этнос и этнография» предостерегает против ошибки, которую можно сделать, посчитав большую область с однотипной археологической культурой местом расселения древней этнической общности. В тех условиях население сотен тысяч квад-

ратных километров никак не могло осознавать себя единым целым. Не обязательно люди, жившие на такой большой территории, должны были и говорить на близких языках.

...В романах из первобытной жизни авторы обычно видят в древних группах людей племена во главе с вождями; иногда, особенно в плохих зарубежных фильмах (вроде английского кинофильма «Миллион лет до нашей эры»), изображается, как порядок в племени поддерживается почти ежечасно применяемой силой, а вождем становится самый могучий мужчина, убив своего предшественника.

На самом же деле образцы древнейшего типа строения общества нам дают, по-видимому, аборигены Австралии. Царящему в племени порядку, основанному прежде всего на выработанных огромным опытом общества обычаях, может позавидовать любая цивилизация. Родовая дисциплина, державшаяся на сочетании самых разных средств духовного воздействия на человека, вплоть до табу, поразила всех путешественников, живших в гостях у первобытных народов. У большинства австралийцев нет, как я уже говорил, даже вождей и племенных советов — координация действий отдельных родов, да и племен, в нужных случаях обеспечивается и без этого. (Кстати, мы, видимо, часто преувеличиваем значение в прошлом единой власти для общества. Долго считали, например, что только после образования в Месопотамии, междуречье Тигра и Евфрата, государства и появления царской власти стало здесь возможно создание грандиозной системы искусственного орошения. Последние раскопки показали, что эта система была создана еще в «доцарский» период усилиями сотрудничавших между собой независимых общин.)

Ряд ученых склоняется все-таки к тому, чтобы называть австралийские племена — предплеменами. Ну что же, это еще сильнее подчеркивает древность таких этнических образований.

Вероятно, поскольку у нас речь идет прежде всего о народах, для этой книги «началом начал» можно считать время, когда началось не столько превращение предплемен в племена, сколько племен — в народности.

ОСНОВАНИЕ

Жить народ может иногда без общей и единой для него территории, без единого языка, без многого другого, чем обладает большинство народов. Так человек может пережить свою мать. Но родиться без нее невозможно. И когда народ возникает, у него всегда есть точный адрес, даже если он позже меняет его, покидая прародину.

С чего начинается народ? Сегодня это один из самых важных и сложных вопросов истории и этнографии. А когда-то эта проблема решалась чрезвычайно просто. Древние греки, например, были уве-

рены, что народы начинаются точно так же, как аристократические семьи. А уж аристократические семьи, понятно, вели свой род или от знаменитых детей неизвестных родителей, или, что было гораздо удобнее и почетнее, от богов. Впрочем, «чужие» народы могли происходить не только от героев и богов, но и от чудовищ. Важно и трудно было установить только, от каких именно богов или чудовищ.

И русский поэт Валерий Брюсов писал в начале века:

...Народ, взлюбивший буйство и войну,
Сыны Геракла и Эхидны, скифы.

Да, согласно древней легенде, первый Скиф (с большой буквы) был младшим сыном героя Геракла и полудевы-полузмеи Эхидны.

Впрочем, эту версию рассказали великому древнегреческому историку Геродоту поселившиеся среди скифов греки. Сами-то скифы полагали, что они потомки союза между Зевсом и дочерью реки Борисфена (Днепра).

Надо отдать должное Геродоту — в версию с Зевсом и Борисфеном он не поверил совсем, в версии относительно Геракла и Эхидны явно сомневался. Гораздо более вероятным казалось ему сказание о приходе скифов в Причерноморье из Азии. Но ведь это сказание отвечало только на вопрос, откуда появились в Европе скифы, но не на другой, гораздо более важный: как вообще возник скифский народ.

Римлянин Аполлодор две тысячи лет назад предпринял грандиозный труд. Он соединил вместе множество сказаний греков и латинян в «Мифологическую библиотеку». Название заманчивое, а книга по праву стала классической. Но знаете, не советую вам пока что ее читать. Чтобы избежать разочарования, когда-то испытанного мною самим. Мифы, прекраснейшие греческие мифы, изложены здесь с сухостью словаря. Да нет, читать словари часто гораздо интереснее. «Мифологическая библиотека» (может быть, и несправедливо) больше всего напоминала мне при чтении железнодорожное расписание.

Тот-то, тогда-то, так-то, женившись на той-то... Меньше всего за это надо упрекать Аполлодора — он и составлял, очевидно, не сборник мифов, а что-то вроде справочника, суммировавшего их сообщения.

Вот вы помните, наверно, миф о корабле Арго, доплывшем до восточного берега Черного моря, о капитане этого корабля по имени Язон, о прекрасной колхидской принцессе Медее, полюбившей Язона и спасшей его от множества опасностей. Впоследствии Язон предал Медею. Ради власти и славы он покинул ее, взяв в жены другую и отобрав у Медеи сыновей. Мстительная Медея на глазах у мужа убила детей и унеслась в облака на колеснице, запряженной драконами. На том бы и кончиться этой трагической истории, ставшей

основой великой трагедии Эврипида. Но Аполлодору, который знает про героев мифов все, известно, что жизнь и приключения Медеи на том не кончились. Прекрасная и жестокая колхидская царевна вышла замуж еще раз, снова стала матерью, семейная жизнь теперь сложилась получше, и от сына Медеи, Меда, пошло племя медов, вошедшее в состав фракийцев. К слову, великий фракиец Спартак, вождь восставших рабов в Древнем Риме, по-видимому, принадлежал как раз к племени медов. Фракия лежала примерно в тех местах, где теперь находится Болгария. Болгары — наследники многих народов, в том числе и фракийцев. Значит, они могут числить среди своих предков Меда и Медею.

(По другому варианту мифа, потомки Меда — мидийцы, объединившие когда-то вокруг себя племена Ирана и создавшие великую державу.)

Латин, основатель народа латинян, приходится сыном страннику Одиссею и богине Цирцее, дочери Гелиоса, бога Солнца. Римляне, отрасль латинского народа, возводят свой род к богу войны Марсу.

Древнеримский историк Тит Ливий был, судя по всему, человеком трезвым и не проявлял излишней фантазии. Начав писать историю родного города и родного народа, он не стал брать на веру предания этого типа. Но и опровергать их тоже не считал возможным. Потому, говорил Тит Ливий, что если и существовал где-нибудь и когда-нибудь народ, имевший право считать, что происходит от богов, то слава римлянам говорит о том, что это за народ. Племена же, покоренные римлянами, заключает древний историк, могут без спора признать, что предок их победителей — Марс, бог войны.

Сколько историй можно было бы пересказать о том, как боги и герои основывали города и народы!

Народы и племена, не успевшие обзавестись такой развитой мифологией, как греки или римляне, придумывали себе предков другого рода.

Австралийцы полагали, что происходят от животных. Помните названия племен, участвовавших в великой ссоре, после которой австралийцы стали говорить на разных языках? Люди племени Черепашки когда-то были черепахами, а люди племени Лягушки квакали. (Впрочем, австралийские аборигены не отделяли пока слишком резко людей от животных, они считали, что не только люди могли быть раньше животными, но и животные когда-то были людьми. Один из мифов этого материка начинается со слов: «Когда выпь была человеком...»)

Но мы знаем легенды о животных-предках не только у племен, живущих в условиях родового общества. Как правило, это свидетельствует о живучести или древнего поклонения тотемам — животным предкам или хотя бы памяти о таком поклонении.

Тибетцы возводили в ранг своих предков обезьяну мужского пола и лесного духа — женщину. Монголы полагали, что происходят

от волка и лани. Древние тюркюты, те самые, что разгромили жужаней и создали великую империю от Желтого моря до Черного, считали своей родоначальницей волчицу, вступившую в брак с человеком.

Легенд о происхождении народов насчитывается, пожалуй, больше, чем самих народов, потому что у многих народов таких легенд, противоречащих друг другу, несколько.

Тот же Латин, предок латинян, по одному мифу — сын Одиссея и Цирцеи, по другому мифу приходился сыном уже богу Фавну и нимфе.

$$1+1+1...=1$$

Обратите внимание: в легендах ради основания народов соединяются бог с земной женщиной, человек с животным — почти всегда два разнородных существа. В этой мифической детали отражается одна реальная особенность возникновения народа.

Вот что пишет член-корреспондент АН СССР Ю. В. Бромлей в своей книге «Этнос и этнография»:

«...Как установлено, если не все, то по крайней мере большинство этносов сложилось в результате сложения различных этнических групп как прошлых, так и автохтонных»¹.

И легенды напоминают нам о том, что началом сложения народа часто становится объединение племен, что это один из главных путей, которыми возникают народы.

Однако теперь надо подробнее поговорить о племенах.

Ученые выделили одну общую черту для всех известных им племен (да и предплемен), черту, которая отличает их от всех известных народностей, то есть определили, грубо говоря, рубеж, пролегающий между племенем и народностью. Всякое племя состоит из родственников. Близких, дальних и очень дальних.

Обычно племя делится на роды, мужчины каждого из которых не могут жениться на женщинах своего рода, но обязаны брать в жены женщин или любого другого рода, или только одного из других родов, заранее определенного строгими обычаями.

Индейцы делавары, которые так нравились куперовскому Соколиному Глазу (Следопыту), делились на три рода: Волка, Черепахи и Индюка. А одно из ирокезских племен сенека (как раз ирокезы, не нравились тому же придиричивому Следопыту) делилось на восемь родов — Медведя, Волка, Бобра, Черепахи, Оленя, Кулика, Цапли и Сокола. Иногда роды объединялись внутри племени во фратрии (греческое слово, означает в переводе примерно то же, что братство).

¹ В данном случае — местных.

Член одной фратрии обязан был брать жену непременно из другой фратрии.

В гомеровские времена на территории Аттики, то есть в городе Афинах и их области, жили четыре племени, каждое из них делилось на три фратрии, а каждая фратрия — на тридцать родов. Правда, тут слишком уж ровные и красивые цифры вызывают у историков подозрения, что такая организация могла быть во многом искусственной.

Так или иначе, но племя, в самом строгом смысле слова, огромная семья, и все члены ее так или иначе связаны между собой именно родственными узами. Это не закрывает доступа в племя иноплеменикам, но они должны проходить через ритуалы, равносильные нынешнему усыновлению. А приемный сын и сегодня, согласно законам большинства государств, в том числе Советского Союза, по правам и обязанностям, связывающим его с приемными родителями, приравнивается к родному сыну.

По всему миру распространены обычаи, согласно которым в род (а значит, и в племя) можно принять чужеземца или соседа. Почти всюду в первобытных и полупервобытных обществах существует специальная церемония такого приема в род, а это ясно говорит, что обряд рассчитан отнюдь не на исключительные случаи.

Не только в приключенческих романах, но и в записках путешественников и в научных исследованиях можно прочесть о европейских — членах индейских, африканских, полинезийских племен.

Вот что пишет советский ученый В. Бахта в книге «Аотеароа», где он рассказывает историю маори — коренного населения Новой Зеландии:

«...Внутри страны, если не считать нескольких миссионеров, единственными европейцами были так называемые пакеха-маори, то есть маори иноземного происхождения.

Эти люди были европейцами по происхождению, но они жили среди маори и, главное, как маори. Разными путями пришли они к решению — добровольному или вынужденному — порвать с цивилизацией и скрыться в дикой глуши маорийских деревень. Одних это заставила сделать карающая рука британского закона, других — жестокая корабельная служба, третьих сюда привело отчаяние или острый социальный конфликт с той средой, в которой они жили. Попадались среди них и моряки, захваченные в плен маорийскими воинами и обращенные ими в рабство.

Постепенно чужеземцы усваивали язык маори; маорийские девушки выходили за них замуж; соблюдение запретов и обычаев маори становилось для них жизненной необходимостью: иначе нельзя было выжить. Многие пакеха-маори покрывали лица татуировкой, сменяли куртку и штаны на набедренную повязку и плащ из новозеландского льна и даже участвовали в военных набегах «своего» племени... Каждый поселившийся среди маори европеец приносил с собой какие-то новые знания и профессиональные навыки... Каж-

дая община — хапу — стремилась, чтобы на ее территории обосновался хотя бы один европеец, и нередко вожди выдавали своих дочерей за светлокотых пришельцев, лишь бы удержать их около себя».

Так же сравнительно свободно принимали в свои ряды новых членов средневековые тюркские племена, лишь бы новички отвечали требованиям, предъявляемым к воинам племени.

Арабские кочевники включали в свои племена не только отдельных иноплеменников, но и целые их группы и роды. С этим было связано провозглашение новичков членами племени «по крови и по имени». Новые соплеменники обязаны были, как полагалось, брать жен только из соответствующих родов своего нового племени, соблюдать его основные обычаи, воевать вместе с ним, становиться кровными врагами «кровников» племени и так далее.

Стало нарицательным название романа Фенимора Купера «Последний из могикан». Индейское племя могикан во время войн с «белыми» и другими индейскими племенами стало действительно крайне малочисленным. Но назвать его вымершим бесследно все же нельзя. Последние могикане, потеряв возможность самостоятельно существовать, вошли в состав других племен. Одни из них пришли к делаварам, другие к ирокезам.

Итак, племя — своеобразная сверхсемья. Но ведь племя может насчитывать и десятки тысяч человек. Не слишком ли много для семьи, даже с приставкой «сверх»? Нет. Общность людей можно считать единым племенем, пока его члены помнят о своем родстве и даже знают в каждом случае степень этого родства. Задача, надо сказать, нелегкая. Один из специалистов, изучающих системы родства у австралийских аборигенов, сказал как-то в отчаянии, что запомнить все это, как ему кажется, невозможно. И тут же признал, что коренной австралиец, талантливый или довольно тупой, любознательный или равнодушный ко всему новому, старый или совсем юный, словом, *каждый* коренной австралиец прекрасно представляет себе свои родственные отношения не только с каждым членом собственного племени, но и с людьми ряда близких племен.

Племя может, как у большинства австралийцев, обходиться без постоянных руководителей.

Зато в Америке в каждом индейском племени есть и вожди и племенной совет. Кто же стоит тут у власти? Само прижившееся и в речи и в научных трудах название руководителей племени дает ответ на этот вопрос. Ученые говорят о главах родов, называя их старейшинами. В племенной совет входят старшие из каждого рода. Возраст и сила дают власть.

Я надеюсь, если вы еще не читали романа Фенимора Купера «Последний из могикан», так, уж наверное, скоро прочтете. Поэтому вспомните или вообразите себе описанную там сцену в селении делаваров, в момент, когда им предстоит решать сложные вопросы, свя-

занные с политикой племени по отношению к более сильным соседям: англичанам, французам, ирокезам. Кто решает эти вопросы?

«Когда возбуждение несколько улеглось, старики решили серьезно обдумать, чего требовали честь и безопасность их племени в таких щекотливых и затруднительных обстоятельствах».

Обратите внимание — старики! Если само звание старейшин, особенно в племенах, где уже идет классовое расслоение общества, может быть в какой-то степени условным, обозначая просто наиболее авторитетных людей, то старик — это старый человек. Старый — значит, опытный.

Решение племенного совета подлежит, так сказать, утверждению племенным собранием, в котором принимают участие все взрослые мужчины племени. Но и тут: «Только старейшие и опытнейшие имели право изложить перед собранием предмет обсуждения. Пока один из таких людей не выразит желания говорить, никакие воинские подвиги, природные таланты, ораторский дар не оправдали бы юношу, решившегося прервать молчание».

Разумеется, я цитирую Купера не для того, чтобы опереться на авторитет приключенческого романа; те же самые факты могла сообщить и цитата из научного труда; но там, где научный труд и приключенческий роман друг другу не противоречат, цитировать приятнее роман — и читать, наверное, тоже.

А в конце обсуждения, когда все решения уже приняты, появляется патриарх племени, бесконечно дряхлый старик Таманунд, легко вспоминающий события столетней давности, но затрудняющийся что-то сказать о недавнем прошлом. Его-то суждение, перекраивающее выводы племенного собрания, и принимается в конечном счете к исполнению.

Правда, тут Купер, вероятно, преувеличил. Уважение к столь глубокой старости совсем не обязательно ведет к беспрекословному подчинению. Кроме того, Купер рассказал нам и о другой стороне дела, показал, что власть принадлежит у делаваров уже не одним лишь старикам. В одном из своих пленников делавары неожиданно узнают — по татуировке — члена знатнейшего рода из родственного делаварам племени могикан. Ункас, сын Чингачгука, последний из могикан (по Куперу), еще юноша; но старейшина среди старейшин, Таманунд, говорит о том, что теперь есть кому занять место Таманунда в совете. Ункасу права на власть дает уже не возраст, а знатность.

Во многих индейских племенах, хотя и не во всех, к приходу европейцев уже началось расслоение общества, были роды более и менее знатные, да и в роду могла быть собственная «внутренняя» знать, наделенная особыми правами. Знатность — качество, только по наследству и передающееся. Появление наследственной племенной знати было признаком того, что племя вскоре должно потерять черты сходства с разросшейся семьей.

К родовой знати принадлежал обычно и военный вождь, который назначался в случае войны племенным советом. Затем племенной совет, нередко на все время военных действий, отстранялся от власти.

С течением времени вождь и собиравшаяся вокруг него дружина приобретают и в мирное время все большую самостоятельность по отношению к совету и все большую власть в племени. В удачных походах они добывают богатства, которые закрепляют имущественное расслоение среди племени. Каждый род постепенно начинает состоять не столько из глав больших семей и членов этих семей, сколько из хозяев и слуг, кредиторов и должников, рабовладельцев и рабов.

Одновременно идет процесс разделения труда. Члены одного и того же рода становятся крестьянами, ремесленниками, а там и торговцами, и эти новые деления племени перекрывают собой деление племени на роды, становятся несравненно более важными в повседневной жизни. Племена могут в этих условиях превращаться в своего рода областные общности. Сознание единства племени раньше достигалось ощущением своего места в его системе родства. Теперь на первый план, видимо, выходят связывающие человека с такой общностью родной диалект или язык, система обычаев, культурные особенности.

А племена с общей речью могли враждовать друг с другом. Во всяком случае, близкие по языку и культуре племена стали осознавать родство между собой, по-видимому, только на заключительной стадии развития первобытного общества.

Германские племена многих десятков названий штурмовали во времена Древнего Рима границы Римской империи. Но они, насколько можно об этом судить, даже не подозревали, что «должны» составлять один народ.

И первое общее имя германцев, дожившее в ряде языков, в том числе русском, до наших дней, они получили, согласно сообщению великого римского историка Тацита, от соседей — кельтов, а прежде у них единого названия не было.

Мы с вами уже говорили, что ученые потому и пользуются теперь словом «этнос», что им самим не очень ясно, какие объединения людей можно назвать народами. И все-таки, вероятно, можно сейчас согласиться с теми историками или этнографами, которые считают, что народ (или народность) возникает, когда люди, говорящие на одном языке и занимающие единую территорию, начинают сознавать свое единство.

Племена, просто говорящие на одном языке, вместе не составляют народа, во всяком случае до поры до времени.

А жаль. Как было бы просто нарисовать себе образование народа в виде системы примеров на знание арифметики:

род+род+род+... = племя

племя+племя+племя+племя=народ.

Но дело обстоит сложнее. Для объединения племен в народ часто, хотя и не всегда, требуется, чтобы они потеряли многие черты «чистого», «семейного» племени.

Менялись способы хозяйства. Все больше продуктов умели люди получать от земли и все гуще, все ближе друг к другу на ней поселялись. Численно росли племена, каждое из них в силу этого могло представлять теперь для соседей большую, чем прежде, угрозу. А в условиях начавшегося классового деления общества каждое племя оказывалось и в большей опасности, чем прежде.

У австралийцев споры между племенами происходили и войны начинались в основном из-за охотничьих территорий. Разгром одного австралийского племени другим принес бы победителю мало пользы. Но победа над врагами в более развитом обществе давала обильную добычу, в которую входили и сами побежденные, превращавшиеся в рабов или данников. Теперь даже самые сильные племена оказываются часто неспособны в одиночку не только вести наступательную войну, но и защищаться от нападений. Обстоятельства толкают их друг к другу. Возникают союзы племен.

В союз ирокезов в Северной Америке входили шесть племен — сенека, каюга, онондага, онейда, могауки, тускарора, причем все эти племена говорили на диалектах одного языка или, во всяком случае, на языках близких.

(Вы много читали про этот союз у Купера. «Коварные минги» и «кроважанные ирокезы» получили свои эпитеты от американского писателя за то, что в XVIII веке выступали сначала в союзе с французами против англичан, а потом в союзе с англичанами — против Соединенных Штатов.)

А вот союз команчей (их имя вам наверняка встречалось в приключенческих романах Майн Рида) состоял из трех племен, причем каждое из них — команчи, айова и кайова — говорило на собственном языке. Возникновению союза это не помешало.

Ряд ученых полагает, что союз племен становится народностью, когда люди этих племен окончательно осознают свое единство. Долог путь от племени к народу, и не всегда его удается пройти до конца. История знает случаи, когда формирующиеся народности исчезли, не успев стать действительно единым целым.

В первом тысячелетии до нашей эры широкой полосой протянулись почти через всю Европу, от нынешней Франции до Малой Азии, поселения кельтов. Но различные кельтские племена на территории той же Франции были завоеваны римлянами прежде, чем успели стать народом в полном смысле слова.

На территории нашей страны открыта раскопками Черняховская культура. Принадлежавшие к ней люди жили в бассейне Днепра во II—V веках нашей эры. Не случайно все раскопанные поселения объединили под общим именем одной культуры: у людей, живших здесь, было много общего и в хозяйстве и в быту. Но в то же время

археологические находки ясно показывали: здесь «в лоне одной культуры» и, видимо, в составе какого-то довольно прочного политического объединения оказались вместе и ираноязычные сарматы, и германоязычные готы, и славяне, и фракийцы, и, вероятно, какие-то кельтские племена.

Известный советский историк и археолог П. Н. Третьяков уверенно говорит о том, что здесь должна была родиться новая народность, которую он условно называет «черняховской». Но прежде чем эта народность успела сложиться, с востока по «черняховским» племенам ударили гунны, сломали эту общность, разбили ее на части, увлекли одни племена или осколки племен с собою дальше на запад, заставили отступить другие... Не смог остаться в истории «черняховский» народ.

Но ведь и каждому народу что-нибудь да мешало родиться, сложиться, сформироваться. Не у одних «черняховцев» были враги... Но угроза со стороны врагов в то же время могла оказаться и важным стимулом для рождения народа: такому рождению должно предшествовать объединение племен, а чем серьезнее опасность, тем сильнее потребность в объединении.

Признавая всю справедливость принятого подхода к возникновению народностей и наций, советские исследователи С. А. Арутюнов и Н. Н. Чебоксаров попробовали рассмотреть этот процесс с другой стороны. Они обратили внимание на чисто информационные связи, существующие в этносе на разных ступеньках его развития. В первобытном племени или группе племен люди обмениваются информацией, узнают друг от друга что-то новое одним-единственным способом — рассказывая и слушая. Маленькие селения, крошечные отряды воинов, охотников или земледельцев — каждый член племени получает и передает сведения очень небольшому числу людей.

Но рождается классовое общество. На месте деревень вырастают города, в походы выходят многотысячные армии, десятки тысяч людей вместе копают каналы или воздвигают пирамиды. С появлением же письменности один человек может обратиться сразу ко многим тысячам, причем отделенным иногда от него и пространством и временем. Мы говорим, что в XX веке идет информационный взрыв. Не меньшая по значению информационная революция связана с появлением цивилизации — ведь ее спутниками стали и пирамиды и письменность. Связав информационной сетью несравненно большие массы людей, эта революция сыграла свою роль в появлении народностей из групп племен.

В том, что народность становится буржуазной нацией, решающую роль играет создаваемое капиталистическим строем усиление и расширение социально-экономических связей. Но важно и то, что их усиление и расширение сопровождается повышением плотности связей информационных. Все шире распространяется знание хотя бы начатков грамотности, возникает общенациональный литературный

язык. Толкование советских этнографов развивает одну из мыслей Владимира Ильича Ленина. Он писал:

«Во всем мире эпоха окончательной победы капитализма над феодализмом была связана с национальными движениями. Экономическая основа этих движений состоит в том, что для полной победы товарного производства необходимо завоевание внутреннего рынка буржуазией, необходимо государственное сплочение территорий с населением, говорящим на одном языке, при устранении всяких препятствий развитию этого языка и закреплению его в литературе... единство языка и беспрепятственное развитие есть одно из важнейших условий действительно свободного и широкого, соответствующего современному капитализму, торгового оборота, свободной и широкой группировки населения по всем отдельным классам, наконец — условие тесной связи рынка со всяким и каждым хозяином или хозяйчиком, продавцом и покупателем».

Ленин дает четкий и глубокий анализ ситуации, связывает не только экономику и политику, но и экономику и язык, экономику и литературу.

Нация — это категория социально-историческая, это форма, которую этнос впервые принимает на капиталистической стадии развития общества.

После социалистической революции нация оказывается в новых условиях и, как указывала одна из статей в журнале «Коммунист», «ее экономическая основа... ее классовая структура и социально-политические устремления, духовный облик, то есть все то, что характеризует данный тип нации, коренным образом изменяется в результате перехода от капитализма к социализму». Коллективный труд «Ленинизм и национальный вопрос в современных условиях» подчеркивает: «...социалистическая нация... качественно новая форма социальной общности людей, новая форма их связей и отношений».

Социалистическая нация — высший сегодня на земле тип этноса.

Сложение народа — долгий процесс. Не всегда легко провести границу между союзом племен и народностью. А академик Б. А. Рыбаков полагает, что такой границы и проводить не надо. Союз племен есть первая ступень в образовании народности.

Вот встречаются на берегах Тибра, в земле царя Латина, какие-то пришельцы с исконными хозяевами этой земли. О царе Латине, впрочем, мы знаем только из легенд. Может быть, это имя придумали позже, чтобы объяснить себе название народа латинов. Пришельцы (тоже согласно легендам) — троянцы, бегущие с родины после взятия их великого города греками. Троянцами ли они были на самом деле? Очень сомнительно, но что прибыли откуда-то издалека — весьма вероятно. После долгих сражений, в которые то и дело вмешиваются боги, латины и троянцы приходят к соглашению. Троянский вождь

Эней женится на единственной дочери царя Латина, племена объединяются, причем говорить они должны отныне на одном — латинском — языке.

На самом-то деле вряд ли было в ту пору принято сознательное соглашение о том, какой язык должен стать общим. Римская легенда по-своему объясняла уже совершившиеся реальные факты.

Прошло еще полвека. И вот общие потомки латинов и троянцев, возглавляемые основателем Рима — Ромулом, благодаря сложному стечению обстоятельств оказываются лишенными женщин. Они решают эту проблему, похищая девушек из соседнего племени сабинов. Обиженные сабины в ответ начинают против римлян войну, в битве они уже берут верх, римляне, кажется, обречены... В этот момент между сражающимися кидаются сабинянки. Они успели полюбить мужей и хотят помирить их со своими отцами и братьями. На поле боя состоится полюбовное соглашение об объединении латинов и сабинов в единый народ. Говорить он должен по-латыни, но в качестве имени принимает одно из названий сабинов. Латины становятся теперь квиритами.

Ну, а на самом деле римский народ включил в себя не три племени, а гораздо больше.

Удивительно точную параллель этому «римскому» случаю представляют собой события, происшедшие в начале XIX века в Африке, в Кении. Здесь живет в горах Марсабит племя рендилле. Оно точно знает свое происхождение. Пять поколений назад группа воинов из Сомали, вытесненная с родины сильными соседями, пришла сюда через земли, заселенные земледельцами *меру*. Беглецы силой захватили себе жен у меру (сабинянки!), поселились отдельно — и появилось новое племя.

А вот ситуация, сложившаяся совсем недавно в нашей стране. На карте СССР в районе верховий Енисея лежит Хакасская автономная область. Кто ее населяет? Ну конечно, хакасы. Однако и двести и даже сто лет назад было бы бессмысленно искать здесь хакасов. Их не было. Можно было здесь встретить качинцев, сагайцев, моторов, камасинцев — но только не хакасов. Совсем недавно сформировались в единый народ местные народности и племена, до того даже говорившие на языках, принадлежавших к двум далеким друг от друга языковым семьям. Теперь у них есть единый язык со своей письменностью, есть собственное государственное образование — автономная область. А имя для народа представители объединившихся обитателей области взяли у древних жителей верховий Енисея — енисейских хакасов (или енисейских кыргызов, как иначе называют их ученые).

История любого почти народа хранит сведения о том, как при его возникновении объединялись племена и народы, еще недавно чуждые друг другу. Возьмем для примера историю рождения шотландского народа.

Кто у нас не слышал об этом народе, хотя он сравнительно невелик и давно уже нет на свете самостоятельного шотландского государства! Поэт Роберт Бернс, автор исторических романов Вальтер Скотт, современный писатель Арчибальд Кронин стали для русского читателя своими.

Жившая в семействе Лермонтовых легенда утверждала, что поэт и его родня ведут свое происхождение от давным-давно перебравшегося в Россию члена знатной шотландской семьи Лермонт. Любопытно, что в Шотландии есть легенда, будто один из Лермонтов был увлечен в северные края феей. Может быть, речь идет как раз о прародителе Лермонтовых. И Михаил Юрьевич Лермонтов в юношеских стихах писал:

Под занавесою тумана,
Под небом бурь, среди степей
Стоит могила Оссиана
В горах Шотландии моей.

Из нищей, терзаемой в течение веков феодальными раздорами Шотландии долгие столетия уходили сыновья дворян на службу в чужие страны. И, в общем, служили на совесть. Можно считать, что простительное пристрастие к предкам владело Вальтером Скоттом, описавшим в романе «Квентин Дорвард» верную и отважную шотландскую гвардию французского короля Людовика XI. Но вот исторический роман «Пан Володыевский» польского классика Генриха Сенкевича. (Кстати, польский фильм, снятый по этому роману, демонстрируется в нашей стране.) Лучший в Польше боец на саблях решает подать своей гибнущей, разодранной на части отчизне пример самоотверженности, взорвать себя вместе с крепостью, чтобы не сдать эту крепость туркам. Кто идет на подвиг вместе с ним, чувствуя себя настоящим поляком? Его лучший друг, шотландец.

Шотландские герцоги Гамильтоны стали на русской земле Хомутовыми, в числе птенцов гнезда Петрова был шотландец вице-адмирал Крюйс. Потомком шотландцев был известный в русской истории Барклай де Толли, талантливый полководец, сподвижник Суворова и Кутузова, один из героев 1812 года.

Шотландцы — жюль-верновский капитан Грант и его дети, шотландцы — Дэвид Бальфур и Катриона, герои двух романов шотландца Роберта Стивенсона. Шотландцы — все персонажи трагедии Шекспира «Макбет».

Словом, у нас есть в истории и литературе много знакомых, имеющих то или иное отношение к Шотландии. А вот откуда взялись сами шотландцы?

Тут снова надо вспомнить Роберта Стивенсона, только не как про-

заика, а как поэта. Есть у него баллада «Вересковый мед», где рассказывается о том, как

Пришел король шотландский,
Безжалостный к врагам,
Загнал он бедных пиктов
К скалистым берегам...

Пикты — древнейшее известное нам население Шотландии. Оно говорило, по-видимому, на одном из кельтских языков (как и древнее население Галлии до римского, а Ирландии — до английского завоеваний).

Здесь придется сделать небольшое отступление, чтобы рассказать о кельтах. В первом тысячелетии до нашей эры народы, говорившие на кельтских языках (принадлежащих к индоевропейской семье) жили на огромных пространствах теперешних Западной Украины, Польши, Германии, Чехословакии, Франции, Австрии, Швейцарии, на севере Балкан и даже в Малой Азии. Кельты же населяли и Англию, и Шотландию, и Ирландию, и Северную Италию, и часть Испании. В Шотландии, как и во всех остальных занятых ими землях, кельты не были первопоселенцами — значит, они в древние времена, придя сюда, смешались с аборигенами всех этих мест.

Пикты в течение нескольких веков с успехом отбивали все попытки римлян, захвативших уже Британию, ворваться и в их страну. Мало того, они не раз переходили в наступление, совершая опустошительные набеги на римские владения, и именно для защиты от них император Адриан построил примерно на нынешней границе между Шотландией и Англией оборонительную стену.

Так что не были пикты миролюбивыми и беззащитными карликами, какими их рисует Стивенсон в балладе. Есть версия, что именно на помощь против грозных пиктов призывали бритты на свой остров в V веке нашей эры германские племена англов и саксов. Пиктов англы и саксы окончательно не разгромили, зато разгромили и покорили призвавших их бриттов...

Но нашлась сила, победившая пиктов. С IV века начались вторжения в пиктские земли скоттов, сильного ирландского племени. Больше четырех столетий продолжалась кровавая борьба, кончившаяся победой скоттов:

На вересковом поле,
На поле боевом,
Лежал живой на мертвом
И мертвый на живом.

Но Стивенсон зря назвал победителя пиктов шотландским королем — ведь шотландцев еще не было на свете, они только должны были появиться когда-нибудь, эти общие потомки победителей скоттов и побежденных пиктов. Разумеется, вопреки балладе Стивенсона

и шотландским легендам, пикты не были целиком уничтожены, не исчезли и не вымерли бесследно, но слились со скоттами в единый шотландский народ. Только заняло это объединение племен бывших врагов многие столетия.

Даже спустя полтысячелетия после того, как вся Шотландия стала единым королевством (что случилось в IX—X веках), население Шотландии говорило на четырех разных языках; единого шотландского языка так и не возникло. С XVII века в стране, соединившейся с Англией, роль такой общей для всей страны речи начал выполнять английский язык, вытеснивший постепенно местные языки. Лишь один из них, гэльский, по сейчас еще кое-где держится в горных районах.

Граница между Англией и Шотландией в пору их раздельного существования не раз сдвигалась и на север и на юг. Обе стороны не брезговали ни «правильными» войнами, ни грабительскими набегами. Не раз в средние века англичанам удавалось захватить власть над своими северными соседями, но обычно только для того, чтобы через несколько лет их изгнали в очередной войне. Бывали и долгие десятилетия мира. Так или иначе, но английская кровь постоянно смешивалась с шотландской не только на поле боя, но и в жилах детей от смешанных браков.

В 1603 году, после смерти английской королевы Елизаветы, ее преемником на правах ближайшего родственника стал шотландский король. Через какое-то время Шотландия потеряла собственный парламент. Потеряла она и собственные языки, сменив их на английский. Тем не менее никто не сомневается в реальном существовании особого шотландского народа с собственной культурой и собственным национальным характером. А сейчас в Шотландии есть немало сторонников автономии, самоуправления. Часть шотландцев добивается даже независимости и отделения от Великобритании.

*

На другой земле и по-другому, но тоже в результате взаимодействия многих племен и народов, местных и пришлых появились

ИСПАНЦЫ

Пиренейский полуостров был заселен в глубокой древности. Один из двух «мостов», соединяющих Африку и Европу, он был местом, где на протяжении тысячелетий сталкивались племена и народы.

Когда-то Испания носила название Иберии — по иберийским племенам, составлявшим тогда значительную, если не основную, часть ее населения. Иберы были, судя по найденным при раскопках

останкам древних жителей Пиренейского полуострова, похожи на современных басков. Язык их тоже, видимо, напоминал язык басков, тот язык, про который нынешние французы, соседи басков, говорят, что его однажды взялся учить черт, за семь лет запомнил два слова, и то неправильно. Дело в том, что баскский язык не принадлежит к числу индоевропейских языков; возможно, он — единственное наречие, уцелевшее в Европе с тех далеких времен, когда здесь еще не стали хозяевами индоевропейские языки. Иногда языки басков и древних иберов пытаются связать с языками далекого Кавказа. Древняя Грузия ведь звалась же когда-то Иверией, или Иберией. Само по себе такое совпадение еще ничего не доказывает. (Достаточно для примера еще раз сказать, что в античное время наш Азербайджан назывался точно так же, как нынешняя Шотландия в раннем средневековье, причем это имя звучало очень похоже на современное название маленькой европейской страны Албании.)

Но труды этнографов и лингвистов, и испанских, и грузинских, и других, позволили найти новые ниточки, стягивающие прошлое двух Иберий. Недавно в издательстве «Молодая гвардия» на русском языке вышел роман Александра Кикнадзе «Королевская примула». В издании на грузинском языке он называется иначе — «Иберийская легенда».

Главный герой пытается как раз решить проблему родства басков и грузин.

Его поддерживают друзья, один из которых отлично выражает цель этой работы:

«Подумать только, если бы удалось найти целый миллион родст-

венников! Когда у тебя три хороших родственника, ты счастливый человек, а тут целый миллион!»

Герои романа сопоставляют схожие грузинские и баскские слова, вспоминают римского историка Марка Теренция Варрона, который писал, что иберийцы пришли в Испанию с Кавказа, сравнивают обычаи и национальные игры далеких друг от друга земель.

Можно ли считать, что работа реальных людей, подсказавших героям романа их мысли, увенчалась успехом? Можно ли говорить, что она доказала грузино-баскское родство?

Боюсь, что пока так сказать нельзя. Но ученые и любители-энтузиасты сделали, по-моему, большее. Они добились того, что и грузины и баски почувствовали это родство, поверили в него. И это важнее, чем любое число томов с научными изысканиями...

В ту же иберо-баскскую эпоху на Пиренейском полуострове жило еще одно совсем уж таинственное племя. С одной стороны, историки знают об этом племени так мало, что ничего не могут сказать даже о том, на каком языке говорили его члены, где именно жили, каким племенам приходилось близкой и дальней родней. Зато есть серьезные основания говорить о чрезвычайно большой роли, сыгранной этим племенем в истории большей части Европы и Северо-Запада Африки. При раскопках могильников этого племени часто находят кубки колоколообразной формы, поэтому за ним закрепилось у археологов имя народа колоколообразных кубков. Испания — единственное место, где среди прочих могильников обнаружены кладбища, целиком принадлежавшие только этому народу. В массе других мест на территории иных стран Европы носители этой культуры бывают похоронены среди людей иных племен. По-видимому, родиной «кубкового народа» была Испания. Отсюда выходили в странствия по Европе и Африке группы торговцев, кузнецов и пивоваров (или, точнее, «пивоварок» — пиво, видимо, варили женщины).

Археологи полагают, что хозяева колоколообразных кубков сыграли очень важную роль в истории Европы, распространяя, попутно с металлом и пивом, знания по металлургии и другие культурные ценности. Не зная языка неведомого племени, ученые именно к этому языку возводят иногда древние названия некоторых металлов у западноевропейских народов. Наверняка «кубковые люди» оказывали сильное влияние и на другие племена самого Пиренейского полуострова.

В первом тысячелетии до нашей эры с севера в Испанию пришли с территории нынешней Франции кельты. Смешавшись здесь с иберами, они образовали ряд новых племен или племенных союзов. Римляне, ничтоже сумняшеся, так и звали кельтиберами новое смешанное население части Испании.

И с самого начала того же тысячелетия на восточном побережье Пиренейского полуострова начинают появляться колонии греков и финикийцев. Финикийских поселений становится все больше, особен-

но после того, как в Испании начинает захватывать земли африканский город Карфаген, который сам ведь основан финикийцами. Весь юго-восток Испании, особенно его города, надолго сохранил следы финикийского завоевания.

Впоследствии, когда Испанию захватил Рим, латинскому языку оказалось очень трудно справиться со здешними финикийскими наречиями. Но в конце концов это ему удалось. Большая часть населения Испании стала говорить на народной латыни, из которой возник затем испанский язык. В течение ряда веков Испания дала древнему Риму множество выдающихся деятелей, в том числе несколько императоров. Испанского происхождения был великий римский философ Сенека.

В IV—V веке нашей эры римляне не смогли противостоять вторгшимся в Испанию германцам — вестготам, свевам, вандалам, вместе с которыми прорвались в Испанию и выходцы из Северного Причерноморья — аланы (другая часть аланов, поселившаяся на Северном Кавказе, сыграла, как вы еще увидите, решающую роль в образовании осетинского народа).

Однако, по подсчетам историков, все эти пришельцы вместе взятые вряд ли составили больше трех процентов тогдашнего населения страны. Они не смогли оказать сильного влияния ни на внешность народа, ни на культуру страны, ни на язык, оставшийся романским, то есть латинским по происхождению.

Вандалы прошли через Испанию в Африку, оставив как память по себе дожившее до наших дней название Андалузии (Вандалузии).

А в VIII веке в страну врываются под зеленым знаменем ислама арабы и берберы; и тех и других в Испании звали маврами.

Как полагают антропологи, это вторжение, в отличие от германского, сильно отразилось на внешности современных испанцев. Тем более, что время от времени на Пиренейский полуостров приходили все новые и новые волны воинов и поселенцев из Африки.

Примерно тогда же в составе населения Пиренейского полуострова оказалось некоторое число... славян.

Многие арабские правители государств, возникших на территории Испании, опирались на армии из наемников и рабов-воинов — так же, как это делали далеко на востоке правители Египта и некоторые турецкие султаны.

На II Международном конгрессе славянской археологии, состоявшемся в Лейпциге в 1970 году, в числе прочих докладов стояло сообщение немецкого исследователя Бурхардта Brentiеса, посвященное в основном рассказу о роли славян в Испании в период с VI по XI век новой эры. Brentiес говорил о том, что армия кордовских халифов из рода Омайядов состояла преимущественно из славян, которые занимали и ряд высших постов в государстве. Саклибы, как называли славян мавры, долгое время возглавляли в Испании многие оружейные и текстильные мануфактуры, а славянская военная

знать была, по Брентиесу, чуть ли не главным покупателем производимых этими мануфактурами художественных изделий, из чего следует, что славяне должны были оказать серьезное влияние на испано-мавританскую культуру.

В Испании славяне, угнанные из стран, лежавших между Балтикой и Адриатическим морем, оказывались сначала на положении рабов. Но рабы-воины в истории часто поднимались по социальной лестнице чрезвычайно высоко.

Как не удивиться приключениям народов на нашей большой земле!..

В конце концов испанцы одолели мавров, и часть этих недавних хозяев полуострова выселилась из страны, а часть приняла христианство и в основном смешалась с местным населением — хотя позже испанские короли не раз изгоняли из страны подозревавшихся в верности исламу потомков мавров. В ходе этого смешения и сформировался окончательно испанский народ. Сразу надо сказать, что к моменту гибели последних мусульманских государств в Испании их население по внешнему виду не так уж сильно отличалось от остальных жителей страны: хотя на Пиренейский полуостров переселилось довольно много арабов и берберов, но большую часть мавров составляли местные жители, принявшие ислам.

Борьба за освобождение страны выработала у испанцев, прежде всего у дворян, такую ярко выраженную национальную черту, как гордость. По средневековой Европе ходили поговорки типа «горд, как испанец», «надменен, как испанец».

Надо добавить, однако, что тут под испанцами имели в виду людей из разных народов, населяющих эту страну. На севере Испании живут баски, сохранившие свой древний язык, на северо-западе — галисийцы, с языком, близким к португальскому, на северо-востоке — каталонцы, язык которых довольно близок к старому языку Южной Франции — провансальскому, и так далее. (Все эти языки, кроме баскского, восходят к народной латыни.) Еще недавно каталонцы считали обидным для себя даже самое имя испанцев.

Во время трагической борьбы народной республики в Испании против Франко и фашистов Германии и Италии республика дала автономию национальным меньшинствам. Поражение республики привело к тому, что автономные области были уничтожены.

Но от этого еще отнюдь не стали испанцами ни каталонцы, ни баски, ни галисийцы. И сейчас баски Испании борются против франкистского режима под лозунгами социалистической Басконии.

*

В историю какого бы народа мы с вами ни захотели углубиться, всюду придется встретиться с тем, что можно назвать встречей племен и народов, их объединением и смешением.

Вот что пишет австрийский ученый Е. Пристер в книге «Краткая история Австрии»:

«Состав населения областей, которые впоследствии и образовали Австрию, отличался исключительной пестротой и разнообразием. Впрочем, римские писатели неоднократно обращали внимание на то, как быстро смешались друг с другом все эти племена и как трудно было уже по прошествии непродолжительного времени отличить пришельцев от коренных жителей страны. Трудно сказать, из каких народов образовалось в основном население современной Австрии. Здесь встретились восток и запад, юг и север, и из этого смешения кельтов и этрусков, иберийцев, славян и германцев возникло нечто своеобразное, нечто совершенно новое».

Дальше Е. Пристер говорит о римском завоевании теперешней Австрии, и о времени, когда эти земли были под властью авар, франков, мадьяр... Австрийцы говорят сейчас на одном из диалектов немецкого языка, но до сих пор сохранили часть наследия и римской и славянской культур (как и культуры германцев, конечно). Да, первое феодальное государство здесь было основано выходцами из германской Баварии. Но, замечает Е. Пристер, считать на этом основании австрийцев частью немецкого народа так же нелепо, как считать англичан французами из-за того, что девятьсот лет назад норманны, выходцы из теперешней Франции, захватили Англию.

Не раз еще в этой книге вам встретятся такие парадоксальные «примеры на сложение». Чтобы они стали для вас еще понятнее, приведу «биографию» вымышленного народа — атлантов, обитателей Атлантиды, согласно фантастическому роману Алексея Толстого «Аэлита».

«Город Ста Золотых Ворот» на земле, лежавшей между нынешними Африкой и Америкой, основали африканские негры племени Земзе, люди «огромной силы и большого роста».

«Прошли столетия. И вот на западе появился великий вождь красных. Его звали Уру. Он родился в городе, но в юности ушел в степи, к охотникам и кочевникам. Он собрал бесчисленные толпы воинов и пошел воевать город». Потом «краснокожие усвоили знания, обычаи и искусство Земзе. Смешанная кровь дала длинный ряд администраторов и завоевателей».

Прошли новые века, и под стенами города Ста Золотых Ворот появились оливково-смуглые люди с горящими глазами — «сыны Аама». Они захватили власть, подняв восстание за торжество новой религии. Страна расширялась и процветала.

Так писатель заставил людей трех разных рас — негров, индейцев и европейцев — участвовать в создании великой Атлантиды. А затем вменял в дело и азиатов.

«На восточных плоскогорьях Азии жило желтолицее с раскосыми глазами племя учкуров».

Их женщина-вождь обещала своим соплеменникам:

«Я поведу вас в страну, где в ущелье между гор спускается солнце. Там пасется столько баранов, сколько звезд на небе, там текут реки кумыса, там есть такие высокие юрты, что в каждую можно загнать стадо верблюдов». Учкуры шли десятки и десятки лет, пока достигли Атлантиды. Они покорили древнюю страну и:

«В кровь многочисленных племен — черных, красных, оливковых и белых — влилась мечтательная, бродячая, как хмель, кровь азиатских кочевников, звездопоклонников, потомков бесноватой Су Хутам Лу. Кочевники быстро растворились среди иных племен. От юрт, стад, дикой воли оставались лишь песни и предания. Появилось новое племя сильных сложением, черноволосых, желто-смуглых людей».

Возник новый народ! Но вы ведь и сами читали «Аэлиту» и знаете, что тем дело не кончилось. Когда Атлантида гнила, последние атланты, потомки этих «сильных сложением» людей, полетели на Марс. Здесь они встретили марсиан. И попросили в конце концов у марсиан девушек себе в жены, и новые марсиане соединили в себе кровь с двух планет.

...Мы, наверное, встретимся в космосе с разумными существами. Может быть, даже похожими на человека. Но совершенно невероятно, чтобы два отдельных ростка жизни, встретившиеся в безднах пространства, могли породниться и произвести на свет общее потомство.

Однако в фантастических рассказах, повестях, романах это возможно почти всегда. Американский фантаст Пол Андерсон формулирует в одном из рассказов общий принцип:

«Мы будем торговать, обмениваться знаниями, родниться, как со всеми народами, чью соль мы ели. И встретим судьбу, как положено людям».

Наверное, фантасты пишут так не только потому, что им это кажется интереснее. Просто они опираются на земной опыт. До сих пор на земле любые встретившиеся народы могли породниться — и почти всегда рождались. Человечество по-настоящему осознало это только в наш век, когда приобрела достойные масштабы борьба с расизмом (к сожалению, тут сыграло важную роль то обстоятельство, что и сам расизм стал страшен и силен как никогда — вспомните гитлеризм).

...Да нет, не станем мы с марсианами, даже если они есть, единым народом. Но разве это обязательно для того, чтобы почувствовать духовное родство? Многие встречи народов кончаются их объединением, но ведь не все же!

А бывает, что народ получается в результате не сложения, а деления...

$$1:2=2$$

При образовании народов нарушаются «арифметические правила», касающиеся не только сложения, но и деления. Если народ распадается, в силу каких-то причин, на две части, то обе эти половинки могут

стать самостоятельными народами. История человечества знает тому множество примеров. А причины разделения могут быть самыми разными. Иногда это просто бывает результатом расселения народа по новым землям.

Такой случай лучше всего демонстрирует судьба народов, ведущих свое происхождение от средневековых норвежцев. Было время, когда норвежские викинги наводили ужас на Европу, Северную Африку и Западную Азию. Поразительные истории рассказывают об отваге, силе и жестокости этих морских разбойников, умевших драться и на суше. Экипаж одного корабля выходил порой на битву против целой армии.

Но нас сейчас интересует не сама по себе удаль древних норвежцев, а то, что она привела их в Англию, в Северо-Западную Францию, в Сицилию и многие другие земли, от Ирландии до Византии, где ви-

кинги нередко поселялись навсегда. Они основывали королевства, княжества и герцогства... Но всюду, где норманны селились среди других народов, они в конце концов с этими народами сливались в одно целое. Нормандия — сегодня только область Франции, и ничто в Сицилии или Ирландии не напоминает, что значительной частью их правили норманны. Подчиненные им когда-то племена все-таки были «дома», им и стены помогали. Снова и снова побежденные одерживали победу над победителями там, где оружием и полем битвы служили язык и культура.

Но вот на северном острове Исландия норманны не встретили народа, который они могли бы покорить, чтобы стать затем его частью. Правда, еще в VIII веке новой эры здесь поселились ирландские монахи, которые избрали себе путь отшельничества в этой пустынной стране. Но монахи — монахи и есть, и потомства они оставить не могли.

Редкий случай — историки точно знают конкретного человека, ставшего «отцом-основателем» целого народа. Этого счастливца звали Ингольвур Арнарсон (то есть сын Арнара). Вместе со своими чадами и домочадцами он перебрался в Исландию в конце IX века. По обычаю тогдашних норвежцев, он взял с собою в путь через море два священных столба, стоявших в его доме у почетного сиденья; при приближении к берегу новой земли столбы бросили в море, решив поселиться там, где волны выбросят их на берег. Только через три года рабы Ингольвур нашли эти столбы на берегу, далеко от места первоначального поселения. Но Ингольвур немедленно перебрался туда, где нашли столбы. Эти столбы сохранились и сегодня — в гербе исландской столицы Рейкьявика, который стоит на месте поселения Ингольвур Арнарсона.

Исландская «Книга о заселении страны» перечисляет еще около четырехсот первопоселенцев, рассказывает о их жизни, цитирует сочиненные ими стихи.

Исландцы представляют собой редкий случай еще в одном отношении. По-видимому, это единственный народ, предков которого на протяжении одиннадцати столетий мы знаем поименно в таком количестве. Конечно, не всех предков, но столь высокий их процент, что исландская история представляет собой клад для генетиков, а не только для археологов, этнографов и литературоведов.

Сейчас в Исландии живут, как считают, двадцать восьмое — двадцать девятое (средним счетом) поколения народа.

Исландцы создали замечательные саги, большая часть которых посвящена кровавой родовой борьбе на острове.

В популярном исландском издании «Саг об исландцах» и «Рассказов об исландцах» — двенадцать томов. В них упоминается в общей сложности около семи тысяч человек, живших между 930 и 1030 годом.

Советский скандинавист М. И. Стеблин-Каменский пишет:

«Саги об исландцах» образуют вместе как бы одну «Человеческую комедию», в которой действуют или упоминаются чуть ли не все «активные граждане» Исландии первого века «народовластия», другими словами — все исландцы этой эпохи, кроме рабов, челяди и домоладцев».

Надо сказать, что вскоре после начала заселения Исландии на родине Ингольвура, в Норвегии, произошли события, чрезвычайно важные для будущего Исландии. Норвегия была объединена под властью общего для всей страны короля. Он подчинил себе прежних правителей областей, многие из которых не пожелали покориться и были изгнаны или сами уплыли за море, бросив родовые владения на произвол судьбы. Значительная часть этих родовых вождей прибыла в Исландию. Они везли с собой, кроме все той же гордости и стремления к независимости, прекрасные легенды древнегерманских племен; большинство этих легенд сохранилось только благодаря особым условиям Исландии.

На острове возникла удивительная республика, единственной официальной властью которой был альтинг — собрание «наиболее сведущих людей», а фактически родовой знати.

Две недели каждое лето альтинг обсуждал положение страны и разбирал судебные споры — увы, более чем частые в условиях, когда кровная месть была не исключением, а правилом.

Это норвежцы и исландцы открыли в то время Гренландию и Северную Америку. Кстати, следы их крови, по-видимому, обнаружили современные американские антропологи во внешнем облике индейского племени сиу.

Исландцы часто делали набеги на берега Англии, Шотландии и особенно Ирландии, привозя оттуда рабов и рабынь, потомки которых от смешанных браков с коренными исландцами стали одной из составных частей народа.

Великий исландский писатель Халдор Лакснесс показал в своих романах, в частности, как пытались капиталисты развивать в исландцах национализм, патетически вопрошая, кто они: вольные норманны или потомки ирландских рабов. На самом деле исландцы — потомки тех и других, хотя доля норвежской крови гораздо больше (как полагают ученые, среди первопоселенцев норвежцев было около 85 процентов) и культура и язык тоже бесспорно восторжествовали на острове норвежские. Не исключено, между прочим, что среди первых исландцев были и славяне.

Много новых народов отделилось от старых корней. На Фарерских островах Атлантического океана живет еще один маленький народ — фарерцы, как и исландцы связанный своим происхождением с норвежцами.

Большинство населения Аргентины — потомки испанцев, и аргентинский народ можно считать отпочковавшимся от испанского.

Якуты связаны по происхождению с племенами, ставшими осно-

вой и современного бурятского народа. Часть этих племен много лет назад двинулась на север, оставив прародину «за горами, за лесами».

Переселения, переселения... Сколько их было в истории!

Жили три брата: Лех, Чех и Рус. Размножилось их потомство, стало им тесно, и решили братья разойтись на новые земли, но обещали друг другу помнить родство. Так будто бы произошло когда-то разделение единого славянского народа. Придумана легенда была спустя сотни лет после самого события, и все-таки это объяснение, такое слишком простое на вид, до сих пор иногда что-то объясняет, и не только для славян. Перекликается эта легенда с другой, о том, как разошлись библейский патриарх Авраам и его племянник Лот.

У этих двух скотоводов, согласно Библии, размножился скот, и их пастухи начали ссориться и драться из-за пастбищ. В конце концов Авраам заявил Лоту: «Да не будет раздора между мною и тобою и между пастухами моими и твоими, ибо мы родственники. Не вся ли земля пред тобою?.. Если ты налево, то я направо, а если ты направо, то я налево».

Да, в условиях, когда свободной или относительно свободной земли много, роды и племена разделяются и расходятся в разные стороны по собственной воле: «Не вся ли земля пред тобою?»

Но все эти примеры появления народов и племен в результате разделения народов и племен более старых, включая пример библейский, кажутся очень недавними, если вспомнить, что в первобытном обществе с древнейших времен именно такое разделение было главным способом образования новых этносов.

Первые человеческие общества — может быть, их надо называть еще не предплеменами даже, а стадами — делились на части, расходящиеся в разные стороны, чтобы в конце концов заселить планету. И каждая часть прежнего единства постепенно все больше отличалась от другой — по языку и культуре, и люди, принадлежавшие к каждой такой части, уже не считали членов другой части своими...

Очень давно идет этот процесс, но, как вы видите, он не кончился и сегодня.

А порою две части одного народа оказываются разделенными не океаном или горами, а другим народом в результате, например, вражеского нашествия.

Когда-то, лет шестьсот—семьсот назад, нынешние народы Северо-Востока СССР — чукчи и коряки — говорили на диалектах общего языка и ощущали, в общем, себя членами одного этноса.

Но в XIV—XV веках часть общей территории чукчей и коряков заняли пришедшие с запада юкагиры, которых, в свою очередь, теснили якуты и эвенки. Юкагиры проникли вплоть до долины реки Анадырь, втиснулись между родственными родами местного населения и разделили его на две части. Сначала разделенные части племен хранили память о недавнем родстве, потом оно стало казаться

чем-то давним, и, в конце концов, к XVIII веку между чукчами и коряками уже происходили довольно тяжелые войны. К этому времени юкагиры, в прошлом один из самых многочисленных народов Сибири и Дальнего Востока, перестали играть на Чукотке какую бы то ни было роль. Но чукчи и коряки уже стали разными этносами...

В нашей стране есть большой казахский народ, образовавший собственную Советскую Социалистическую Республику. И есть совсем небольшой сейчас народ, живущий в основном на Северном Кавказе, — ногайцы. Было время, когда ногайские ханы правили значительной частью Поволжья, а ногайцы кочевали и по всему Северному Причерноморью. Это время давно ушло, а значительная часть прежних ногайцев, по-видимому, была растворена другими народами.

Казахский и ногайский языки чрезвычайно близки, схожа и внешность казахов и ногайцев. Еще в начале XVII века ногайцы были соседями казахов, поскольку занимали часть Нижнего Поволжья и Южного Урала. Не исключено, что ногайцы слились бы постепенно с родственным казахским народом, но в XVII веке, как не раз случалось за последние двадцать пять веков, Центральная Азия послала на запад новую волну племен. На этот раз отсюда вышли племена калмыков.

До сих пор спорят исследователи, по каким причинам калмыки покинули западные провинции императорского Китая. По-видимому, важную роль тут сыграли притеснения китайских чиновников, а кроме того, в начале XVII века запад Китая потрясали и народные волнения и феодальная междоусобица.

Калмыки пересекли всю Среднюю Азию и вышли в низовья Волги, заняв здесь и территорию, на которой сейчас расположена Калмыцкая Автономная Советская Социалистическая Республика. При этом они и отделили казахские земли от ногайских.

Великий казахский просветитель XIX века Чокан Валиханов писал:

«Предания казахов, относящиеся к этому времени, отличаются мрачным, погребальным характером. Чужеземные враги стесняют их с родных мест... разрывают родственный союз казах и ногай... Знаменитый в степях плач на раздвоение ногайцев и казахов играетсЯ до сих пор степными музыкантами... и исторгает слезы у старых аксакалов».

Сами же калмыки не случайно носили свое имя, по-видимому, означающее по-монгольски «отставший» или «отделившийся». Они ведь действительно отделились от родственных монгольских племен ойратов и стали тем самым в конце концов новым народом.

Бывает, что народ оказывается разделенным на части и благодаря более сложным политическим событиям. Очень вероятно, что, если бы не монгольское завоевание, Древняя Русь не оказалась бы рассеянной межгосударственными политическими границами и из единой

древнерусской народности не возникли бы три братских, но разных народа: русский, украинский, белорусский.

Впрочем, это уже ближе к теме другой главы, которую так и можно назвать...

ВЛАСТЬЮ ГРАНИЦ

Основные законы развития человеческого общества едины для всех материков. А раз так, то естественно, что и проявления и следствия этих законов тоже сходны. И все-таки поражает удивительное совпадение в «национальной политике» двух держав, разделенных примерно одной тысячью лет и многими тысячами километров. Начнем рассказ с той из них, которая дальше от нас географически, но ближе во времени — с могучего государства инков в Южной Америке. Вот что пишет перуанский историк Лупе Э. Валькариль:

«Инки не уничтожали, а впитывали в себя народы, которые были их соперниками».

Инкская держава вела завоевательную политику. В течение двух столетий своего существования она все время расширялась и к северу, и к югу, и к востоку (на западе расширяться было некуда — мешал Тихий океан), включая в свой состав все новые и новые племена. Но эти племена не делались просто данниками господствующего племени. Народы, оказавшиеся внутри все время раздвигавшейся линии границ, инки, насилем или добром, стремились сделать частью не только своего государства, но и своего народа — сознательно и целеустремленно. В армии инков существовали специальные подразделения, занимавшиеся социально-экономическим переустройством присоединенных территорий. Одновременно насаждался общий для империи язык. При этом инки были убеждены, что несут завоеванным селениям порядок и добро.

Древние римляне вряд ли могли искренне сказать о себе то же самое. Их империя, особенно в первые века своего существования, была откровенно грабительской державой. Выкачивание денег из Египта и Сирии, Малой Азии и Греции и других подвластных Риму земель носило порою прямо-таки бессовестный характер.

Но многие римляне все же понимали, что первоначальной массы их народа было слишком мало для удержания власти над чудовищными по размерам землями новой державы, и что одной военной силой такую власть надолго удержать нельзя.

И вот однажды император Клавдий, по сообщению историка Тацита, произнес перед сенатом речь, отрывки из которой я здесь приведу:

«...Предки мои, древнейший из которых, будучи сабинянином по происхождению, был принят в римское гражданство и в ряды патрициев, убеждают меня в управлении государством действовать так

же, привлекая сюда все лучшее. ...Известно, что были призываемы в сенат (лучшие люди) из Этрурии, Лукании и из всей Италии, что, наконец, сама она была продолжена до Альп, чтобы не только отдельные лица, но страны и народы слились с римским племенем.

Мы достигли прочного спокойствия внутри нашего государства и блистательного положения во внешних делах лишь после того, как предоставили наше гражданство народностям, обитающим за рекой Падом (река По)... Разве мы раскаиваемся, что к нам переселились из Испании Бальбы?..

Что же погубило лакедемонян и афинян, хотя их военная мощь осталась непоколебимой, как не то, что они отгораживались от побежденных, так как те чужестранцы? А основатель нашего государства Ромул отличался столь выдающейся мудростью, что видел во многих на протяжении одного и того же дня сначала врагов, потом — граждан».

Любопытен и конец речи:

«Всё, почтенные сенаторы, что теперь считается очень старым, было ново... и новое со временем сделается старым, и то, что мы сегодня подкрепляем примерами, само будет в числе примеров».

Император Клавдий, вообще говоря, не вошел в историю в качестве особо выдающегося государственного деятеля. Но эта речь (скорее всего, ее подготовили умные секретари) не только отражала суть дела, пусть в сильно приукрашенном виде, но даже, как видите, сумела предсказать, что на нее еще будут ссылаться...

От новых граждан римские власти требовали, чтобы они сделали латынь своим обиходным языком.

Классики марксизма говорили о римском рубанке, который уничтожал различия между народами империи. Но хотя император Каракалла и утвердил в конце концов закон, по которому каждый житель империи получал римское гражданство, попытка полного превращения их всех в один народ не удалась. Слишком велика для этого была держава, слишком непрочны и искусственны на том уровне развития связи между отдельными ее частями, слишком недолгий срок после Каракаллы отвела империи история.

Но немало было случаев, когда границы способствовали появлению именно внутри них единого народа.

Казалось бы, вполне естественным должен быть такой порядок вещей: вновь возникший народ организует, если уже созрел для этого, свое классовое государство, в котором живут люди этого народа, и только они одни.

Но такой «естественный» порядок вещей то и дело нарушается. В прошлом почти всякое сколько-нибудь сильное государство очень быстро становилось многонациональным (только запомните, пожалуйста, что здесь слово «многонациональный» образовано от слова «национальность», а не от слова «нация» — ведь нации-то появляются лишь при капитализме).

Киевская Русь, могучая держава, включившая в себя большую часть Восточной Европы, тоже была государством, объединившим не один лишь древнерусский народ. На севере и северо-востоке власть киевских князей признали многие финские племена. Значительная часть Эстонии тоже входила в Киевское государство — недаром же нынешний Тарту был основан Ярославом Мудрым и получил свое древнейшее название Юрьев по христианскому имени этого князя. На северо-западе Киевской Руси в нее были включены и некоторые земли, на которых жили литовские и латышские племена. Наконец, на юге страны жили многочисленные тюркские племена, подвластные грозным киевским владыкам. Все эти южные тюрки, берендеи, черные клобуки были кочевниками или полукочевниками и язычниками, точь-в-точь как печенеги и половцы (возможно, черные клобуки были как раз печенегами, только признавшими власть Киева). Их всех и звали русские, как тех же печенегов — погаными, что было тогда не оскорбительным прозвищем, а просто русским вариантом латинского слова «паганус» — «язычник». Но русская летопись называет людей этих племен все-таки «своими погаными», поскольку значительная часть их за плату или разрешение жить в пограничьи служила Руси оружием против кочевников, ей враждебных.

На востоке власть Руси начали признавать после падения хазарского каганата многие из подчиненных ему прежде земель; горцы Северного Кавказа посылали своих витязей на службу к Мстиславу Удалому, брату Ярослава Мудрого, шли эти витязи и в дружины к тьмутараканским русским князьям, распространившим свое влияние и на Восточный Крым и на Западный Кавказ.

В. И. Ленин отмечал, что там, где разные народы живут в одном государстве, «их связывают миллионы и миллиарды нитей экономического, правового и бытового характера».

Киевская Русь отнюдь не была исключением среди европейских государств своего времени. Англия, даже после слияния французско-нормандских завоевателей с местным населением востока и юга страны, включала в себя на западе Уэллс, население которого говорило на одном из кельтских языков. И Шотландия, то признававшая власть английской короны, то на целые столетия уходившая из-под этой власти, тоже была тогда, как и сейчас, населена отнюдь не англичанами.

В средневековую «Священную Римскую империю германской нации» входили на востоке и юге земли, заселенные славянами. Кроме того, на западе ее жили фламандцы, валлоны, голландцы. Даже Шведское королевство было государством многонациональным. Ему очень долго принадлежала немецко-славянская Померания на южном берегу Балтийского моря.

Только таким небольшим и географически изолированным странам, как Норвегия, «удавалось» иногда в прошлом стать однопациональным государством, да и то Норвегия не раз входила в состав многонациональных государств, возникавших в результате роста могущества то Дании, то Швеции.

В одних случаях внутри общих политических границ шло сближение народов, иногда до почти полного объединения в единый народ, как во Франции. В других такого сближения не происходило.

Иногда граница, пролежавшая между двумя частями одного народа, превращала их в народы разные. На Пиренейском полуострове в XIII веке границы прошли таким образом, что жители области Галисия, говорившие на португальском языке, оказались за пределами португальского королевства. Прошли века, и теперь их потомки, нынешние галисийцы, — особый народ.

Благодаря, в частности, сложившимся в древности государственным границам (хотя не только из-за них) австрийский народ отнюдь не часть немецкого народа, как и народ люксембургский, хотя и австрийцы и люксембуржцы говорят на немецком языке. Люксембург, государство, зажатое между Бельгией, Германией и Францией, сумел полусамостоятельно просуществовать, с перерывами, несколько веков, за это время в нем сложился отдельный народ со своими обычаями, правилами поведения, особенностями воспитания и быта.

С течением времени значение границ для образования народа меняется. В средние века Европа была разделена на многие десятки, а то и сотни самостоятельных и полусамостоятельных государств. При этом мало-мальски крупные из них, как правило, были многонациональными, а иногда даже состояли из кусков земель, разделенных сотнями километров.

Римскому папе, например, в XIV веке принадлежали в Италии

Рим с областью, а во Франции — Авиньон. Английскому королю Ричарду Львиное Сердце, как и его наследникам на протяжении нескольких поколений, принадлежали во Франции Тулузское графство, Гасконское герцогство и другие земли — пусть на правах вассала французской короны. Испанскому королю долго «принадлежали» Нидерланды, на территории Франции было немало земель, подвластных то испанской короне, то германскому императору Священной Римской империи.

А легенды о рыцарях круглого стола называют в Англии раннего средневековья три с лишним десятка самостоятельных королей.

Но в большинстве случаев эти многочисленные границы сами по себе оказались не в состоянии всерьез ни помочь, ни помешать образованию новых народов или распаду старых. Мы не знаем народа авиньонцев, и в Голландии живут не испанцы.

Не препятствовали обычно средневековые границы ни связям религиозным, ни связям политическим. Английские католики обращаются за помощью к Испании, то же делают католики Франции во время религиозных войн. В протестантской армии будущего Генриха IV рядом с французами дрались немецкие протестанты. Под лозунгом защиты протестантизма во время Тридцатилетней войны XVII века был призван немецкими феодалами-лютеранами для борьбы с католическим императором шведский король.

Французский рыцарь без колебаний служит английскому королю, если живет в его французских владениях. Мало того, аристократы того времени вообще часто не склонны придавать серьезное значение своей принадлежности к тому или иному народу. Рыцари становятся вассалами того государя, который дает им поместье. До XVI века русские князья и бояре уверены в своем «праве отъезда» на службу от одного государя к другому, и не считают изменой переход со службы Москве на литовскую и наоборот.

Дядя матери Ивана Грозного, князь Михаил Львович Глинский, «...доблестный рыцарь служил своей саблей курфюрсту Альберту, императору Максимилиану, великому князю Василию: всем, кто мог хорошо заплатить за труды полководца. Живал в Вене, Италии, Испании. Какие города, ландшафты! Какие женщины! «Инезилля, у сердца храню твой цветок...» Хотите по-французски, пан? Можно по-французски. По-немецки? Проще пане. Ругаться — на всех языках Европы и по-турецки...

К Василию Ивановичу он переметнулся из Литвы, поссорившись с Сигизмундом. Почему он поссорился с Сигизмундом? Тот отказался выдать ему голову врага пана Заберезского. Михаил Львович взял семьсот конных воинов и пошел с ними в Гродно, где жил Заберезский. Ночью они окружили усадьбу, и двое наемников, немец и турок, ворвались к Заберезскому в спальню и отрубили ему голову. И четыре мили несли на древке эту голову перед Михаилом Львовичем, когда он с торжеством возвращался домой.

Торжество-то торжество, но Сигизмунд рассердился, и литовские паны стали собирать людей и точить оружие на Михаила Львовича. Он послал своих ратников с ними рубиться, а сам с братьями, чадами, домочадцами, прихлебателями бежал в Россию. Но Василий Иванович, проявив ласку, не проявил щедрости: дал Михаилу Львовичу для кормления Медынь и Малый Ярославец. А Михаил Львович не хотел Медынь и Малый Ярославец, а хотел Смоленск. Обидевшись, он побежал обратно в Литву, к Сигизмунду...»

Я цитировал историческую повесть Веры Пановой «Кто умирает».

Михаил Глинский — реальное лицо, и писательница просто пересказала часть его подлинной биографии.

А турецкий султан Махмуд II (тот самый, что захватил Константинополь, столицу Византии, и превратил его в Стамбул), когда ему не удалось взять защищаемый рыцарями-иоаннитами остров Родос, приказал объявить по всей Европе, что ищет специалиста, который бы составил план блокады острова и штурма его укреплений. Десятки англичан, немцев и французов явились со своими предложениями, хотя было ясно, что турки угрожают всем странам Европы. Награду султана заслужил «мастер Георг из Пруссии».

Можно, конечно, сказать, что такие авантюристы встречались во все времена и в нашем столетии их тоже можно найти. Но в том-то и дело, что для феодализма такая биография, как у Глинского, отнюдь не исключительная. С чего начинаются бесчисленные дворянские родословные в Англии и Германии, в старой России и Италии? С того, что такой-то, основатель рода, въехал из соседней страны. Можно вспомнить, что в России наиболее знатными среди дворян считались, наряду с потомками полулегендарного Рюрика, Гедиминовичи и Чингизиды, то есть люди, возводившие свой род к литовскому великому князю Гедимину или к монголу Чингисхану.

Чапек в романе «Кракатит» создает фантастический вариант феодальной родословной.

«Довольно! — воскликнула Вилле, когда д'Эмон дошел до 1007 года; в тот год первый из Хагенов основал в Эстонии Печорский баронат, предварительно кого-то убив, дальше этого генеалогии, конечно, не добрались. Но господин д'Эмон продолжал: — Этот первый Хаген, или Агн Однорукий, был бесспорно татарский князь, захваченный в плен при набеge на Камскую область. Персидские историки знают о хане Агане, сыне Гив-хана, короля туркменов, узбеков, сартов и киргизов, который в свою очередь был сыном Вейвуша, сына Ли-тай-хана Завоевателя. Император Ли-тай упоминается в китайских источниках, как властитель Туркмении, Джунгарии, Алтая и западного Тибета, вплоть до Кашгара, который Ли-тай сжег, вырезав до пятидесяти тысяч людей... О предках Ли-тая ничего не известно, пока науке недоступен архив в Лхассе... Гив-хан опустошил и разграбил Хиву, распространив свое ужасное владычество до Итиля — ныне Астрахани. Аган-хан следовал по пятам родителей, совершая набеги на Бул-

гары — нынешний Симбирск, где-то в этих местах его взяли в плен, отрубили правую руку и держали в заключении до тех пор, пока ему не удалось бежать в Прибалтику, к ливонской чуди. Здесь он был крещен немецким епископом... и, видимо, в припадке религиозного усердия, зарезал... шестнадцатилетнего наследника Печорского бароната, после чего женился на его сестре; позднее с помощью двоеженства, установленного документально, он расширил свои владения до озера Лейпус. Смотри об этом летопись Никифора, где он называется уже «князь Аген», в то время как эзельская запись титулует его «гех (король) Аген».

Тут на каждом шагу вымысел, сопряженный с прямыми историческими ошибками.

Но это, я бы сказал, хорошая модель того, что происходило на самом деле.

«...Из-за нескольких вшивых... бандитов, которых стыдился бы приличный человек... и вот из-за таких двух-трех гуннов эти идиоты замирают подобострастно, ползают на брюхе...» — говорит герой Чапековского романа об отношении аристократов к такой родословной.

Патриотизм феодального времени не был похож на современный.

Феодал в средние века не имел права нарушить вассальную присягу, хотя бы принес ее государю чужой страны, но не чувствовал себя связанным с правителем своей родины, если не был его вассалом. Крупный военный, чиновник и писатель XVI века француз Брантом наивно рассказывает в своих мемуарах, как он собирался перейти на службу к испанскому королю, передав ему планы крепости, в которой был комендантом.

Патриотизм как верность родной стране родился в низах феодального общества, среди буржуа и крестьян. Бернард Шоу в своей пьесе «Святая Иоанна» осовременивает рассуждения епископа Кошона, возглавлявшего суд над Жанной д'Арк, но эти мысли и вправду могли тревожить священника-феодала в XV веке:

«...Мне, как священнику, открыто сердце простых людей; и я утверждаю, что за последнее время в них все больше укрепляется еще одна очень опасная мысль. Выразить ее, пожалуй, можно так: Франция для французов, Англия для англичан, Италия для итальянцев, Испания для испанцев... Когда она (Жанна д'Арк) прозит выгнать англичан с французской земли, она — это совершенно ясно — думает, обо всех владениях, где говорят по-французски. Для нее все люди, говорящие на французском языке, составляют единое целое... Могут только сказать, что это учение в самой своей сути антикатолическое и антихристианское — ибо католическая церковь признает только одно царство — царство Христово».

Феодалы границы до поры до времени не были подкреплены границами экономическими, связи между городами и селами внутри феодальных владений были немногим сильнее, чем связи, перекидывающиеся через границы.

Иным становилось положение по мере развития внутри феодального общества основ капиталистического строя.

Буржуазия в каждой стране заинтересована в том, чтобы собственными силами, в одиночку, эксплуатировать «своих» трудящихся, но и сами эти трудящиеся заинтересованы в том, чтобы не подвергаться, сверх эксплуатации, еще и национальному угнетению.

В условиях развивающегося капитализма границы там, где они рассекают исторически сложившиеся области, начинают все решительнее отсекал друг от друга народы.

Особенно важную роль, возможно, начинают играть государства в образовании народов в XX веке. Тем более, что теперь они часто действуют целенаправленно и осознанно. Возьмем, например, такую страну, как Индонезия. Сто с лишним миллионов ее населения состоят из нескольких десятков народов, больших и малых, говорят на многих языках. Но в интересах Индонезийского государства — сплочение их в единую нацию. При этом в качестве основного языка формирующейся нации приняли не язык яванцев, составляющих более половины населения этой страны, а язык «бахаса индонесиа», развившийся на основе диалекта малайского языка, с XIV века ставшего языком межплеменного общения во всех прибрежных районах страны.

Очень сложное положение возникло во многих африканских государствах, раньше бывших колониями европейских держав.

Если вы посмотрите на политическую карту Африки, то не можете не обратить внимание на геометрически правильные линии границ между многими странами. Только в далеких от джунглей, саванн и пустынь министерских кабинетах можно договариваться о таких границах, только чужие земли можно делить с помощью линейки и циркуля.

А в результате в маленьком Габоне с населением всего в миллион с небольшим живут представители десятков этносов. В Республике Заир (в прошлом Бельгийское Конго, потом Республика Конго; первым премьер-министром независимой страны стал здесь великий борец за свободу Африки Патрис Лумумба) живет более 20 миллионов человек. Они принадлежат к двумстам племенам и говорят по меньшей мере на трехстах языках и диалектах. Что же говорить о Нигерии, с ее 50-миллионным населением! Но в условиях капитализма внутри этих искусственно созданных когда-то границ возникают прочные экономические связи, стягивающие разнородные племена в единое целое.

Не удалось ведь империалистам отделить от Республики Конго со столицей в Леопольдвиле (ныне Республика Заир) область Катангу. Искусственные границы волею истории часто становятся, если можно так сказать, естественными, поскольку теперь отделяют друг от друга прочные государственные образования.

Став, хотя бы в этом смысле слова, естественными, границы,

если и не порождают иные народы, то помогают сблизиться старым.

А естественные в географическом смысле слова границы так часто становились в прошлом и границами между народами. Неплохой пример тому — история формирования французского народа.

ФРАНЦУЗЫ

В середине первого тысячелетия до новой эры галлы, часть той мощной волны кельтских племен, о которой в этой книге уже говорилось, только что стали хозяевами большей части территории современной Франции. Они смешались здесь с иберами — родственниками сегодняшних басков и древних испанских иберов, по которым до сих пор Пиренейский полуостров называют иногда Иберийским. Смешались и с другими обитавшими в этих местах племенами.

Но прошли века — и почти на рубеже новой эры галлы, передавшие свой язык большей части покоренных иберов, сами были покорены римлянами и приняли их язык.

Еще три-четыре века — и великое переселение народов бросило на территорию Франции бесчисленные германские племена. Одно за другим, одно за другим они врывались в страну, захватывали какую-то ее область, потом следовала новая волна германцев, изгонявшая предыдущую или подчинявшая ее себе. Вестготы, аллеманы, бургунды — каких только названий не поминают историки в перечне этих племен. Сильнейшим из них — а потому и последним — оказались франки. От них пошло новое название страны. Впрочем, возникло оно в пору, когда франки были хозяевами огромной империи Карла Великого, и относилось сначала ко всей этой империи, занимавшей и многие германские и славянские земли. Но франки и другие германцы на западе державы приняли тогдашний язык Галлии, унаследованный ею от римлян, а на востоке германцы сохранили свой язык. (В составе Германии есть древняя область Франкония, обязанная тем же франкам своим именем.)

Достаточно посмотреть на карту, чтобы увидеть, что почти вся территория Франции очень четко отделена от соседних стран географическими границами. На юге Пиренеи, на юго-востоке Альпы, на севере Арденны, на западе океан и Ла-Манш... На этом неправильном четырехугольнике разыгралась тысячелетняя история французского народа. Есть самые разные точки зрения на вопрос о том, когда он сложился и даже... успел ли он сложиться как единое целое вообще.

Есть ученые, которые полагают, что это один этнос, говорящий (или говоривший до недавнего времени) на нескольких языках, не только французском, но еще и провансальском — на юге, баскском —

на юго-западе, бретонском — на западе. Другие считают, что бретонцы, скажем, до сих пор представляют особый этнос. За это говорят многие особенности их народной культуры.

Но — и это самое важное — сам-то французский народ давно считает, что он сложился. В числе лучших тому подтверждений — движение за освобождение Франции от англичан, возглавленное Жанной д'Арк в XV веке. Девятнадцатилетняя девушка, наделенная не только патриотическим пылом, но и гениальными полководческими способностями, родилась в Лотарингии, области на востоке Франции. Но она ощущала себя не лотарингийкой, а француженкой, и вставшие под ее знамя простолюдины и дворяне засвидетельствовали тем самым, что считают себя прежде всего французами, а не провансальцами, гасконцами или пикардийцами.

Между тем если мы сейчас снова вспомним научный термин этнос, то не подлежит сомнению, что в это время на территории Франции существовали по крайней мере два больших этноса (не говоря об относительно меньших): южно- и северофранцузский.

Мало того. Есть ученые, которые полагают, что в раздробленной на феодальные владения Франции сложилось в средние века до двух десятков отдельных этносов, или народностей. И все-таки люди всех этих народностей ощущали себя одновременно и французами.

Надо сказать, что у вас уже почти наверняка есть какое-то представление хотя бы о некоторых из этих областных этнических групп. Не могли же вы не читать «Трех мушкетеров» Александра Дюма! А там все время подчеркивается, что д'Артаньян — настоящий гасконец, пылкий, отважный и вместе с тем достаточно расчетливый.

Д'Артаньян говорит себе: «Ах! Чертов я гасконец — буду острить даже в аду на сковороде».

Покровитель д'Артаньяна капитан королевских мушкетеров де Тревилл «путь свой... начал так же, как д'Артаньян, то есть без единого су в кармане, но с тем запасом дерзости, остроумия и находчивости, благодаря которому даже самый бедный гасконский дворянчик часто осуществлял самые смелые отцовские мечты...».

Не забывает Дюма сообщить, что «достойнейший Планше», слуга д'Артаньяна, — пикардиец, и подчеркивает далее его рассудительность и надежность именно как черты пикардийца. Слуга Портоса, нормандец Мушкетон, — любитель хорошо поесть и роскошно одеться. Слуга Арамиса — берриец, и так далее.

Все эти указания на происхождение мушкетеров и их слуг Дюма делает не для того, чтобы затем показать их возвращение в родные места или заставить своих героев вспоминать любимые пейзажи, нет, с его точки зрения, само происхождение француза из определенной местности уже должно кое-что сказать читателю и о его внешности (вот первое описание д'Артаньяна: «Продолговатое смуглое лицо; выдающиеся скулы — признак хитрости, челюстные мышцы чрезмерно развиты — неотъемлемый признак, по которому сразу можно определить гасконца...»), и о некоторых чертах характера.

А типы провансальцев, например, во множестве набросал в своих произведениях другой французский писатель — Альфонс Додэ. Вспомните хотя бы добродушного фантазера Тартарена из Тараскона, его друзей и соседей. Наконец, один из героев Виктора Гюго, правда, герой отрицательный, жестокий вождь монархических мятежников, произносит такую речь:

«Гений Франции соединяет в себе гениальные черты всего Европейского континента, и каждая французская провинция представляла собою одну из этих европейских добродетелей. Немецкая прямота процветала в Пикардии, широкая натура шведов проявляла себя в Шампани, голландскую трудоспособность можно было встретить в Бургундии, деятельную энергию Польши — в Лангедоке, испанскую гордость — в Гаскони, острый итальянский ум — в Провансе, греческую изворотливость — в Нормандии, швейцарскую честность — в Дофинэ».

Так возвеличивает Гюго провинции родной страны; не будем сейчас ни спорить с ним, ни сглашаться, важно другое: различия между жителями отдельных областей Франции для романиста очевидны.

Это ясно показывает, что восемнадцать или двадцать областных «преднародностей» Франции успели до своего слияния пройти достаточно путь развития — если не для того, чтобы действительно до такой степени отличаться друг от друга, то хотя бы для того, чтобы о них сложилось такое ходячее мнение.

Писателям можно бы и не поверить, они ведь имеют признанное право на домыслы, но вот что пишет известный географ и историк

Э. Реклю: «В общей для всех столице встречаются и взаимно влияют друг на друга представители всей Франции: обитатели Прованса или Гаскони, проворные, болтливые, вечно в движении; люди с возвышенных плоскогорий, упорные в труде и мало общительные; жители берегов Луары, со смелым взглядом, пронизательным умом и уравновешенным характером; меланхолические бретонцы, мечтательные, но с сильной волей; нормандцы, с медлительной речью, испытующим взглядом, благоразумные и осторожные; обитатели Лотарингии, Вогезов, Франш-конте, горячие в гневе, предприимчивые».

Не случайно Реклю говорит здесь о Париже. Роль Парижа в образовании французского народа больше, чем обычно бывает в таких случаях роль столицы. Парижский выговор брало за образец население всей страны при выработке единого языка, а между тем берлинский диалект не стал примером для Германии, римский — для Италии.

И не случайно в эпоху Великой французской революции решениям, принятым Парижем, без колебаний подчинялась большая часть страны.

Франция стала классическим примером страны, собираемой центральным правительством из феодального развала и разброда. Спокойно, медленно, уверенно делали это короли XII, XIII и начала XIV веков. Затем наступил хаос, новое, казалось, еще большее раздробление страны в пору Столетней войны с Англией. Но в стране, вопреки всему кровавому феодальному безобразию, складывался единый рынок. Крепи связи между ее отдельными частями. Властно влек к себе дворян, купцов и мещан Париж.

В относительно небольшой и разбитой на гораздо меньшее число этнических областей Англии шла борьба между французским и английским языком, занявшая 300 лет и кончившаяся победой языка английского к концу XIV века. Поразительно, но во Франции в XIII, скажем, веке французский язык пользовался гораздо меньшим успехом, чем в Англии. На чужой земле за него стояла знать — потомки офранцузенных норманнов, завоевавших Англию. Во Франции же языку Парижской области противостояла в суде латынь, и всюду — провинциальные диалекты. Провансальский язык был в ту пору не более далек от испанского, чем от французского.

Так продолжалось, пока в 1539 году очередной король специальным указом не объявил французский единственным языком, употребляемым в судопроизводстве и административной деятельности. Это случилось через целых полтора столетия после официального признания английским королем победы в его стране английского языка. А ведь французский-то указ был лишь звеном в борьбе главного языка страны за победу в ней. Но теперь на стороне этого языка решительно стояло правительство. И в границах, где оно распоряжалось, язык побеждал век за веком и год за годом.

Сейчас во Франции говорит на немецком языке большинство эль-

засцев, жителей ее восточных областей, на провансальском — очень небольшая доля южан, на бретонском — часть населения полуострова Бретань на западе. Кстати, не случайно его название вызывает в памяти слово «Британия».

Давным-давно, когда германские племена англос и саксов овладели большей частью Англии, некоторые племена древних бриттов, видя, что не в силах устоять против завоевателей, сами переправились через море и завоевали полуостров, которому передали свое имя. Ах, какой это частый случай в истории: побежденные убегают, чтобы победить еще кого-нибудь, обиженные обижают других, завоеванные становятся завоевателями.

Бретань сохраняла свой язык до XX века. Сейчас, с одной стороны, большинство ее жителей знает только французский язык, а все остальные — и французский и бретонский. Но, с другой стороны, время от времени газеты сообщают о демонстрациях бретонских националистов, которые выступают с лозунгами автономии Бретани или даже ее отделения от Франции.

Сто восемьдесят лет назад, когда большинство бретонцев знало язык своих предков, причем для многих он был единственным, Бретань восстала против французского правительства. Люди, сражавшиеся тогда против правительственной армии, носили особую бретонскую одежду, говорили между собой на бретонском языке. Сражались они против Французской республики, но за французского же короля. Повидимому, никому из повстанцев в голову не приходила мысль об образовании сколько-нибудь самостоятельного государства.

А теперь одетые по последней парижской моде молодые люди, с университетским произношением говорящие по-французски, требуют отделения Бретани, самый язык которой служит для них обычно только предметом любования, но не способом общения между собой.

Парадокс! Но этот парадокс слишком часто встречается в современной жизни западных стран.

Ряд ученых видят и в восстании Бретани против республики сто восемьдесят лет назад тоже проявление национальной обособленности этой части Франции.

Виктор Гюго писал в романе «Девяносто третий год», значительная часть событий которого происходит в Бретани:

«Бретань — старая мятежница. Всякий раз, когда она восставала в течение двух тысячелетий, она была права. Но в последний раз она оказалась неправой. А между тем, боролась ли она с революцией или с монархией, с уполномоченными делегатами или с герцогами и пэрами... — это была все та же бретонская война — война местного духа с центральным».

К этому можно, пожалуй, добавить, что «старой мятежницей» Бретань делало в какой-то степени и национальное угнетение. Но сейчас бретонцы становятся, как считают многие этнографы, из особого народа этнической группой внутри французского народа.

Словно нарочно для того, чтобы подтвердить важность политических границ для процесса образования народов, рядом с Францией разместился Люксембург. Мы с вами уже вспоминали почти мимоходом люксембуржцев, теперь поговорим о них подробнее. Сначала — о их стране. Поэт сказал об одном из своих знакомых, что тот «маленький, как великое герцогство Люксембург».

Но фраза нечаянно обернулась поэтическим преувеличением размеров знакомого.

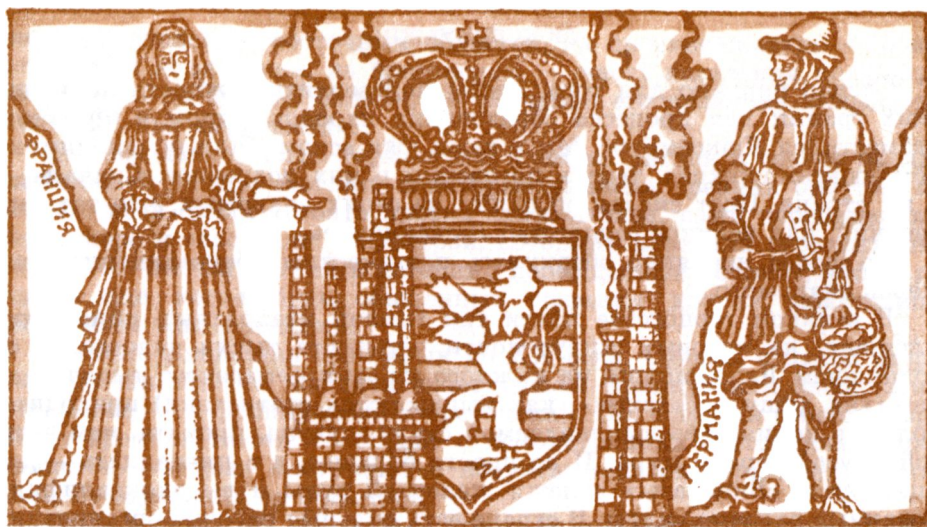
В великом герцогстве почти три тысячи квадратных километров площади, на которых живут почти четыреста тысяч человек. В сегодняшнем Люксембурге на каждого из этих четырехсот тысяч человек («на душу населения», как выражаются статистики) приходится большее количество выплавляемой стали, чугуна, проката, чем в любой другой стране мира. И не просто большее, а в пятнадцать — двадцать раз! «Виноваты» залежи железной руды и высококвалифицированные рабочие кадры. В стране есть сильные рабочие организации, влиятельна компартия. Хотя от всего этого страна не становится больше, а народ — многочисленней. Но факт давнего самостоятельного существования народа неоспорим. Люксембуржцы могут быть названы рекордсменами еще в одном отношении: фактически в герцогстве три языка одновременно. В этом, впрочем, как вы понимаете, ничего удивительного не было бы, если бы на каждом из трех языков не говорил бы примерно одинаково хорошо практически каждый из жителей страны — воистину государство полиглотов.

Люксембуржцы говорят по-немецки, потому что когда-то именно в этих местах довольно плотно поселились франки, те самые, что расселились и по большей части территории теперешней Франции, но составили там, как вы знаете, среди населения настолько незначительное меньшинство, что оставили ему только свое имя, но не язык.

В Люксембурге франков поселилось относительно больше, и они передали свой язык местным кельтам. Но говорят люксембуржцы и по-французски, потому что здесь всегда было сильнее германского культурное влияние мощной Франции. И в судьбах стран-соседей — большой и маленькой — было немало общего.

Результат — с XVII века французский язык становится основным языком культуры в стране.

Сейчас на нем делают все надписи на улицах — и в городах и в деревнях, на нем же выступают истцы, ответчики, прокуроры, адвокаты и судьи во всех судах; в парламенте говорят и по-французски и по-немецки, причем оба эти языка проходят в начальной школе. В обыденной же жизни большинство люксембуржцев то и дело прибегает... к третьему языку, собственно люксембургскому наречию. Его можно считать диалектом немецкого языка, но немцы это наречие почти не понимают.

Газеты в Люксембурге выходят на всех трех языках.

Две тысячи лет назад, как и территория Галлии, территория Люксембурга была захвачена римлянами.

Четыре века спустя сюда пришли франки — как и в Галлию. А когда из развалившейся Франкской империи выпало Французское королевство, рядом с ним в отрогах Арденнских гор появилось графство, потом герцогство Люксембург. Пять с лишним веков оно сумело оставаться фактически независимым; мало того, династия люксембургских герцогов не раз поставляла императоров — Германии, королей — Чехии и иным землям. (Не могу удержаться, чтобы не рассказать об истинно рыцарской гибели одного из Люксембургов, Иоанна, короля Чехии. Он принимал участие в Столетней войне между Англией и Францией — на стороне Франции. В битве при Кресси этот Иоанн, к тому времени ослепший, узнав от пажей, что французы терпят поражение, сел на коня, взял в руки оружие, приказал направить его коня в гущу войска победителей — и погиб, сражаясь.)

Потом династия оборвалась, и Люксембург стал, по законам о наследстве тех времен, а также из-за военных удач и неудач великих держав, лет на сто восемьдесят владением... Испании, потом лет на сто — Франции, потом на семнадцать лет — опять испанским, потом на восемьдесят лет — австрийским, потом на двадцать — опять французским, при Наполеоне, а после его поражения, благодаря тому, что слишком много было охотников на эту землю, получил независимость. (К слову: на гербе великого герцогства изображен красный лев с высунутым языком и раздвоенным хвостом.)

История, мягко говоря, бурная. Но границы держав менялись, а французский народ оставался рядом. И Фридрих Энгельс писал в

прошлом веке о «добровольном офранцузивании» люксембуржцев, которое началось задолго до его времени.

Маленький народ сохранил верность своим традициям; он сопротивлялся фашистам, хоть те и поспешили объявить люксембуржцев «истинными арийцами». До сих пор на фасадах многих домов видны многозначительные надписи — гордый ответ немцам: «Мы хотим остаться теми, кто мы есть».

За люксембуржцами закрепилась слава виноградарей и музыкантов. Любимая шутка здесь звучит примерно так: «Один люксембуржец — садовник, два — спор в кафе, три — оркестр». Пристрастие к кафе, как и многие другие бытовые привычки, тоже сближает люксембуржцев с юго-западными, а не с восточными соседями. Но только у них одних — во всей Европе — получили такой размах музыкально-танцевальные шествия во время местных праздников. Сотни тысяч туристов приезжают сюда на эти шествия поглядеть.

Так маленький народ, оказавшийся между двумя великими державами (да еще по соседству с Бельгией и Голландией), сумел сохранить свое культурное наследство.

Возможно, если бы не политические границы, отделявшие страну от Франции и Германии столько веков, люксембуржцы могли бы стать одной из этнических групп французского или немецкого народа.

ДЕЗДИШАДО

Но бывает, что народ возникает иначе. Вернемся, для примера, все к тем же аварам, только теперь не к печальному их концу, а к началу. И началом таким, конечно, должно быть не время появления авар в Европе, а время их появления вообще на свет.

Где и когда зародился этот народ?

Если принять, что аварами стали зваться после своего разгрома и ухода на запад жужани, недавние хозяева огромного куска Азии, то место и время рождения авар-жужаней как народа известно.

Время — IV век нашей эры, весьма бурная эпоха и для Запада и для Востока. Рим на Западе борется с очередными волнами великого переселения народов и уступает в конце концов гуннам — тогда еще больше союзникам, чем врагам, — Паннонию, долину Среднего Дуная, для поселения.

На востоке Северный Китай покорен кочевниками: монгольскими племенами сяньбийцев и тюрками — хуннами, ближайшими родичами ушедших в Европу гуннов. При этом на Востоке, как и на Западе, кровавая борьба сделала IV—V века «смутным» временем даже на общем историческом фоне раннего средневековья — гибли не только люди и порою даже не только государства, но целые народы, случилось, стремительно исчезали с лица земли.

Лихие степные наездники грабили кого попало, для борьбы с ними государи оседлых земель так увеличивали подати, что у крестьян нечего становилось и грабить. Постоянные войны сдвигали с привычных мест и отдельных людей и целые племена.

Труднодоступные горы Алтая и степи междугорья в этих условиях становились прибежищем для спасавшихся от победоносного врага беглецов из соседних районов. И не только для них. Вот что пишет историк Л. Н. Гумилев в своей книге «Древние тюрки»:

«В смутные времена всегда бывало много людей, выбитых из седла и скомпрометированных, немало таких оказалось и в середине IV века. Все, кто не мог оставаться в ставке того или другого владыки, бежали в степь. Туда же бежали от жестоких господ невольники, из армий — дезертиры, из обедневших деревень — нищие крестьяне. Общим у них было не происхождение, не язык, не вероисповедание, а судьба, обрекавшая их на нищенское существование, и она-то властно принуждала их организоваться».

Человек по имени Югюй, бывший раб, потом всадник в сяньбийской армии, потом приговоренный к смерти преступник, бежал в горы и собрал вокруг себя сотню таких же, как он, беглецов и бунтарей. Эта кучка стала ядром будущей державы. Ну, а дальше беглецы и соседние кочевники нашли общий язык — сначала в переносном, а потом и прямом смысле этих слов, объединились, выросли в числе и основали мощное государство.

Но появление его в данном случае тесно связано с тем, что в Западной Монголии возник новый народ, возник из смешения представителей многих народов и племен. «У жужаней, как у народа, не было единого этнического корня», — подчеркивает Гумилев. Да, в вольной земле собрались вместе скитальцы из монгольских и тюркских племен, китайцы и представители немалого числа других народов.

Но так ли уж необычно появление нового народа на такой «мозаичной» основе?

Цитата из книги Гумилева говорила о смутных временах, а такие времена, к сожалению, не так уж редко наступали и не так уж редко повторялись в истории многих стран нашей планеты.

И слабо заселенные земли, в силу исторических обстоятельств относительно свободные даже от власти самых могущественных соседей, тоже встречались не только в Монгольской степи, горах и предгорьях Алтая.

Так что жужани не были ни первыми, ни единственными в своем роде.

И сразу вспоминаешь другие земли и другую эпоху. От польских королей, литовских великих князей и государей московских бежали на юг нищие крепостные крестьяне и городская голь, дезертиры из армий, дравшихся за непонятное народу дело, еретики и иноверцы, которых преследовали. Они уходили в западную часть той же великой степи, на восточной половине которой на тысячу лет раньше воз-

никло жужаньское государство. Из польских и литовских владений бежали больше в Северо-Западное Причерноморье, обезлюдевшее после татаро-монгольского нашествия и бесконечных набегов золотоордынских, а потом крымских и иных татарских ханов и царевичей. Русские беглецы в большинстве шли на Дон, бассейн которого подвергся той же участи.

В повести «Тарас Бульба» Николай Васильевич Гоголь писал о Запорожской Сечи:

«...Всякий, приходящий сюда, позабывал и бросал все, что дотеле его занимало. Он, можно сказать, плевал на все прошедшее и с жаром предавался воле и товариществу таких же, как сам, не имевших ни родных, ни угла, ни семейства, кроме вольного неба и вечного пира души своей».

А в статье «Взгляд на составление Малороссии» (так называли часто в XIX веке Украину) Гоголь говорил о роли казаков в истории Украины — и не только Украины:

«И вот выходцы вольные и невольные, обездоленные, те, которым нечего было терять, которым жизнь — копейка, которых буйная воля не могла терпеть законов и власти... расположились и выбрали самое опасное место в виду азиатских завоевателей — татар и турков. Эта толпа, разросшись и увеличившись, составила целый народ¹, набросивший свой характер и, можно сказать, колорит, на всю Украину, сделавший чудо — превративший мирные славянские поколения в воинственный, известный под именем казаков народ, составляющий одно из замечательных явлений европейской истории, которое, может быть, одно сдержало это опустошительное различие двух магометанских народов, грозивших поглотить Европу».

(Кстати, о том, что турецкое нашествие грозило прервать нормальное историческое развитие Европы, писал и Карл Маркс.)

Историки вносят в нарисованную великим писателем картину казачьей жизни свои уточнения. При всех правах и вольностях казачество было детищем своего времени, эпохи феодализма, и несло на себе его черты. Среди казачества сразу же началось классовое расслоение, его история знает не только борьбу с иноземцами, но и кровавые столкновения казачьей верхушки с беднотой. И тем не менее жилось здесь переселенцам свободнее и лучше, чем на прежних местах, и крепостными здесь их долго никто не мог сделать.

История распорядилась так, что люди, восставшие против порядков в своих государствах и покинувшие их, оказались в то же время защитниками этих государств против их внешних врагов. Вольные люди Запорожья и Дона защищали от ударов татар и турок не абстрактную Европу, но Чехию и Польшу, Молдавию и Россию, не только ближние Киев и Орел, но и Москву, и Краков.

¹ Разумеется, Гоголь употребляет здесь и дальше «народ» не в современном его значении.

Гоголь нарисовал в «Тарасе Бульбе» картину Запорожской Сечи, куда не допускалась под страхом смерти ни одна женщина. Но сама по себе Сечь была все-таки лишь военной столицей казачества, крепостью, даже не городом.

Относительно небольшая часть казаков жила постоянно именно здесь. А у Тараса Бульбы, как вы знаете, были — в другом месте — и дом, и жена, и дети.

Бывали у казаков действительно попытки жить без семей. Пушкин в «Истории Пугачева» рассказывает о начале яицкого (уральского) казачества, о том, как в XV столетии донские казаки поселились на реке Яике (Урал). «В соседстве новых поселенцев кочевали некоторые татарские семейства, отделившиеся от улусов Золотой Орды и искавшие привольных пажитей на берегах того же Яика. Сначала оба племени враждовали между собой, но впоследствии вошли в дружелюбные сношения: казаки стали получать жен из татарских улусов. Сохранилось поэтическое предание: казаки, страстные к холостой жизни, положили между собой убивать приживаемых детей, а жен бросать при выступлении в новый поход. Один из их атаманов, по имени Гугня, первый преступил жестокий закон, пощадив молодую жену, и казаки, по примеру атамана, покорились игу семейственной жизни.

Донцыне просвещенные и гостеприимные жители уральских берегов пьют на своих пирах здоровье бабушки Гугнихи».

В этом по-пушкински кратком и сильном изложении отмечено на Яике объединение казаков с «татарскими семействами».

На Нижнем Днепре и Дону, естественно, сначала мужчин жило несравненно больше, чем женщин: не так-то легко было бежать от помещика всем семейством. Поневоле приходилось многим казакам добывать себе жен в набегах. Один из последних отзвуков этого — возвращение на первых страницах романа Шолохова «Тихий Дон» казака Прокофия, деда Григория, после очередной русско-турецкой кампании с женой-турчанкой. Но к этому времени старые обычаи забыты, и казаки враждебно встречают выбор Прокофия Мелехова.

Впрочем, татары, кипчаки, кавказские горцы появлялись среди казаков не только в лице своих представительниц прекрасного пола. Кровная месть, вражда с ханом или владельцем помещьче, нищая жизнь выгоняли в вольную степь и ногайских татар, и крымских, и черкесов. Ценою их приема в казаки бывал обычно переход в православие, но южные вольные люди не были такими уж приверженцами мусульманства.

Донские казаки — в основном русские люди, бежавшие от гнета царя и помещиков в вольные степи. Вольными же (относительно) степи были прежде всего потому, что на них зарилось слишком много хозяев. А царю и помещикам, от которых ушли крестьяне, ставшие казаками, было в конечном счете выгодно появление заслона на юге.

Еще до монгольского нашествия русские летописи отметили при-

существование в тех же степях славян-пелукочевников, вольных людей, живших очень похожей на казачью жизнью. Летопись именовала их бродниками, видно, потому, что они «бродили» — кочевали. Бродники, насколько можно судить, сравнительно мало пострадали от монгольского нашествия. Их потомки, видимо, тоже стали частью казачьих войск.

В своем исследовании, посвященном терским казакам, советский этнограф Л. Заседателева видит во многих их обычаях наследие именно бродников.

Появлялись среди казаков и выходцы из Южной и Центральной Европы. Казачьи республики привлекали к себе внимание и надежды многих обездоленных, принадлежавших к разным народам и верам.

Польский посол в 1601 году писал, что среди запорожцев есть «и поляки, и москвитяне, и волохи¹, и турки, и татары, и евреи, и вообще люди всякого языка». По подсчетам ученых, предки молдаван, например, составляли среди запорожцев до трех процентов.

Сами казачьи республики поддерживали между собой связь, которая вела к частичному обмену населением. Изменник Григорий Котошихин в своих предназначенных для шведского правительства записках говорил о том, что на Дону живут «и новокрещенные татары, и запорожские казаки, и поляки... и многие из них московских бояр городовые люди и крестьяне».

Но основную массу, бесспорно, на западе, в Запорожье, составляли украинцы, а на востоке, на Дону, русские.

Что влекло людей, убежавших из родных мест, в казачьи общины? А собственно говоря, другого выхода для человека, желавшего освобождения от феодального гнета, в большей части Восточной Европы и не было. На западе Европы беглый крепостной мог укрыться в вольном городе, каких было здесь немало. Достаточно прожить в таком городе год и один день, чтобы никакие претензии господина уже не были приняты во внимание. Во многих же случаях городская коммуна или магистратура не считала нужным дожидаться истечения определенного срока, сразу выступая на защиту своих новых граждан. (Не могу удержаться... вот цитата из романа «Невидимый адмирал» С. Абрамовича-Блэка. Автор был морским офицером — в царском флоте, потом участвовал как красный командир в революции и гражданской войне. Событиям 1917 года в Таллине (тогда — Ревель) посвящен роман, и один из его героев говорит лейтенанту Иксулю фон Гильденбранду:

«...Ревель я тоже очень люблю... в нем есть такие памятные места. Например, Кузнечные ворота... Один из баронов Иксулей замучил насмерть своего крепостного в черте города Ревеля. А по законам того времени... право жизни и смерти в городе принадлежало только магистрату: выборным от купцов и ремесленников — бюргерам, и

¹ Волохи — предки румын.

бюргеры не побоялись наказать барона... Ему отрубили голову, по приговору магистрата, около Кузнечных ворот».)

Но и в Польше и на Московской Руси города не пользовались такой независимостью.

А бежав к казакам, человек получал наконец права человека.

Правда и легенды так же перемешивались в рассказах о казаках, как и сегодня. Их подвиги в битвах против турок и крымских ханов по праву прославлены, и ничем эту славу не умалить.

Но, наверное, не стоит забывать, что в ту пору почти столь же доблестным делом считалось просто пограбить берега Каспийского моря. В Персию, отнюдь не представлявшую тогда угрозы ни для России, ни для Украины, ни для самих казаков, эти удалыцы ходили «за зипунами». Судить их с точки зрения сегодняшней морали, конечно, смешно. Все «поганые», то есть мусульмане, в глазах казаков были союзниками между собой и врагами христианам. (С другой стороны, сами же казаки не были «догматиками», женились на сестрах и дочерях этих «поганных» и принимали в свои ряды беглецов из мусульман.)

Но все исторически неизбежные слабости и даже пороки казачества меркнут перед его подвигом. Казаки не только остановили турок. Запорожские казаки сыграли очень важную роль в борьбе украинского народа против польских панов, угрожавших ему чуть ли не в большей степени, чем турки и татары, которых прежде всего интересовали дань и рабы. Польские паны, с одной стороны, на Украине довели крепостной гнет до высшей его степени (французский инженер Боплан, по приглашению польского правительства строивший на территории королевства крепости, отмечал, что на Украине крепостные живут «хуже каторжников на галерах»), с другой стороны, паны хотели лишить украинский народ собственной культуры.

Казаки не стали отдельным народом, потому что они сохраняли связь со своей родиной, потому что оттуда они черпали основную часть своих пополнений. Но они сыграли важную роль в украинской истории. Запорожье стало одним из идеологических центров развития и консолидации уже сложившегося в XIV—XV веках украинского народа. Само существование Запорожья было для украинских соотечественников запорожцев свидетельством, что украинский народ идет к освобождению и объединению. Мы с вами еще будем говорить об истории украинского народа. Сейчас же вспомним только вот что: Карл Маркс в одной из своих работ почти теми же словами, что Гоголь, констатировал, что «дух казачества разлился по всей Украине».

Надо сказать, что для пришельцев, особенно русских и людей с тюркского востока, заманчиво звучало самое слово «казак». А давно ли оно, кажется, было отнюдь не славным и не похвальным, обозначая просто человека бездомного и безродного!

В русский язык слово «казак» пришло из тюркских языков; соседней-тюрков у Руси, как известно, издавна было много: и хазары, и

печенег, и половцы, а там — татары... (Но, кстати, в современном турецком языке слово «казак» связано уже с русскими, а на языке горноалтайцев «казак» значит попросту «русский».)

Историк Г. Ф. Благова пишет: «Исторические сведения, равно как и сохранившиеся данные старописьменных тюркских языков, позволяют думать, что первоначально в слово «казак» вкладывался социальный смысл: человек, по злой необходимости отделившийся от своего рода-племени, лишившийся своего скота и кочевий и поэтому ставший бродягой, «скитальцем».

Казак — это человек без собственного дома, скиталец, бедняк, изгнанник, бродяга, тот, кто не имеет ни кола ни двора. Казаками же называли на Востоке и не имевших трона, но пытавшихся его захватить принцев из династии Тимура.

Получается, что слово «казак» в своем первоначальном русском значении соответствовало древнему слову «изгой» и значило примерно то же, что надпись на испанском языке, которую сделал вальтер-скоттовский Айвенго своим «псевдонимом» на время турнира: «дездишад» — «лишенный наследства».

Необходимо сказать еще, что почти одновременно с украинским и русским казачеством сходные общины вольных людей появлялись и в Чехии, и у сербов, и у венгров, не достигая, однако, такого размаха, не получив того влияния и значения.

Чтобы закончить рассказ о казаках, остается добавить, что с древним значением слова «казак» связано и название казахского народа. Однако нельзя считать, что казахи Средней Азии сформировались по «жужаньскому» способу. Тут произошло другое. Сами по себе казахи, в древнем социальном смысле этого слова, никогда не составляли здесь большинства населения, хотя бесконечные войны средневековья постоянно обездоливали многие тысячи людей, вынуждали племена перекочевывать с места на место, переходить из-под власти одного хана к другому. В XV веке часть кочевых племен восстала против тогдашнего их владыки, узбекского хана Абул-Хаира, и ушла от него на восток. Сначала, по некоторым сведениям, эти освободившиеся от ненавистного хана племена называли себя узбеки-казахи, что, видимо, означало примерно «независимые узбеки». Затем первая половина названия отпала. (Однако если эта версия относительно происхождения названия казахов и верна, то сам казахский народ сложился намного раньше, чем получил это имя.)

ПЛАВИЛЬНЫЙ ТИГЕЛЬ

Люди, съехавшиеся из разных стран, постепенно стали современным американским народом, точнее, народом США. Мотивы, по которым перебирались в Америку переселенцы, порою заставляют

вспомнить причины, по которым уходили на свободные земли будущие казаки.

Кто составлял большинство среди тех англичан, что первыми решились поселиться в Америке? Пуритане, осознанные враги господствующих в Англии религии и королевской власти. Вот как пересказывает американский писатель Натаниэль Готорн речь одного из вождей первопоселенцев:

«Во имя чего покинули мы свою родину? Во имя чего, спрашиваю я, покинули мы зеленые и плодородные поля, дома... кладбища, где погребены наши предки? Во имя чего прибыли мы сюда?.. Страшен этот край. Волки и медведи подходят к нашим жилищам на расстояние человеческого голоса. Туземец подстерегает нас в мрачной тени леса. Упрямые корни деревьев ломают наши плуги, когда мы пашем землю. Дети наши плачут, прося хлеба, и мы вынуждены возделывать прибрежные пески, чтобы накормить их. Во имя чего, снова спрошу я вас, разыскали мы эту страну с неблагоприятной, бедной почвой и неприветливым небом? Разве не во имя того, чтобы пользоваться нашими гражданскими правами?»

На юге будущих Соединенных Штатов, в частности в колонии Виргиния, события развивались по-иному. Здесь важную роль играли отпрыски английских аристократических семейств, прибывавшие в сопровождении челяди и рабов, становившиеся помещиками и плантаторами. Но в большей части английских колоний, а затем штатов, население формировалось из людей, искавших на новой родине того, чего им не доставало на старой. Одни нуждались прежде всего в хлебе и работе, другие — в праве верить в того бога, который им нравился, третьи стремились к тому, что они именовали свободой и демократией.

Были среди них и дельцы, мечтавшие только о наживе, были и мечтатели, надевавшиеся увидеть в Новом Свете истинную страну свободы.

Стоит отметить, что общим традиционным праздником США, чем-то вроде празднования дня рождения страны, стал праздник, впервые устроенный после сбора первого урожая пуританами, высадившимися в Северной Америке в 1620 году. И это вопреки тому, что в Виргинии первые английские колонисты поселились на целых тринадцать лет раньше, и даже тому, что первая конституция первой американской колонии была выработана в 1619 году именно в Виргинии представителями уже существовавших там не то семи, не то одиннадцати английских поселений.

Американский народ хочет считать своими предками прежде всего изгнанников, а не искателей приключений, признает «отцами-основателями» страны преследуемых за веру скитальцев, а не помещичьих сынков, искавших новых доходов и новых впечатлений.

Тут отразилось понимание народом подлинной значимости исторических событий.

Периодом рождения американской нации ученые считают время американской революции, когда колонии восстали против английского владычества.

Почти с самого начала в английские колонии в Северной Америке, а затем в США, ехали не только англичане. В одной из самых населенных американских колоний — в Пенсильвании — в середине XVIII века треть населения составляли немцы.

Все время был очень велик приток не только англичан, но и шотландцев, и особенно ирландцев.

В XIX веке в США въехало около двадцати миллионов людей, в числе которых выходцы из тогдашней Великобритании, то есть и англичане, и шотландцы, и ирландцы составили лишь немногим более трети. Четверть переселенцев дала Германия, пятнадцатую часть — Скандинавские страны, почти по двадцатой части — Италия, Австро-Венгрия и Россия (каждая в отдельности). Переселялись в Северную Америку, хоть в меньшем числе, китайцы, японцы и представители других азиатских народов.

Словом, перед нами процесс собирания в одном месте прежде всего людей, страдающих у себя на родине от экономического, религиозного или национального гнета. Другое дело, что переселенцам — и то в лучшем случае — удавалось освободиться лишь от гнета религиозного.

В Америку ехали, конечно, и помещики и капиталисты, для которых она была только местом выгодного вложения капиталов.

Кроме того, в состав американского народа входят и негры — потомки насильственно ввезенных в страну африканских рабов. И потомки тех индейцев, для которых колонизация Америки европейцами обернулась величайшей исторической трагедией.

Многие из переселенцев пытались создать на чужой земле свои национальные островки. Часть их привела сюда та же идея, которая заставила жюль-верновского капитана Гранта искать в южных морях незаселенные земли. Грант мечтал о «Новой Шотландии». Новую Шотландию, Новую Ирландию, Новую Германию, даже Новую Венгрию хотели создать на Американском материке группы его новых жителей. Но в конкретных исторических условиях отдельные национальные группы вскоре начинали смешиваться в той или иной степени между собой и с коренными американцами, принимать английский язык и американскую культуру. В составе американского народа отдельные группы потомков иммигрантов еще отличаются друг от друга по некоторым чертам культуры и быта, но большинство ученых сходитя на том, что их следует считать не отдельными народами, а скорее этническими группами внутри американского народа.

Так остры, однако, межгрупповые трения в классовом обществе США, разжигаемые заинтересованными в этом силами капиталистического строя, что часть американских этнографов заговорила о крахе концепции «плавильного тигля», видя сохраняющуюся обособленность отдельных национальностей. Тем не менее, вопреки отступлениям и потерям на этом пути, тенденция развития ведет все же, в конечном счете, к слиянию этнических групп. «Плавильный тигель» продолжает работать.

Кааба — святыня ислама, мусульманской религии. Она находится в Мекке, священном для всех мусульман городе. Верующим мусульманам во всем мире полагается молиться, повернувшись в сторону этого города.

В Мекке находится знаменитый Черный камень, Эсвад, по всей видимости метеорит. И древнее предание тоже говорит, что это небесный камень. Еще за двести лет до рождения ислама арабы рассказывали друг другу, что этот камень был принесен Адаму, первому человеку, ангелом с неба, чтобы Адаму было на чем посидеть, отдыхая после работы. Именно поклонение Черному камню — главная цель паломничества в Мекку, которое ислам рекомендует каждому верующему мусульманину. Но и культ Черного камня и легенды о нем древнее и самого ислама и города Мекки.

Слово «Кааба» значит по-арабски «четырёхугольник» — четыре стены, в одну из которых вделан Эсвад.

Но это, как говорится, присказка, объясняющая название главы. А теперь к сути дела.

В VII веке нашей эры в Аравии произошло одно из тех необыкновенных чудес истории, которые поражают уже тем, что они оказались возможны. И нельзя, однако же, даже представить себе, как пошла бы история без них.

Сорокалетний неграмотный пастух Мухаммед провозгласил себя пророком и объявил, что послан сообщить людям волю единого бога — аллаха. Ему поверили, за ним пошли многие тысячи людей. Конечно, кроме религиозной экзальтации и высокого пафоса гениального поэта Мухаммеда, для рождения ислама нашлось немало других причин, значительно более скучных, серьезных и важных.

У алма-атинского писателя Мориса Симашко есть повесть «Хадж Хайяма», посвященная великому поэту и математику средневековья Омару Хайяму. Ее герой размышляет о происхождении ислама. Многие сумели увидеть в прошлом, согласно повести, поэт, сам убежденный мусульманин. В том числе...

«Полный гнева и отчаяния, увидел он наконец неприкрашенную Хиджру! (Хиджра — бегство Мухаммеда из Мекки в Медину от политических врагов.)

Пустыня каменела, на разбитых ногах гноились язвы, одежда вояла потом. Всклокоченная борода пророка стала серой от пыли... Но надо было идти вперед. Ятрибские разбойники вели нечестную игру. Они стали брать такой бакшиш, что честные купцы рвали на себе бороды. За прохождение одного верблюда с шелком приходилось отдавать сто сорок динаров!

При одном воспоминании пламенели глаза пророка. Последние караваны приходили, полные плача. В каждом шатре от Басры до Кульзума был свой бог. И он разрешал грабить все и вся на три кон-

ных перехода вокруг. Треть шла ему. Какой бог удержится!.. Боятся отвадить многобожников от своей Каабы! Паршивый камень ведь тоже приносит деньги. Как же, в своих вшивых караван-сараях они потом так обдирают этих многобожников, что возвращают все убытки... Но у тех, кто идет сейчас за ним, нет караван-сараяев. Они живут торговлей, и бакшиш... сдирают с них. Нет, для честной торговли нужен один бог. В каждом шатре он будет хозяином, этот бог. И меч ему в правую руку...

Можно, в конце концов, передать богу и Вечный камень. Пусть успокоятся владеющие караван-сараями. Они тоже не останутся внакладе. Бог еще молод и не сообщил пока все свои веления людям... Пророк усмехнулся.

«Это тоже было правдой. Но разве только это?» — думал Омар Хайям в повести.

В Коране все время чувствуется, что автор — пастух, происходящий из семьи торговцев. Посудите сами:

«Бог купил у верующих жизнь их и имущество их. Радуйтесь о вашем торге, которым вы сторговались с ним. Если вы даете в ссуду богу хорошую ссуду, он в два раза вернет вам... Мы — самый верный из счетоводцев».

Но, разумеется, сводить все дело только к одним экономическим обстоятельствам нельзя. Правдой, как и говорил Хайям, было ведь не только это.

Так или иначе, но государственная власть, опиравшаяся на новую религию, стала важным средством для превращения разрозненных племен в единый народ.

Все происходило «по Чебоксарову и Арутюнову», ученым, которых я уже цитировал, — между арабскими племенами росли экономические и информационные связи, племена созрели для превращения в единый народ. Но религиозные разногласия и политическая междоусобица препятствовали объединению племен. Говоря языком науки, языком исторического материализма, надстройка отстала от базиса. Это означало, что она должна быть преобразована.

И над Аравией пронесся клич: «Нет бога, кроме Аллаха, и Мухаммед пророк его».

Автор книги «История арабов» Хитти констатировал: «Аллах был высшим выражением верховной власти государства».

Надо сказать, что дотошные историки прошлого века установили, насколько важную роль для торжества учения Мухаммеда сыграли друзья пророка — богатый и умный купец Абу-Бекр и отличавшийся силой, мужеством и волей воин Омар. Один из историков сказал, что в этом союзе Мухаммед думал, Абу-Бекр говорил, Омар действовал.

Долгие годы продолжалась борьба сторонников и противников Мухаммеда в юго-западной Аравии.

Мухаммед уступал — он, неистовый борец против поклонения идолам, признал священным камень Каабы, святыню главного язы-

ческого храма Мекки. И мекканские купцы, не меньше любых других купцов заинтересованные в безопасности дорог, склонились перед Мухаммедом, чтобы уже через немногие годы после его смерти вырвать власть у родственников пророка и сажать на трон «наместников Мухаммеда» людей из враждебного самому Мухаммеду при его жизни рода.

Ну, а тогда Мухаммед уступил — и они уступили. И арабы объединились. А потом зеленое знамя пророка повело отважных кочевников на завоевание мира. Не в первый и не в последний раз в истории объединившиеся в народ племена стали силой, способной изменить ее ход.

Они вышли на политическую арену в очень подходящий момент. Только что византийский император, казалось, закончил победой многовековую борьбу с восточным соседом своей державы. Он выиграл войну, которую со времен Римской республики вели владыки Запада с владыками Востока. Иран понес от византийских солдат решительное и сокрушительное поражение. Шах Ирана становился фактически вассалом императора. Иран терял свое политическое

значение великой державы... Не нашлось у владыки Византии мудрых советчиков, подобных тем древним грекам, что предостерегали Афины от полного разгрома Спарты, а Спарту — от полного разгрома Афин. Правая нога Эллады не должна уничтожать левую, говорили эти советчики за четыре или пять сотен лет до новой эры, иначе Эллада будет хромать...

Император не помнил об этой мудрости или не смог понять, что от изменения масштабов суть не меняется.

Он очень гордился своей неслыханной победой, но сокрушенный Иран не мог оказать достаточно серьезного сопротивления арабским наездникам. А Византия, которая сама была ослаблена победоносной войной, в одиночку было не под силу их остановить.

В 622 году новой эры Мухаммед бежал от своих врагов-соплеменников в Медину, а через десять лет, к моменту его смерти, если не власть, то уж авторитет Мухаммеда признавала вся Аравия.

Впрочем, он с самого начала не собирался ограничивать свои владения — или владения своей религии — одной Аравией. Еще не успев овладеть Меккой, он уже посылал государям известных ему соседних стран письма с требованием принять ислам. Шах Ирана, император Византии, правители других земель с почти равным пренебрежением отнеслись к этим посланиям неведомого вождя каких-то племен, живущих на пустынной окраине мира.

Через три года после его смерти у Византии был отобран Дамаск, через пять — Иерусалим, через восемь лет — Египет, и лишь еще двумя годами позднее пало Персидское царство.

Столь стремительным успехом не мог похвастать даже Рим. Современники арабских завоеваний вспоминали, видя победы мусульман, грозные и быстрые походы Александра Македонского. Мы можем заглянуть еще и в анналы не менее грозных походов Чингиза и Тамерлана. Но тут сравнение будет не очень удачным. О сказывающихся еще и сегодня последствиях походов Тамерлана и Чингисхана знают сейчас только специалисты. Меньше шести столетий отделяют нас от времени «железного хромца», Тамерлана, меньше восьми — от эпохи Чингисхана, и этих столетий оказалось достаточно, чтобы стереть с лица земли явные следы движения их полчищ. Между тем арабские завоевания, с эпохи которых минуло уже тринадцать веков, запечатлены на планете. Существует целый арабский мир, и хотя со строго научной точки зрения можно говорить об отдельных народах — алжирском, египетском, сирийском и других, — мы не можем забывать, что люди всех этих народов часто называют себя единой арабской нацией, что они говорят на более или менее понятных друг другу наречиях одного языка.

Тут нельзя умалить значения веры, которую несли с собой арабы. Она была средством не столько для завоевания, сколько для закрепления за арабами уже завоеванных земель.

Характерная черта: арабскими стали далеко не все страны, завое-

ванные арабами. И тут тоже иногда важную роль играли религиозные различия, становившиеся выражением различий этнических и других.

Когда в середине VIII века в Иране началось грандиозное восстание против халифов из рода Омайядов, его возглавил Абдуррахман ибн Муслим по прозвищу Абу-Муслим. По происхождению он был перс, а не араб, и опирался прежде всего на местную персидскую знать. Так или иначе, но Абу-Муслим громил войска тогдашней халифской династии Омайядов до тех пор, пока на троне халифов не оказалась новая династия Аббасидов, потомков Аббаса — дяди пророка Мухаммеда.

Вся эта война проходила под поднятыми персами лозунгами шиизма — того течения в исламе, которое признает священным лишь сам Коран, отвергая сопутствующие ему предания.

За Аббасидами и шиизмом стоял Иран, страна с древней культурой, стоял иранский народ, для которого религия стала способом сохранения своего существования. Недаром же шиизм, первоначально широко распространенный среди мусульман, вскоре потерял прежнее влияние во многих землях, зато в Иране стал полным хозяином. Вера стала формой проявления народного характера, особенностей народной культуры.

И много позже религия продолжала играть роль в событиях, которые вели к рождению новых государств. Найдите на политической карте мира Аравийский полуостров. Большую часть его территории занимает государство Саудовская Аравия. На земле Саудовской Аравии ныне стоит прославленная Мекка. Саудовская Аравия получает немало дохода от паломничества мусульман в Мекку. Но сами ее правители и огромная часть населения в таком паломничестве участия не принимают. Они — члены секты ваххабитов, которых называют пуританами ислама. Как протестанты в Европе, ваххабиты против всего в исламе, что напоминает им идолопоклонничество. И Черный камень для них тоже лишь идол.

Именно ваххабиты создали королевство Саудовскую Аравию, после того как монарх маленького государства в центре Аравии, Ибн-Сауд, женился на дочери основателя секты Ибн-Ваххаба, приняв его веру. Род Ибн-Саудов постепенно расширял свои владения, пока они не заняли большую часть полуострова. (И... еще в XVIII веке ваххабиты взяли штурмом Мекку и разбили на куски Черный камень. Давно уже Эсвад возвращен на прежнее место, но склеенный.)

А внутри Саудовского королевства, созданного ваххабитами, постепенно складывается новый особый народ.

Разумеется, не одно лишь мусульманство среди религий имеет привилегию оказывать серьезное влияние на процессы возникновения народов.

Более четырех сотен лет назад в Индии возникла новая религия — учение сикхов, пытавшееся соединить в себе черты мусульманства и

древних вероучений Индии. Сейчас последователи этого учения — сикхи, — по мнению одних ученых, уже составляют особый народ, по мнению других — очень близки к тому, чтобы стать таким народом.

Когда-то Бельгия и Голландия составляли единое целое — Нидерланды. Вместе в составе этого целого они перешли из-под власти Бургундского герцогства во владение германского императора, вместе затем «принадлежали» испанскому королю. Много общего у этих двух народов — бельгийцев и голландцев. Языковая граница между ними размыта, гораздо более серьезная языковая граница делит население одной Бельгии на валлонов, говорящих по-французски, и фламандцев, чья речь — один из германских языков.

Но во время отчаянной борьбы Нидерландов с испанскими королями, грабившими эти «принадлежавшие» им земли, устраивавшими религиозные преследования и т. д., только части этой страны удалось освободиться в боях от иноземного гнета. В этой части, которая известна под именем Голландии (сейчас иногда о Голландии говорят как о Нидерландах, давая части имя исчезнувшего целого), преобладают протестанты, тогда как в Бельгии католики. Разумеется, разделение государств вызвано не одной лишь религией, важную роль играли конкретные исторические события, особенности хозяйства и быта и так далее. Но ведь в истории всякий итог — результат действия многих причин, равнодействующая большого количества фактов. Рядом с ясно заметным действуют и внешне менее важные обстоятельства.

Говоря о причинах образования народов, каждый раз приходится упрощать, разбирая прежде всего те причины, что выступают на первом плане общей исторической картины. Это относится и к главе, которую вы прочли, и к следующей, и к книге в целом.

В том, что хорваты и сербы, говорящие на одном и том же языке, представляют собой разные народы, сыграли роль различия в религии: хорваты — католики, сербы — православные. Но ведь само это религиозное размежевание — следствие конкретных исторических событий давних времен, когда хорваты были отделены от сербов государственными границами. Ведь Хорватия, в отличие от Сербии, входила когда-то в состав франкской державы, а с XII века Хорватия почти все время, вплоть до 1918 года, была частью Венгерского королевства (и долго входила вместе с ним в Австро-Венгерскую империю). Сербия же вплоть до XV века была самостоятельна, а затем пять столетий боролась против турецкого ига.

Нельзя не сказать, что в истории складывания украинского народа важную роль сыграло православие постольку, поскольку предки современных украинцев оказались семьсот лет назад включенными в несколько католических государств — в Польшу, Венгрию... Православие отделяло украинцев от поляков и венгров, препятствуя смешанным бракам, помогая сохранению языка и культуры. Другое де-

ло, что роль православия тут нельзя преувеличивать: не зря ведь в пределах того же Польско-Литовского государства соседствовавшие с украинцами белорусы стали отдельным народом, хотя они тоже были православными. Язык был здесь для образования народов важнее религии. Религия же выступала не столько в роли «объединителя» придерживавшихся ее народов, сколько в роли «отделителя» их от народов других вероисповеданий. Но и это исторически тоже оказалось чрезвычайно важно.

НАРОД ПОЛУЧАЕТ ИМЯ

Один из любимых героев Станислава Лема, отважный звездопроходец, он же космический Мюнхаузен, и Йон Тихий дружески предостерегал новичков, призывая их не верить, будто на каждой планете большими буквами написано ее имя.

С названиями народов дело тоже обстоит совсем не просто. Начать с того, что у каждого почти народа таких названий несколько. Хорошо еще, если сам себя он зовет только одним именем; зато соседи почти всегда зовут его как-нибудь иначе. Кажется, русские, например, они и должны быть русскими, на каком бы языке ни звучало это имя. Но маленький народ саамов, живущий в СССР, называет русских совсем иначе — «каръеле». По-латышски «русский» — «криеви». По-фински и эстонски русские становятся «вене». В Турции — я уже говорил об этом — часто в значении «русский» употребляют просто-напросто слово «казак».

Легко понять, откуда в языке саамов появилось «каръеле»: тут сразу угадывается название карелов, с древности ближайших южных соседей небольшого северного народа. Латыши помнят своих ближайших соседей-славян, племя кривичей. Эстонцы же и финны запомнили и перенесли на русских имя древних славянских племен Прибалтики — венедов.

Ну, а для турок — исторически — представителями Руси выступали казаки, в течение столетий, как вы знаете, бывшие передовыми отрядами Руси на юге, игравшие роль буфера между Россией и Турецкой империей.

Гораздо сложнее для историков, оказывается, понять, почему русские сами себя зовут именно так. То же относится и к общему имени славян. Впрочем, об этом уместнее поговорить в главе, где речь пойдет о происхождении славян и русских. Удивляться же тому, что соседи не всегда принимают и признают имя, которое народ дает сам себе, нам с вами не приходится. Зовем же мы жителей Германии немцами. К слову сказать, по-немецки ведь «Германия» — «Дейчланд», а «немец» — «дейч». Германцами немцы стали когда-то для римлян, принявших к сведению имя, данное немцам соседями-кельтами. Нем-

цами они стали уже для русских. Любопытно, что французы, потомки прежде всего этих кельтов, а также римлян-колонистов и некоторых германских племен, называют немцев не по-кельтски и не по-римски, но аллеманами. Такое имя носил союз германских племен, живших по соседству с землями, занятыми франками — тоже германским племенем.

Кстати, естественное на первый взгляд объяснение, будто слово «немец» происходит от «немой», по-видимому, неверно. Большинство ученых склоняется к мнению, что это название пришло в русский язык из чешского, а у чехов оно утвердилось из-за жившего по соседству германского племени неметов.

Вы прочтете в главе «Семь племен и пять стран» о венграх-мадьярах, там, между прочим, будет хоть как-то объяснено, почему они мадьяры. Но этот народ для многих народов Европы стал народом венгров. Причина, судя по всему, сразу и проста и поразительна: лет за триста до своего прихода на Дунай кочевали мадьяры во владениях тюркского народа оногуров. Из долгой венгерской истории на это время падает всего лишь около столетия, и отделено от нас то столетие примерно тринадцатью веками, и сами оногуры давно растворились среди других народов, а венгры, как вы узнаете, не раз

меняли территорию расселения — но имя оногуров, пусть в переделанном виде, за ними осталось. Помните, не зря ведь я говорил в главе про авар о странных законах, управляющих именами народов.

Можно еще напомнить, что китайцы — для себя — народ хань.

Мы же зовем их иначе «в память» о древних «общих соседях» — народе киданей. Можно добавить, что китайцы взяли себе в качестве имени название древней императорской династии, а в странах Западной Европы их знают тоже по имени древней императорской династии, но другой — Цинь. А часть южных китайцев зовется «люди Тан», потому что Южный Китай стал окончательно китайским при этой династии.

Наши слова «Корея» и «корейцы» отражают название средневековой корейской династии Коре, но никак не связаны с Чосен — современным названием этой прекрасной страны.

Словом, может показаться, что народы, как люди, получают свои имена случайно или почти случайно. Иногда это так и есть. Но не всегда. А потом, и случайности подчиняются своим законам. И в тысячах имен тысяч народов, живущих и живших на земле, ученые сумели навести кое-какой порядок.

Это и понятно.

Имя становится нужно народу (наверное, сейчас лучше было бы сказать «этносу»), когда он уже прошел определенный исторический путь развития. Имя — это ведь выражает прежде всего, что члены этноса осознали, почувствовали себя одним из народов, одним из племен.

Пока все человечество делилось в глазах людей на две части — собственное племя и весь остальной мир, — пока собственное племя, и только оно, во всех случаях заслуживало местоимения «мы», а все прочие племена, роды и общины были в равной степени «они», и всего лишь «они», имя было не нужно. Население всех известных мест делилось на «людей» и «нелюдей», вот и все.

Надо сказать еще, что этнографы знают немало случаев, когда первобытное племя само себя никак вообще не называет.

Мы знаем, что у папуасов обычно не было племенных самоназваний. Все (!) племена Новой Гвинеи получили имена от европейцев, причем население одного района, отказавшееся креститься, получило от некоего неудачливого миссионера имя «намау», что значит «глухие». Европейцы знали, что папуасские племена должны иметь имена. Но большинство папуасов не ощущало в этом необходимости. Имена приходится давать соседним племенам, чтобы как-то отличать их друг от друга. Но члены самого этого племени и так знают, кто они такие, — люди, и все.

Вот откуда, в конечном счете, бесчисленные имена народов, означающие просто человек, просто люди.

Древние удмурты в Восточной Европе, эскимосы в Северной Америке, нивхи на Амуре, ненцы на Крайнем Севере Евразии и карены

в тропической Бирме зовут сами себя совершенно одинаково — если каждый раз перевести эти названия на какой-нибудь один язык. «Они просто Люди с большой буквы, иногда — для убедительности, что ли, — к этому существительному при переводе приходится присоединять прилагательное. Они — настоящие люди.

«Немец» — «дейч», а это «дейч» когда-то произошло от древнего слова, означавшего «люди, народ».

И индейцы навахо сами себя зовут тоже «народ», только на их языке это звучит иначе — «дене». «Тюрк» происходит от слова, означавшего на тюркском языке «человек», «нивх» — «человек» на нивхском языке, а «ненец» — тоже «человек», только по-ненецки. Впрочем, часть ненцев называла себя еще и «точнее»: «неняй ненец» — «настоящий человек». Так же поступала часть чукчей, взявшая себе имя лыгыравэтыян, что тоже значило «настоящий человек».

По-монгольски «хун» — «человек». А кто не слышал о грозных гуннах — хуннах! Словом, примеров тут масса. Многие (хотя и не все) ученые полагают, что узнают в окончании «ар» у множества названий народов (вспомните болгар и татар, хазар и авар и т. д.) слово, означающее «человек». Ведь и сегодня во многих тюркских языках «муж, мужчина» обозначается словом, близким по звучанию к этому «ар».

Когда перед словом, означающим человек, появляется определение, хотя бы определение «настоящий», а особенно когда человек или муж становятся только частью слова, обозначающего племя, — это часто означает большой шаг вперед в осознании людьми своего места в мире. Словом, они дают нам знать уже именем племени, что уже признали другие племена тоже частью общего человеческого рода.

Одно дело, когда мы — люди, а все остальные — неведомо кто, и совсем другое, когда и мы и они — одинаково люди, только мы — свои, а они — чужие.

Слова «свой, свой», стали основой многих названий племен и народов. Известный польский лингвист Ян Отрембский произвел от свой в его древней форме имени славян, шведов, некоторых других народов, в том числе и племени сабинов в Италии (того самого, у которого римляне похитили женщин).

Многие имена означают еще и «друг, товарищ, союзник». Я уже говорил, что имя одного из первых известных нам славянских объединений — анты — значит по-тюркски «друг» и, возможно, получено от авар-обров. Древнее имя предков осетин — аланы. И сегодня у некоторых кавказских народов «алан» значит «друг».

Советский ученый В. А. Никонов склонен кое в чем поддержать уже упоминавшуюся гипотезу Отрембского из-за того, что знает массу примеров, когда народ носит имя, означающее «друг» или «союзник». Таково, например, значение названий тегумов на острове Тимор в Индонезии, нганасанов на Таймыре.

Поразительно, но имя народа может означать и «чужие» или «враги»! Восемнадцатый век, например, был временем жестоких войн между братскими, по сути, племенами — коряков и чукчей, совсем незадолго до того отделившихся друг от друга. В память об этом долго коряки звали чукчей «танн ытин» — «чужаки». Но то же слово стало тогда на родственном корякскому языку чукчей названием для коряков.

Может быть, и такие названия надо отнести к древнейшим — если не по времени их существования, то по способу образования.

Очень давно стали получать народы имя по стране, в которой они живут. Да, но от кого же получает имя страна? Часто тоже от народа, только более древнего.

Давно нет бриттов, но англичан часто зовут британцами, потому что за их большим островом сохранилось имя Великобритании. Давным-давно нет народа виталов, занимавшего юг Апеннинского полуострова. Столкнувшиеся с виталами греки называли по ним весь полуостров Виталией, или Италией; и сегодня носит древнее имя итальянский народ.

Сегодняшние македонцы — славянский народ, и по языку не имеют ничего общего с теми македонцами, что покоряли с Александром бесконечные земли в Африке и Азии.

Впрочем, имя народа может не иметь никакого отношения к занятой им земле. Общее название всех коренных племен Новой Гвинеи — папуасы — по-индонезийски значит просто-напросто «курчавые». Страна в Восточной Африке приняла несколько десятков лет назад официальное имя Эфиопии, или Эфиопской империи. А ведь «эфиопы» — по-гречески значит «опаленные солнцем».

Бритты, которых я столько раз упоминал уже, получили это имя («раскрашенные») за обычай, который был сродни татуировке.

Даже особая деталь одежды может стать именем народа — стоит тут вспомнить каракалпаков («черные шапки»).

Иногда именем становится название занятия. В Турции живут остатки племени тахтаджи, что значит «дощечник». Люди этого племени — лесорубы, делающие доски на продажу.

Бхилы в Индии — лучники, коряки — люди с оленями и так далее.

Нередко народ или часть народа принимает имя своего выдающегося вождя.

Татаро-монгольский хан Ногай правил землями от Дуная до Кавказа, наводил ужас на Византию, заставил ее императора выдать за себя дочь, грозил сербам и болгарам, ходил на Польшу и в конце концов был разбит собственным ставленником на престоле Золотой Орды, заключившим союз с сыновьями самого Ногая. Но сорок лет воинских успехов оставили на земле после его смерти целый народ с именем ногайских татар, или ногайцев.

Огузов, вторгшихся в Малую Азию, вели вожди из рода Сельджу-

ков, и объединенный народ стал зваться турками-сельджуками. Позже во главе потомков сельджуков (и завоеванных ими народов) встал род Османов, и «появились» турки-османы.

И так далее, и тому подобное.

Может имя достаться по наследству, перейти от далеких предков, живших порою совсем в другой земле. Наши якуты сами себя зовут «саха» — может быть, это имя связано с названием среднеазиатских саков, родичей скифов. Саки ведь, по-видимому, еще до нашей эры проникали к Байкалу, в районе которого жили тогда племена, чьи потомки много позже пошли на землю современной Якутии.

Могли ли какие-то саки тогда войти в состав этих племен и передать их союзу свое имя? Мы ведь еще на примере родов и племен Башкирии видели, как это происходит.

И поистине поразительна история имени «татары». Волжские татары, по мнению дореволюционной энциклопедии Брокгауза и Эфрона, получили это имя «по историческому недоразумению». Самое поразительное, что для такой точки зрения у автора статьи в энциклопедии были основания.

Татары Поволжья живут в основном на территории, которую семь с лишним веков назад, перед монгольским нашествием на Восточную Европу, занимала Волжская Булгария.

Когда-то тюркские племена — булгары, жившие на Дону, — разделились на две части. Одна из них пошла на запад, перешла Дунай, покорила область на Балканах и передала свое имя ее славянскому народу. Другая двинулась на северо-восток и создала в Среднем Поволжье, смешавшись с местным финским населением, Булгарское государство.

Много претерпела Дунайская Болгария на своем веку, но и славянский язык и полученное от тюрков имя сохранила. Волжская Булгария говорила на языке тюрков-булгар, но имя потеряла после монгольского разгрома. В XV веке на ее обезлюдевших землях один из последних ханов Золотой Орды построил город Казань и всячески поощрял переселение в окрестные земли половцев. Местные жители, общие потомки древних финских племен Поволжья, булгар и половцев и в очень малой степени татаро-монголов (по некоторым подсчетам, на Волге поселилось их при Батые всего около четырех тысяч), долго назывались по имени главного города казанцами. Только к концу XIX века признали они сами за собой данное казанцам русскими имя татар.

А русские звали татарами многие восточные народы.

Впрочем, жители Западной Европы были склонны именовать так чуть ли не все народы, живущие на восток от русских. Памятник этой склонности легко найти на карте или глобусе: на нашем Дальнем Востоке между островом Сахалин и материком лежит Татарский пролив, получивший такое странное на нынешний взгляд имя лет двести назад от французского мореплавателя Лаперуза.

Налицо опять-таки «историческое недоразумение». Но самое поразительное, что эти «недоразумения» с именем татар начались задолго до того, как русские называли татарами казанцев, не говоря уже об истории с Татарским проливом.

До сих пор спорят ученые, почему стали называть татарами тех монголов, что кинулись на Среднюю Азию и Европу в начале XIII века. Даже германский император, современник этого нашествия, считал нужным отметить: «Никто не знает, откуда эта свирепая раса получила свое название татар».

Иранские, тунгусские, тюркские, китайские, даже древнегреческие и иные корни этого слова искали и находили историки и лингвисты. Одна из версий ссылается на то, что именем особенно беспокойного монгольского племени та-та, или татан, китайцы стали в раннем средневековье звать всех угрожавших стране северных кочевников. Не могли ли все кочевники Монголии и сами принять это имя (как позже казанцы «согласились» стать татарами)? Кстати, из самого племени та-та происходила мать Чингисхана; это же племя стало одной из первых жертв великого завоевателя, причем остатки побежденных были включены в армию победителя.

Так или иначе, похоже, что имя татар еще до начала монгольских завоеваний проявило ту же устойчивость против перемен судьбы и ту же способность переходить к другим народам и распространяться на новые земли, которые видны в случаях с казанцами и дальневосточным проливом.

...Да, часто загадочны судьбы названий народов. Название, как видите, народ может «придумать» сам, а может взять и чужое, придуманное кем-то другим.

Но принятое народом имя перестает быть для него простым, обычным словом, оно становится символом. Имя, часто полученное, как я говорил, почти случайно, приобретает значение лозунга, своеобразная «метка» превращается в знамя.

ДУША НАРОДА

Недавно я прочел книгу полковника И. Г. Старинова «Мины ждут своего часа». Больше тридцати лет прослужил Старинов в Советской Армии, он был организатором многих минновзрывных операций во время Великой Отечественной войны, он обучил и воспитал тысячи партизан-минеров.

А перед Отечественной войной он участвовал в боях за свободу Испании. Руководил группой испанских минеров. Для того чтобы мины не взрывались раньше времени, к некоторым из них были прикреплены специальные предохранители. «Предохранители выключались через десять—пятнадцать минут после установки мины. Это по-

зволюло подрывникам уйти достаточно далеко. Однако я не учел особенностей характера испанцев, — пишет И. Г. Старинов. — Установка предохранителя оскорбляла их достоинство, и бойцы пренебрегали осторожностью».

Ну, советский минер «не стал тратить время на чтение проповедей, а придумал дополнительную систему, исключавшую возможность установки электродетонатора без включения предохранителя. Пусть подрывники думают и говорят что хотят, зато при минировании не произойдет несчастных случаев, а этого я и добиваюсь».

Старинов говорит об испанском национальном характере. Но мне кажется, что в этом столкновении взглядов проявился и русский национальный характер. Минер Старинов, как он сам говорит, «не стал читать проповедей», а сделал использование предохранителей неизбежным.

Впрочем... Каждый из нас знает, наверное, русских, которые в таком случае, увы, стали бы читать проповеди. И каждый испанец, при всем уважении к отваге своего народа, отметил бы, что среди испанцев есть и люди осторожные и просто трусы. Не зря ведь олицетворением испанского характера считается не только смелый до безрассудства Дон-Кихот (он бы тоже возражал против предохранителей на минах), но и весьма осторожный и рассудительный толстяк Санчо Панса (который вообще, вероятно, не согласился бы быть минером).

Вот из-за таких противоречий до сих пор идут между учеными споры не только о том, как проявляется национальный характер, но и о том, существует ли он вообще.

Академик Д. С. Лихачев пишет: «...правильнее говорить не о национальном характере народа, а о сочетании в нем различных характеров, каждый из которых национален».

Надо добавить, что Дон-Кихот и Санчо Панса — представители не только разных психологических типов, но и разных слоев испанского общества. Хотя уж в их-то характерах этим определяется далеко не все.

Распад общества на классы, сословия, профессиональные группы вызывал появление внутри каждого народа все новых и новых групп, каждая из которых часто отличалась от других и по психическому складу.

Н. Г. Чернышевский писал:

«Португальский вельможа по своему образу жизни и понятиям ближе к шведскому вельможе, чем к землепашцу своего народа, и наоборот: португальский землепашец более похож по характеру на шведского землепашца, чем на португальского богача».

Современные исследователи говорят примерно то же самое, сравнивая японских и бирманских крестьян и помещиков, филиппинских и восточноафриканских купцов и ремесленников.

Советский этнограф доктор исторических наук В. И. Козлов говорит, например, что даже про небольшой коллектив людей одной на-

циональности, занятых одним и тем же делом (рабочих одного предприятия) никто не рискнет утверждать, будто они имеют общий психический склад. А уж если речь идет о большом народе, то, напоминает Козлов, русский крестьянин, купец, чиновник, рабочий имели разный психический склад, а терские казаки — часть русского народа — были по психическому складу ближе к народам Северного Кавказа, чем к поморам русского Севера. Поморы же, в свою очередь, близки по психическому складу к соседним карелам.

Но это возражение таит в себе долю согласия, потому что и Козлов определенно говорит здесь об определенном психическом складе если не народов в целом, то крупных этнических групп внутри них.

Классики марксизма не оставили специальных работ по этой проблеме, но и у Маркса, и у Энгельса, и у Ленина можно найти упоминания о национальном характере как предмете реальном.

Я бы рискнул суммировать мнение большинства специалистов о национальном характере примерно так: национальный характер существует; он не наследуется от предков, но приобретается в процессе воспитания; он гораздо сильнее проявляется в тех случаях, когда действуют не отдельные члены определенного народа, а целые их группы; далеко не каждый человек, принадлежащий к данному народу, может считаться обладателем типичного национального характера.

Ю. В. Бромлей справедливо отмечает, что «большинство определяющих черт характера, таких как трудолюбие, патриотизм, мужество, целеустремленность, являются общечеловеческими. Следовательно, речь может идти не о монопольном обладании какой-либо этничес-

кой общностью той или иной из этих черт, а лишь о различии между отдельными народами в формах (оттенках и стиле) ее проявления».

Случай, рассказанный Стариновым, прекрасно демонстрирует национальные оттенки, проявляющиеся в такой прекрасной черте, как храбрость. Можно вспомнить, как говорил о русской храбрости, сопоставляя ее с французской, Лев Толстой в том месте «Войны и мира», где рассказывается о действиях во время Бородинской битвы капитана Тушина:

«Француз, который при Ватерлоо сказал: «гвардия умирает, но не сдается», и другие, в особенности французские герои, которые говорили достопамятные изречения, были храбры...; но между их храбростью и храбростью капитана есть та разница, что если бы великое слово в каком бы то ни было случае даже шевелилось в душе моего героя, я уверен, он не сказал бы его: во-первых, потому, что, сказав великое слово, он боялся бы этим самым испортить важное дело, а во-вторых, потому, что, когда человек чувствует в себе силы сделать великое дело, какое бы то ни было слово не нужно. Это, по-моему мнению, особенная и высокая черта русской храбрости».

Да, французы всегда как-то старались сделать храбрость как можно более картинной и эффектной. Очень любят французские историки вспоминать, как во время так называемой войны за испанское наследство перед началом битвы английский и французский командиры любезно раскланялись друг с другом и француз вежливо попросил англичан стрелять первыми, как будто речь шла о том, кто должен первым пройти в дверь. А надо сказать, тогда требовалось немало времени, чтобы перезарядить ружье, и часто перед рукопашным боем каждая сторона успевала дать только один залп. Так что те, кто стреляли первыми, получали явное преимущество (впрочем, в этой любезности иногда видят, увы, военную хитрость).

Можно попробовать поговорить и о немецкой храбрости, которая так дорого обошлась самим немцам тридцать и более лет назад. Кто бы посмел отрицать ее? Но она в высокой степени была связана с ситуациями, в которых храбрость полагается проявлять. Стойкость немецкого солдата, выполняющего приказ начальника, у ряда народов вошла в поговорку. Однако сам приказ командира имеет здесь значение, какого у него нет ни во Франции, ни в России. И храбрый солдат отнюдь не чувствует себя обязанным быть таким же храбрым без приказа.

Очень любопытны «национальные» различия в обычае решать споры определенного рода дуэлями. В XIX—XX веках в Германии дуэли стали прежде всего традицией университетов и армейского офицерства. Принято было считать, что лицо студента украшают шрамы от дуэлей, и студенты то и дело схватывались на рапирах. В знаменитом Гейдельбергском университете в Германии лет сто назад на семестр приходилось в среднем полтора-два дуэлей.

При этом противники, как правило, надевали особые повязки и

защитные приспособления на глаза, шею, руки, ноги, грудь, живот, а наконечники рапир... дезинфицировали. Понятно, что смертных исходов почти не было.

Зато студент выполнял свою обязанность и получал украшающий лицо шрам.

В Германии того времени были весьма редки несравненно более опасные дуэли на пистолетах.

Но во Франции дуэли устраивались в ту же эпоху обычно на пистолетах, дрались на поединках и ученые, и писатели, и депутаты парламента. Даже великого Пастера его научный противник как-то вызвал на дуэль, но тот, слава богу, предпочел уклониться.

Русские дуэли были по характеру гораздо ближе к французским. Франция и Россия могли похвастать наибольшим количеством бретиров-забияк, готовых драться по любому поводу насмерть.

Но если во Франции эту категорию лиц уже в XIX веке поставляло и дворянство, и буржуазия, то в России в основном дворянство.

Любопытно, однако, что и для французского классика Стендаля и для его героя Жюльена Сореля с дуэлью связаны были, судя по дневникам писателя и его роману «Красное и черное», те же переживания, которые влекли к дуэли еще юного Пушкина. Доказать себе, что ты не трус, выдержать испытание смертельным риском — вряд ли в этом чувстве можно найти много национальных оттенков.

Ни у русских, ни у французов, ни у немцев не получила распространения так называемая американская дуэль — когда противники предоставляют жребию решать, кто из них умрет, и, например, принимают по одинаковой с виду таблетке: одна таблетка безвредна, другая же содержит смертельный яд. Эта дуэль была в некотором «употреблении» в Соединенных Штатах Америки (отсюда ее название) и в Англии. Классический случай такой дуэли описан Конан-Дойлем в одном из рассказов о Шерлоке Холмсе.

Смертельные поединки в Англии с началом буржуазной эпохи почти вышли из употребления, причем говорят, что тут большую роль сыграла народная традиция кулачного боя-бокса, который заменил «перестрелку».

Можно, наконец, отметить итальянскую храбрость, о которой иногда говорят, что она — полная противоположность храбрости немецкой. Итальянская армия в первой и второй мировых войнах зарекомендовала себя как далеко не лучшая в мире. Но итальянские партизаны показывали себя с самой лучшей стороны и во времена Гарибальди и в 1943—1945 годах. Иногда утверждают, что немецкая храбрость сильнее всего проявляется, когда опирается на воинскую дисциплину, итальянскую же храбрость такая дисциплина сковывает.

(Именно поэтому А. И. Герцен писал: «...итальянец с ужасом бежит от всего казарменного, однообразного, геометрически правильно-го... Он предпочитает, подвергаясь казни, убивать врага по собствен-

ному желанию, чем убивать по приказу, но зато без всякой ответственности посторонних».)

Прошу простить мне эти несколько вольные рассуждения, в которых, вероятно, многое можно опровергнуть, просто хотелось более конкретно увидеть вместе с вами национальные оттенки хотя бы одной черты.

Впрочем, нельзя забывать, говоря о храбрости, мысль, для выражения которой я использую выдержку из рассказа писателя Бориса Житкова, рассказа, который так и называется: «Храбрость».

«Я думал: вот лев — ничего не боится. Вот здорово. Это характер. А чего ему бояться, если он сильнее всех? Я на таракана тоже без топора иду. А потом прочел у Брема, что он сытого льва камнем спугнул: бросил камнем, а тот, поджавши хвост, как собака, удрал: где же характер?

Потом я думал про черкесов. Вот черкес — этот прямо на целое войско один с кинжалом. Ни перед чем не отступит. А товарищ мне говорит:

— А прыгнет твой черкес с пятого этажа?

— Дурак он прыгать, — говорю.

— А чего же он не дурак на полк один идти?

Я задумался. Верно, если б он зря не боялся, то сказать ему: а ну-ка, не боишься в голову из пистолета стрелять? Он бац. И готово. Этак давно бы ни одного черкеса живого не было».

Храбрость прежде всего зависит от того, насколько важно для человека дело, за которое он воюет.

Хорошо продемонстрировал исторические изменения психологии народа сотрудник отдела этнографии Молдавской Академии наук Н. А. Мохов в своем выступлении на Кишиневском симпозиуме «Юго-Восточная Европа в эпоху феодализма»:

«Бывают случаи, когда отдельные социально-психологические черты народа под влиянием определенных причин значительно меняются. В истории Молдавии можно проследить, как в процессе политического развития у народа «менялись» такие качества, как верность и преданность государственному долгу, храбрость и т. д. В XV—XVI вв. в оборонительных войнах от иноземных агрессоров проявились лучшие качества молдавского народа: стойкость и мужество. Авторы XV—XVI веков многократно говорили о воинской доблести молдаван, о том, что они «дерутся храбро», «воинственны», «искусны в военном деле», «мастерски владеют копьём и щитом», «они грозны и храбры» и т. д. Положение меняется в XVII веке. В источниках этого времени уже не говорится о преданности, стойкости и храбрости молдаван, напротив, много раз пишется об отсутствии воинственности, о «склонности к измене, к бегству...» Такое поведение молдавских солдат, отмеченное как иностранными, так и молдавскими авторами, выдавалось за проявление истинных свойств народа. Отсутствие патриотизма, храбрости у солдат молдавского войска в

XVII веке было закономерным, ибо в это время Молдавия находилась под властью Османской Порты, и молдавским солдатам приходилось воевать за чуждые им интересы... О воинской доблести молдаван затем вновь начинают говорить источники периода русско-турецких войн XVIII века, когда молдавские добровольцы в русской армии боролись за лучшее будущее своего народа».

Итак, особенности национального характера определены исторически. Время меняет здесь очень многое. Стоит вспомнить, что среднего немца в середине XVIII века представляли себе как человека добродушного и терпеливого, что только в середине и конце XIX века стали говорить о немецкой сверхпунктуальности и точности, прежде эти черты не выступали на передний план.

Великий немецкий поэт Генрих Гейне писал и прозу. Есть в его наследстве, оставленном всем народам мира, «Путевые картины» — результат путешествий по Англии, Франции, Италии. Метко и остроумно изображая в этих записках встреченных им в разных странах людей, Гейне дает, между прочим, сравнение английского и французского национальных характеров, пишет о национальных чертах немцев и итальянцев, намеренно заостряя и шаржируя подмеченные им детали и черточки. Но затем начинает сам себя опровергать:

«Под сводами Лондонской биржи каждая нация имеет указанное ей место, и на высоко прибитых дощечках можно прочесть название: «Русские, испанцы, шведы, немцы, итальянцы, евреи, ганзейцы, турки» и т. д. Прежде каждый купец стоял под дощечкою с обозначением своей нации. Теперь же вы стали бы напрасно искать его там — люди передвинулись: где стояли когда-то испанцы, теперь стоят голландцы, евреи уступили место ганзейцам; где ищешь турок, там находишь теперь русских; итальянцы стоят, где когда-то были французы, даже немцы продвинулись.

Как на Лондонской бирже, так и во всем мире остались старые дощечки, но люди, стоявшие под ними, сдвинуты, и на их место пришли другие; новые головы их очень мало подходят к старым надписям. Прежние стереотипные характеристики народов, с которыми мы встречаемся в ученых трудах и в пивных, не в силах уже помочь нам...»

Очень долго считали, что способности к разным искусствам неодинаково распределены между народами. Что есть народы, «души» которых более музыкальны, есть народы, которым чужда поэзия, или, наоборот, поэзия в разных формах — наиболее подходящий к их национальному характеру вид искусства.

Казалось, что для такой трактовки имеются некоторые основания. Ведь если все народы и одарены в равной степени (спорить с этим может лишь расист), то проявляться такая одаренность может в разных направлениях. Примеры, подтверждающие эту точку зрения, было не так уж трудно найти. В тропической Африке скульптура получила такое развитие, что, по мнению специалистов, встреча с африкан-

ской скульптурой в XIX—XX веках сыграла очень важную роль для европейского искусства.

В мусульманских же странах той же Африки и Азии запрещенная исламом скульптура исчезала, а живопись, потеряв право изображать живые существа, достигла прямо-таки невероятных высот в искусстве орнамента, что все-таки не восполнило утерянные возможности.

Люди таких стран не могли стать только на своей собственной почве блестящими живописцами или скульпторами, потому что из собственной культуры этих стран такое искусство оказалось выброшено.

Но в XX веке, когда старые запреты ослабели, во многих странах ислама нашлись художники, соединившие успехи чужих культур с достижениями родного искусства в доисламском прошлом.

Выходит, что реальная предрасположенность народа к выражению национального духа в определенном виде искусства связана с конкретной историей этого народа. И отрицать у потерявших живопись средневековых арабов художественные способности можно с тем же успехом, как и способности кинорежиссерские. Просто ни те, ни другие в то время и в тех областях мира не имели возможности заявить о себе.

На том же Кишиневском симпозиуме, где выступал Н. А. Мохов, которого я цитировал, говорили и о том, с каким пренебрежением — до самых недавних времен — относились молдаване ко многим ремеслам. «Стучать молотком — цыганское дело», — полагали земледельцы и пастухи.

Низким занятием считалась у молдаван и торговля. Дело в том, что в Молдавии в средние века сложилось довольно своеобразное разделение труда между представителями разных народов, живших в стране.

Другим было отношение к торговле, ремеслам и скотоводству в иных землях.

О том, как относятся или, вернее, относились когда-то к той же торговле в Соединенных Штатах Америки, неплохо говорит старик, один из персонажей научно-фантастического романа Клиффорда Саймака «Почти как люди».

«...Торговля, сэр, — это нечто большее, чем подсчет доходов. Это возможность приносить пользу, возможность внести свой вклад. Торговля склеивает нашу цивилизацию в единое целое, и для человека не может быть более достойной профессии».

Действие романа происходит в наши дни, и даже для главного героя научно-фантастического романа это «прозвучало как далекий звук трубы из какой-то другой эпохи».

Для молдаванина XVIII века быть пастухом — занятие достаточно почетное. Романтическим ореолом окружен труд пастуха-ковбоя, или гаучо, во многих странах Америки. А вот в Германии XVIII века пастухи образуют что-то вроде самого презираемого сословия в госу-

дарстве, прямо-таки низшую касту. Достаточно сказать, что до середины XVIII века человек, хотя бы прадед которого был пастухом, не имел права, например, занимать какие бы то ни было должности в городских правлениях — магистратах.

Культура каждого народа отличается какими-то особенностями, присущими ей одной. И собственным сочетанием культурных черт, свойственных в других сочетаниях другим народам. Мы говорим о национальной форме культуры, о том впечатлении, который оставляет на культуре психический склад народа. Но связь здесь двойная.

Культура — как совокупность всего, что накоплено народом, как результат его исторического развития — сказывается на психическом складе народа, на том, что условно называют его душой.

Но культура народа меняется ведь на протяжении его истории. Чтобы далеко не ходить: на рубеже XVII—XVIII веков произошли резкие перемены во внешней культуре и быту по крайней мере высших слоев русского общества. На смену национальной одежде пришли: у мужчин — голландский кафтан, у женщин — платья французского покроя, кресла и стулья сумели решительно потеснить лавки, и так далее.

Кстати, процесс борьбы стульев с лавками закончился уже в советское время. В романе «Двенадцать стульев» Илья Ильф и Евгений Петров подсчитывают, сколько же стульев в нашей стране. И приходят к выводу, что «... стульев очень много. Последняя статистическая перепись определила численность населения союзных республик в сто сорок три миллиона. Если отбросить девяносто миллионов крестьян, предпочитающих стульям лавки, полати, завалинки, а на Востоке — истертые ковры и паласы, то все же остается пятьдесят миллионов человек, в домашнем обиходе которых стулья являются предметами первой необходимости».

Почти пятьдесят лет прошло с тех пор, как были написаны эти слова. Население нашей страны выросло более чем на сто миллионов человек. И теперь при подсчете числа стульев не пришлось бы писателям отбрасывать крестьян. Стулья выиграли спор у лавок и полатей, а на нашем Востоке, в Средней Азии, кое-где потеснили «ковры и паласы», кое-где — мирно уживаются с ними.

К XX веку чрезвычайно сильно изменилась наша пища. Меню любой столовой пестрит бифштексами («переведенными» с английского), котлетами («переведенными» с французского) и т. д. Это может не нравиться. Но — факт. Картошка, кстати, вошла в употребление всего лет сто пятьдесят назад. (Впрочем, гречневой каше на нашем столе тоже не так уж много лет — меньше пятисот, во всяком случае.)

Русскую избу теперь и в деревне теснят дома нового типа, с удобствами, паровым или газовым отоплением.

И носим мы сегодня те же пиджаки и брюки (или юбки и брючные костюмы), какие носят в Японии и США, Франции и Австралии.

А что происходит в таких случаях с национальными чертами характера?

Я позволю себе напомнить легкомысленную песенку Раджа Капура из индийского фильма «Бродяга», с успехом прошедшего когда-то и по советским экранам. Герой фильма перечисляет одну за другой детали своего костюма (каждая из них привезена издалека) и заканчивает:

В русской шапке большой,
Но с индийской душой.

А дворяне петровских времен говорили, что они и в голландских кафтанах остаются русскими.

Неплохое доказательство правоты Раджа Капура — то, что индийское искусство осталось индийским, а русское — русским и в новых условиях.

Недавно корреспондент журнала «Декоративное искусство» спросил художника-керамиста В. Петрова, как тот придает своим произведениям национальный характер. Художник ответил, что ему незачем заботиться о национальном своеобразии своей керамики: раз он русский художник, так грузинская или голландская керамика у него не получится.

Эти слова художника заставляют вспомнить мнение Виссариона Григорьевича Белинского:

«...после Пушкина все пустились в народность, все за нею гонятся, а достигают ее только те, которые о ней вовсе не заботятся, стараясь быть только самими собою».

Преимственность в национальном искусстве свидетельствует о том, что некоторые особенности склада народа действительно проходят через века.

Очень быстро перенимает в последнее столетие европейско-американскую культуру Япония. Так быстро, что это вызывает у многих японцев тревогу за самобытность их народа.

Советский писатель Илья Эренбург рассказал в одной из книг и о разговоре с японским писателем, который в конце беседы, как бы желая успокоить себя, сказал: «В общем, это не так страшно — Япония не раз показывала, что она может взять чужое и сделать его своим...» Мне думается, что он прав: Япония от себя не отречется. А в таком случае нет ничего страшного, если и меняются те или иные стороны быта. Да и подражание различным образцам европейского искусства не так уж страшно, если оно связано с искренними поисками своей формы и, разумеется, своего содержания. Самое существенное — душа народа».

«Душа народа» не остается навсегда закрытой для людей других народов. Очень надеюсь, что вы читали замечательные книги русского советского писателя Леонида Соловьева «Возмутитель спокойствия» и «Очарованный принц». Герой этих книг — Ходжа Насреддин,

пришедший в них из множества восточных народных легенд и сказок. И в то же время героями этих книг стали узбекский и таджикский народы. В Средней Азии любят книги Соловьева, согласны с тем, что он сумел показать душу народа, среди которого долго жил.

А вот другой сходный пример. Началом новой персидской литературы многие исследователи, в том числе и персидские, считают сатирическую книгу, вышедшую в XIX веке под названием «Похождения Хаджи-бабы из Исфагани». Ее автором был англичанин Джеймс Морьер.

Книга, по мнению иранцев, настолько отвечает их национальному духу, что многие ученые сомневались порой в самой возможности для иностранца создать такое народное произведение. Через сто почти лет после своего появления в Англии книга о Хаджи-бабе, изданная на персидском языке, сыграла важную роль для революционного движения в Иране в начале века. Поэт и филолог Малек-аш-Шоара Бехар заявил: «Проза «Хаджи-бабы» по изяществу стиля и зрелости мысли напоминает «Гулистан» Саади». А Саади — самый почитаемый в Иране классик, великий поэт и прозаик XII века.

И не менее доказательна в этом, гораздо более по сути старом споре, сегодняшняя мировая известность Омара Хайяма, персидского средневекового поэта, которого сейчас не меньше, чем в Персии, читают и любят в России и Англии, США и Японии. «Сказки» Льва Толстого и «Приключения Тома Сойера» Марка Твена стали любимыми детскими книгами в десятках стран. Потому что подо всеми небесами, на всех континентах и островах матери лелеют детей, мужчины и мальчики гордятся своими достижениями, влюбленный страдает, потеряв любимую, всюду восхищаются мужеством и презирают трусость.

Общие черты народов явно преобладают над их особенностями. Да и сами эти особенности...

У отдельных людей ведь тоже разные характеры, но это не мешает им дружить и любить, помогать и понимать друг друга.

И опять-таки — различия в национальных характерах имеют, судя по всему, несравненно меньший размах, чем различия в характерах внутри одного народа.

Прекрасный, хотя и шутливый пример я возьму из «Веселого романа» Владимира Киселева.

В гости к семье киевского рабочего пришли члены французской профсоюзной делегации. Зашла речь о национальном характере, и хозяин дома сказал: «Я не понимаю, что значит какой-то особенный национальный характер... Доброта свойственна всем народам, и нельзя сказать, что какой-то народ злой... Вот говорят, что русский народ особенно терпелив. Не вижу я этого. Англичане, по моему, терпеливей. Русские первыми не выдержали и устроили Октябрьскую революцию. Но вот если говорить об украинцах, так у нас действитель-

Этот советский национальный характер — реальность, которую видят ученые-этнографы, психологи, социологи, исследующие социалистическую действительность. Но, быть может, он еще заметнее для иностранных гостей нашей страны.

Восемь лет прожила на советской земле аргентинка Сесилия Доминго. Училась, работала, жила в разных городах, в Москве, в Сибири... Своими впечатлениями она поделилась с корреспондентом журнала «Ровесник» Ю. Лексиным.

Вот Сесилия Доминго рассказывает, восхищаясь, о своей советской подруге Вере:

«...Она говорит: «У нас теперь есть поселок, а будет город». Вы так привыкли к этому, что даже не замечаете, что это значит, когда человек говорит «у нас». А для меня это новый мир. Для вас, конечно, не новость, что за восемь лет я узнала и ваши недостатки, но если бы я могла быть на месте этой Веры, могла бы говорить, как она, «у нас», я бы уже чувствовала себя гордой. Несколько лет назад я приехала в отпуск в Аргентину, и все меня спрашивали: «Это правда, есть там новый человек?» Я отвечала: «Есть». Ваш человек действительно новый. Это не значит, что он самый красивый или самый умный. Нет, он просто другой. И для вас это так естественно, что вы даже не сознаете это».

Само появление советского характера связано с постепенным возникновением в нашей стране советского народа как принципиально новой исторической общности. Это возникновение — итог экономического развития Советского Союза на протяжении его истории.

Вместе боролись народы нашей страны за социализм, вместе строили коммунизм, вместе воевали против капиталистов, помещиков, интервентов в гражданскую войну, вместе отстаивали общую родину против фашизма.

На каждой стройке любой пятилетки, на каждом нынешнем заводе работают люди разных национальностей.

Как-то я попробовал провести коротенькую анкету среди своих спутников по авиарейсу. В их числе оказался эстонец с Дальнего Востока, литовец, постоянно живущий в Узбекистане, армянин, работающий под Москвой, бурят из Якутии.

Наверное, можно такое разнообразие встретить и в некоторых капиталистических странах. В Бразилии живут сотни тысяч японцев, немцев, испанцев...

Новое не просто в том, что люди разных национальностей живут и работают бок о бок — так уже часто случалось в истории человечества. Но *впервые* лозунгом *государства* с момента его основания стало воспитание у людей разных народов ощущения полнейшего равенства и братства.

Ленин учил, что в социалистическом государстве необходимо «практически абсолютное устранение малейших национальных трений, малейшего национального недоверия». Он писал: «Мы обязаны

воспитывать рабочих в «равнодушии» к национальным различиям. Это бесспорно».

Октябрьская революция сделала возможным самое уничтожение национального гнета, на что не оказался способным капитализм.

В стране были ликвидированы эксплуататорские классы — источник политического гнета, в том числе национального.

Каждый из народов нашей Родины живет теперь в тех же социально-экономических условиях, что и другие. В составе каждого из них есть теперь рабочие, крестьяне и интеллигенты. Им не из-за чего ссориться, наоборот, они сотрудничают с рабочими, крестьянами, интеллигенцией других национальностей.

Развитие нашей страны, как отмечает Л. И. Брежнев в докладе «О пятидесятилетии Союза Советских Социалистических Республик», привело к тому, что «интернационализм стал нормой поведения миллионов и миллионов». В нашей стране сложилась «единая по духу и по своему принципиальному содержанию советская социалистическая культура. Эта культура включает в себя наиболее ценные черты и традиции культуры и быта каждого из народов».

Русский, украинский, грузинский и литовский читатель ощущает своими киргиза Чингиза Айтматова и аварца Расула Гамзатова. Пьесы молдавского драматурга Иона Друцэ идут в Москве, Таллине и Минске. Таких примеров столько, что одно их перечисление заполнит тома и тома.

Русский язык стал вторым языком для большинства людей остальных национальностей Советского Союза, но это, как правило, не ослабило сами родные их языки. На них ведь с каждым годом выходит все больше и больше книг.

Культура народов нашей страны не потеряла своего богатства и разнообразия, но в этом разнообразии «все заметнее... общие интернациональные черты» (Л. И. Брежнев).

В докладе «О пятидесятилетии Союза Советских Социалистических Республик» приведены слова Ленина о том, что пролетариат «...поддерживает все, помогающее стиранию национальных различий, падению национальных перегородок, все, делающее связи между национальностями теснее и теснее...».

Политика партии и государства, воля самих народов нашей страны привели постепенно к тому, что слова «советский народ» стали не просто общим названием для населения нашей страны (как слова «индийский народ» для обозначения всего населения Индии), но именем новой исторической общности.

Советский национальный характер, как и советский образ жизни, привлекает миллионы людей труда во всем мире. А многоликое единство советского народа выступает перед ними как прообраз будущего единства человечества. Не надо забывать, что наше единство родилось не само собой, оно было выковано в борьбе за него, причем борьбе сознательной, на основе выработанной партией программы.

Вот как писал о великом объединении народных культур нашей страны академик Н. И. Конрад:

«Наша революция поставила перед нами задачу создания не только исторически нового общественного строя, но и соответствующей ему системы культуры. Эта система должна быть единой для всего нашего общества и в то же время учитывать, что каждый народ, входящий в наш Союз, имел и имеет свою собственную культурную традицию, а многие из этих народов имеют и свою особую, большую, длительную культурную историю.

Попробуем пройти по границам нашего Союза, останавливаясь при этом лишь на больших участках — отдельных республиках. На самом дальнем конце нашего Востока мы видим Бурятию, а культура бурятского народа в своем прошлом была самым непосредственным образом связана с культурой Монголии, а через нее — и с культурой Тибета. В Средней Азии находятся Таджикистан, Туркменистан, Киргизстан, Узбекистан, Казахстан. Культура этих республик в прежние времена, особенно в средние века, входила в круг культур иранских и тюркских народов Среднего Востока, а через них переплеталась с культурой Северо-Западной Индии, в древности — даже с культурой Кушанского царства, а через Бактрию — и с культурой эллинизма. Я не говорю уже о сложном переплетении культур иранцев и тюрков с культурой арабов.

Перейдем к Закавказью. Вот тюркский Азербайджан: кроме всех указанных связей, в его истории свою роль сыграли и связи с соседними Грузией и Арменией; что же касается культуры грузинского и армянского народов, то, как вы знаете, она в прошлом неотделима, особенно в Армении, от культур иранской, тюркской, арабской, от культуры всего христианского Востока, а через него и Византии, а в древности и латинского мира.

Передвинемся с Кавказа в Европу. Вот Украина, в прошлом Киевская Русь: в этом прошлом она в аспекте культуры была частью обширного региона, в который входили не только восточные славяне, но и славяне южные, а частично и западные. Культура Белоруссии, как и ее история, в прошлом переплеталась с историей и культурой Литвы и польского народа. Латышский народ в своем культурном развитии связан как со славянскими, так и с германскими народами. Эстонцы — с культурой и славян и скандинавов. Я не говорю уж о культуре народа русского, которая и прямо и опосредованно уже давно связана с культурой большей части мира. Таким образом, в русле культуры нашей страны слились самые различные культурные потоки. Может быть, отчасти и этому мы обязаны тем особо острым чувством единства человечества...»

Сколько замечательных стихов посвятили — каждый своему родному языку — поэты.

Даже самые убежденные прозаики становились поэтами, когда начинали говорить о нем. Я не буду напоминать гордые и нежные слова Ивана Сергеевича Тургенева о русском языке, вы их и так наверняка знаете.

Много уже говорилось в этой книге о спорах этнографов относительно понятия «народ». Но большинство ученых в одном все же согласны: язык, как правило, главный признак народа, вопреки всем нарушениям этого правила. Дело в том, что язык объединяет, за редчайшими исключениями, все социальные слои народа. Дворяне и крепостные при феодализме, капиталисты, рабочие, интеллигенция и крестьяне при капитализме говорят на одном и том же языке. Поэтому язык для членов одного народа становится символом реального или мифического единства общества. Единства и по горизонтали — в пределах страны, и по вертикали — от последнего нищего до правителя.

Он же соединяет между собой поколения, становясь символом единства народа во времени.

Французский поэт Беранже, призывая к защите чистоты родного языка, писал: «Так же, как и государство, язык нуждается в единстве... Я предпочел бы присоединению Бельгии и рейнских провинций к Франции — большой и прекрасный словарь... пересматриваемый каждые десять лет, раздаваемый даром всем административным органам, большим и малым... Разумеется, я тут говорю не о том словаре, который, как уверяют, должен содержать историю слов... Я имею в виду словарь, которым пользовалась бы вся нация и иностранцы, говорящие на нашем языке или изучающие его».

Но мало и этого.

«Язык народа, — по определению известного советского ученого В. И. Абаева, — это его исторический опыт, обогащенный и зафиксированный в словах-понятиях и грамматических категориях». Абаев продолжает: «Нет такого закоулка бытия человека, который так или иначе не запечатлелся бы в его речи».

Да вы и сами подумайте: человек всегда не только выражает мысли в словах, он и мыслит словами, все вокруг нас имеет свои названия — от предметов до идей, от действий, выражаемых глаголами, до всевозможных эпитетов.

Даже авторы древней легенды о сотворении человека богом или богами все-таки только самому человеку доверили придумать названия всему, что его окружает.

И библейский Адам давал по собственной воле имена животным, растениям, горам и вещам.

Имена, данные людьми всему, что они видят, меняются в течение

столетий: славянское *око* для нас с вами давно *глаз*, а *ланита* — *щека*; мы говорим *слева*, а не *ошую* и *справа*, а не *одесную*.

Но все-таки помним, что значит и «око» и «ланита».

Если в языке тысячу лет назад существовало собственное слово для обозначения оленя — значит, люди, говорившие на этом языке, оленей знали.

Русское слово «слон» выводят из древнего «арслан», пришедшего с Востока и обозначавшего «лев». Слово могло так изменить свое значение лишь потому, что для русских в средневековье лев и слон равно были экзотическими животными далеких стран, известными лишь по слухам.

А у осетин льва зовут древним именем — зубр.

В книге В. И. Абаева «Осетинский язык и фольклор» есть специальный раздел, озаглавленный «Происхождение и культурное прошлое осетин по данным языка». Я воспользуюсь несколькими примерами, приведенными Абаевым, с тем только, чтобы вы помнили: история и язык осетин подчиняются тем же законам, что история и язык любых народов мира, и в этом смысле перед нами прекрасная модель общих явлений.

Мы узнаем, что те предки осетин, от которых этот кавказский народ унаследовал свой язык, пришли сюда с севера. Если бы праосетины шли с юга, они бы обязательно знали, как называть такие растения, как гранат, и таких животных, как верблюд. Но предкам осетин пришлось взять чужие названия южных животных и растений, зато для растений и животных севера у них оказались собственные, древние имена.

Мы узнаем, что предки осетин использовали такие металлы, как железо, золото и серебро, опять-таки в силу той причины, что язык пронес их названия через целые тысячелетия. Древние слова обозначают и отдельные части веретена и ткацкий станок — значит, еще до прихода на Кавказ праосетины знали ткачество. Предки осетин в большинстве своем были кочевниками, потому что иначе слово «кочевать» не приобрело бы в их языке куда более широкого значения — «жить».

Кто же был этими предками? Вы знаете из школьных учебников о скифах, кочевавших еще за пять и более веков до нашей эры по Северному Причерноморью.

За три столетия до начала новой эры в Причерноморье появились родичи скифов по языку — сарматы. Среди них особенно выделялось сильное племенное объединение алан (правда, есть ученые, которые отделяют алан от скифов). От скифов и сарматов, прежде же всего от алан, ведет свое начало язык осетин, тоже относящийся к группе иранских языков.

Великая Алания охватывала когда-то многие земли на Кавказе и в Северном Причерноморье. А часть алан переселилась далеко на запад. Алан называли еще ясами, и город Яссы в Молдавии пронес это

имя через века. Одна из испанских областей до сих пор зовется Каталонией — возможно, это слово надо расшифровывать, как Гот+Алания — то есть земля готов и алан. (Готы были одним из сильнейших германских племен эпохи Великого переселения народов.)

Три десятка осетинских слов удержал в своем лексиконе венгерский язык с той поры, как венгры кочевали по Северному Причерноморью по соседству с аланами. Среди этих трех десятков осетинских слов такое, как «алдар» — «военачальник», от осетинского «командир сотни».

И монголы, по-видимому, взяли в свою речь осетинское слово, означавшее воинскую славу.

Новые и новые народы приходили в степи Северного Причерноморья. Здесь ведь проходила одна из главных дорог между Азией и Европой. Гунны и авары, венгры и печенег, половцы и татаро-монголы все сильнее стесняли алан, суживая с каждым веком границы оставшихся у них земель. Но и сегодня по обе стороны Главного Кавказского хребта живут люди, сохранившие свой древний язык, несмотря на все бури, пронесшиеся через их земли. Надо добавить, однако, что осетинский язык несет следы языка тех кавказцев, что жи-

ли в этих районах до прихода алан. Но только следы. Причем те древние аланы, что пришли когда-то на Кавказ, составили очень небольшую долю местного населения, принявшего аланский язык. Этот уверенный вывод сделали антропологи, по наблюдениям которых, как вы уже знаете, во внешности горцев Кавказа нет резких различий. Значит, в этой части Кавказа около двух тысяч лет назад своим языком стал язык, до того чужой.

Произошла смена языка! Родной язык исчез почти бесследно, чужой язык сделался родным. Хорошо это или плохо, но история знает множество подобных примеров. Все течет, все изменяется.

Конечно, изменение изменению рознь. Каждый язык дорог народу, который на нем говорит, но время по-своему распоряжается языком. Нам понятны не все слова в стихах Державина. И торжественную, прекрасную речь научных работ Ломоносова сегодня гораздо труднее читать, чем куда менее прекрасные статьи нашего времени. А ведь от Ломоносова и Державина нас отделяют всего лишь двести лет. И чем дальше в прошлое, тем сильнее язык отличается от того, на котором мы говорим и пишем сегодня. Меньше восьми веков прошло с тех пор, как было сложено величайшее литературное произведение Киевской Руси — «Слово о полку Игореве». Но неспециалисты читают его сегодня в переводах. Прекрасных, поэтических, ярких, но переводах. Ничего не поделаешь.

Каждое столетие уходит в прошлое сотни и тысячи слов. Народ перестал их употреблять, они уже не нужны, умерли. Каждое столетие приходят в язык сотни и тысячи слов. Их придумывают пахари и поэты, их торжественно создают, беря корни из мертвых языков, ученые, их переносят на новую землю от близких и дальних народов и те, и другие, и третьи. Язык дышит и живет.

Владимир Ильич Ленин, заботясь о чистоте и силе русского языка, в самый разгар гражданской войны писал наркому просвещения А. В. Луначарскому: «Не пора ли создать словарь *настоящего* русского языка, скажем, словарь слов, употребляемых *теперь* и *классиками*, от Пушкина до Горького.

Что, если посадить за сие 30 ученых, дав им красноармейский паек?»

Развивается и грамматика. Золотая рыбка в сказке Пушкина еще спрашивает: «Чего тебе надобно, старче?» Звательный падеж, седьмой, ныне практически неупотребляемый падеж русского языка, заявляет о себе устами золотой рыбки. Время избавило сегодняшних школьников от необходимости запоминать форму седьмого падежа.

Но все такие изменения неспешны. Для них нужно время. Ученые сумели подсчитать, что за каждое тысячелетие язык заменяет приблизительно пятую часть даже тех 200 самых необходимых слов, которые составляют, как говорят специалисты, его ядро.

Примерно известно, за сколько веков при таких-то обстоятельствах такой-то язык может потерять падеж, а за сколько — залог или

наклонение... Все размеренно, даже ритмично, спокойно, солидно, неторопливо.

И вот из этой размеренности и неторопливости есть одно исключение. Тем более поразительное, что его масштаб грандиозен. Язык не может быстро измениться, но может быстро исчезнуть. Народ не волен слишком решительно преобразить свой язык, но может его потерять и заменить другим. Многие сотни лет нужны для исчезновения всего лишь конкретной грамматической формы или отдельного важного слова. А сам язык, родной сотням тысяч и миллионам, может порою облететь с народа, как листья с дерева, на протяжении всего нескольких поколений, за одно какое-нибудь столетие.

Конечно, на это может уйти и много больше времени. Около восьми веков, например, прошло, прежде чем арабский язык завоевателей был принят всем населением долины Нила. Весьма солидный срок.

Но случалось, что такое чудо происходило и быстрее, и внуки не понимали уже языка, на котором говорили деды. Не потому, что дедовский оказался на пути к внукам так изменен, а потому, что он был сменен, потерян, отброшен, забыт, отнят... Много трагедий знала история человечества, но, наверное, это одна из самых печальных среди них — языковой разрыв между близкими поколениями, потеря общего языка в самом точном смысле этого слова. Но трагедия эта совсем не редкая исторически.

Когда-то, я уже говорил немного об этом, ее перенесли азербайджанцы. Вот передо мной лежит томик из малой серии, основанной А. М. Горьким «Библиотеки поэта». На томике надпись: «Поэты Азербайджана». Даже в переводе чувствуешь красоту и силу этих стихов:

Не подражай ничтожным, Хагани.
За почестями гонятся они.
Не ферзью, что идет кривой дорогой,
Но пешкой стань — и путь прямой храни.

Так говорит Хагани, великий поэт XII века.
А вот его современница Махсети Гянджеви:

Тот, кто любви навек предаться мог,
Не смеет говорить: «Мой жребий плох».
Я спутника себе всю жизнь искала —
Им оказался собственный мой вздох.

Она же:

Ты, банщик, просыпаться не спеши,
Не утруждай себя в ночной тиши —
Слезам я котлы твои наполню
И подогрею на огне души.

Стихи Хагани и Махсети переведены не с нынешнего азербайджанского, принадлежащего к тюркской ветви алтайской семьи языков, а с персидского языка. Написаны, однако, они в ту пору, когда азербайджанцы уже говорили в основном по-тюркски. Но языком азербайджанской литературы оставался персидский. К концу XII века — меньше чем за два столетия — в Азербайджане сменился язык. Теперь предстояло создать на новом языке литературу. Этого пришлось ждать еще два столетия. Только в конце XIV века в Шемахе родился Сеид Имадеддин Насими, первый из великих поэтов Азербайджана, писавший на родном тюркском языке. Впрочем, он сочинял стихи и на арабском и персидском языках.

В XVI веке другой большой поэт Исмаил Хатаи писал по-азербайджански (хоть и сидел на иранском троне, захватив его после долгих войн):

Душа моя, жизнь моя — счастлива будь!
Простимся — в далекий собрался я путь...
Душа моей плоти умершей — живи!
Со мною пришлось тебе горя хлебнуть...
Немало я пролил и крови и слез, —
Прости меня, милая, не обессудь...
Тоска, словно черные кудри твои,
Мешает мне нынче на солнце взглянуть.

На разных языках написаны стихи, которые я здесь цитировал, но в них — душа все того же народа, который не изменил себе.

Турецкий язык, тоже один из тюркских, приняли жители Византии, завоеванной турками-сельджуками в результате десятков военных кампаний, растянувшихся на сотни лет.

Вспомнишь тут строки Бориса Слуцкого:

Последняя провинция,
сдаваемая войском, —
язык.
Дальше некуда
и некогда отступить.

Но бывает и так, что на этом последнем фронте все-таки побеждают побежденные.

Кочевники-болгары (тоже тюрки!) захватили славянские земли на юго-востоке Европы. Болгарские ханы встали здесь у власти. Болгарами признали в конце концов себя земледельцы-славяне, и по сию пору за ними это имя, но тюркский болгарский язык был побежден местным славянским почти без борьбы.

Германские племена вестготов завоевали в V веке новой эры Испанию. Совсем незадолго до их прихода латинский язык одержал здесь решительную победу и над местными кельтскими наречиями и над наречиями, унаследованными от карфагенян, когда-то владевших

частью Испании. Смог язык римлян выстоять и тогда, когда сами римляне были разбиты. Германский язык пришельцев не выдержал битвы с латинским и отступил перед ним.

Монголы разгромили кипчаков, но важнейшим языком Золотой Орды был кипчакский, и кипчакский же язык стал основой современных татарского и башкирского языков.

Примеры, примеры — их можно приводить десятками. Но здесь, пожалуй, важнее общие выводы.

Для исхода такой борьбы «собственное оружие» языков — их простота, удобство организации и прочее — значило не так уж много. Все это принималось во внимание судьей по имени История только при прочих равных условиях. Важно было, конечно, соотношение численности завоевателей и завоеванных. Но иногда очень важно, а иногда — совсем нет. Что значили, казалось бы, немногие тысячи арабов-завоевателей и переселенцев, о которых я уже говорил, в сравнении с многими миллионами египтян? Но почти ничего не изменив, как уже говорилось, во внешнем облике древнего народа, арабы поставили свой язык на место прежнего.

Очень, видимо, важно влияние завоевателей на хозяйство побежденной страны. Пришедшие на Балканы болгары-тюрки были кочевниками, но ничего не изменили в земледельческой основе хозяйства своей новой родины. А в Азербайджане, например, пришельцы-тюрки резко усилили роль скотоводства, в частности кочевого и полукочевого. Может быть, здесь и причина, по которой их язык победил.

Мощный таран, открывающий языку дорогу, — религия. Распространение в Египте ислама имело чрезвычайно большое значение для перехода египетского народа на арабский язык. Насильственная замена христианства исламом сыграла важную роль в том, что византийцы, говорившие в большинстве на греческом языке, стали предками нынешних турок.

Впрочем, с победой тюркского языка в Византии дело обстояло не так просто. Здесь, по существу, борьба языков затянулась на тысячу с лишним лет. Приглядимся к ее ходу чуть более внимательно.

Первые тюркские народы стали проникать в пределы империи еще в четвертом веке нашей эры — за одиннадцать столетий до падения Константинополя под ударами турок. Наши знакомые авары-обры, до них гунны, после них кочевники-болгары и печенеги, половцы и многие другие народы селились здесь на землях, иногда отведенных им византийским правительством, иногда захваченных силой.

В XI веке тюрки-огузы, выходцы из Средней Азии, стали решающей военной силой новой державы, возглавленной родом Сельджуков, который дал этой державе имя. К концу того же XI века сельджуки уже вышли к побережью Средиземного моря, захватив нынешний Измир. Казалось, судьба Византии решена.

Но тут в борьбу вступил новый участник — крестоносцы, отправившиеся в Палестину освобождать от «неверных» «гроб господень».

Имейте в виду: как раз тюрки-сельджуки были главными противниками европейских рыцарей во время первых крестовых походов. «Гроб господень» на время оказался — вместе с Иерусалимом — в руках крестоносцев. Турки были ослаблены. Византия спасена. (Впрочем, вскоре ее разгромили сами крестоносцы, но через какое-то время она освободилась от их власти.) В течение четырех веков древнюю империю еще несколько раз спасали от окончательного крушения враги сельджуков.

Ряд поражений нанесла сельджукам армия грузинской царицы Тамары. Во главе этой армии стоял ее муж и двоюродный брат Давид, осетинский царевич. Позже турки были разбиты монголами. Еще позже грозный вождь турок султан Баязет, владыка большей части Малой Азии и многих других земель, схватился за власть над Ираном и Закавказьем с самим Тимуром. Баязет был разбит Железным Хромцом и посажен в клетку.

Но вся эта вереница войн, в которых сталкивались блестящие рыцари, изысканные византийские вельможи и многоязычные византийские наемники, неутомимые монгольские наездники, отчаянные грузинские витязи и упорные в своем стремлении к расширению занятых земель тюрки, — вся эта вереница побед и поражений лишь внешняя канва гораздо более важных для будущего Малой Азии и окрестных земель событий.

Тюркские султаны сумели проводить в своих владениях политику, которая заставляла их новых подданных верно служить своим новым государям. Много позже ее основы четко формулировал один из владык Турецкой империи в своем наказе наместникам пограничных земель: «Обращайтесь с нашими подданными так, чтобы крестьяне соседних княжеств завидовали их судьбе».

Во всяком случае, в XII веке из византийских владений многие крестьяне бегут во владения сельджуков. Те освобождают рабов и крепостных в крупных поместьях. При этом тюрки заботятся и о победе своей веры. Крестьянин-мусульманин платит в виде налога всего одну десятую часть своего дохода. Христианин — от одной трети до половины. Плюс мужчины-немусульмане платили еще и личный налог, от которого полностью освобождались мусульмане.

Там, где не помогал «пряник» пускали в ход «кнут» — пленных силою заставляли принимать ислам, истребляя часть непокорных.

Может быть, именно то, что тюркское завоевание Малой Азии растянулось на столетия, и тюрки имели возможность подчинять своему влиянию Византию не сразу, а «по кусочкам», и сыграло решающую роль в принятии населением Малой Азии тюркского языка.

Деревня отуречилась раньше, чем город, а сами общие потомки завоевателей и завоеванных, по-видимому, считали старую византийскую культуру более высокой, чем пришедшая тюркская. Это нашло любопытное отражение в быту страны. В грозной Турецкой империи, раскинувшейся от Западной Африки до Ирана, от Эфиопии до Дуная,

само слово «турок» долго было синонимом слов «мужик» или «плен» и звучало оскорбительно. В XVIII веке на вопрос европейца, турок ли он, житель Стамбула отвечал, что он мусульманин. И даже в XIX веке турецкие горожане не желали принимать это имя.

Можно добавить, что, кроме тюрок и нетюркского населения Малой Азии, в формировании турецкого народа приняли участие и жители Греции и славяне. Множество выдающихся визирей, замечательных полководцев и флотоводцев Турции вышли из турецких колоний, в том числе, например, адмирал грек Пири Рейс, чье имя недавно стало знаменито из-за загадочных карт, найденных якобы в его архиве. Бывали и вовсе курьезные случаи, когда, скажем, одним из первых мусульманских судей захваченного Константинополя — Стамбула стал принявший ислам француз.

Но когда в конце XVI века при двух султанах подряд из девяти человек, поочередно занимавших пост великого визиря, восемь были отуреченные славяне, это уже нельзя считать курьезом или простой случайностью. Перед нами проявление определенной политики.

Великий визирь Махмуда II в речи по поводу смерти султана говорил: «Было еще одно обстоятельство, содействовавшее укреплению этого государства и увеличению его влияния: мудро и искусно собирали они (султаны) среди всех племен людей, обреченных на несчастную мужицкую жизнь. Их они сделали благочестивыми и счастливыми, наградили чинами и славными должностями. Из этих людей и я происхожу, и значительная часть слушающих меня». Это, конечно, точка зрения ренегата (в ту пору — точный термин, так называли человека, сменившего веру), но эта точка зрения весьма показательна.

Костяк своей армии, знаменитых янычар, султаны набирали из подчиненных областей, отбирая у родителей мальчиков, которых затем обращали в ислам и воспитывали в духе преданности султанам. Сначала янычары не имели права жениться, но вскоре на их браки стали смотреть сквозь пальцы, а потом и вообще сняли запрет. И — новая волна славянской, греческой, албанской и иной крови вошла в жилы турецкого уже народа.

...Бесстрастно звучит рассказ. Но не забывайте, пожалуйста, что речь идет о кровавых походах, о несчастных детях, которые, став взрослыми, делали несчастными других детей и их родителей: ведь грозная и мрачная слава янычар была, увы, вполне заслуженна. То, что они шли, пусть часто неведомо для себя, против собственных отцов и братьев, делает эту историю еще более мрачной.

Пой, Георгий, прошлое болит.
На иконах — конская моча,
В янычары отняли мальчика,
Он вернется — родину спалит...—

пишет Андрей Вознесенский в стихотворении, эпиграфом к которому взяты слова из болгарской народной песни «По деревне янычары детей отбирают...».

Образование народа — история, а история часто бывает кровавой. Но нельзя ведь закрывать глаза на факты только потому, что факты печальны.

Языку же завоевателей тем легче было одержать победу в Малой Азии, что ему противостояли разные языки разных народов старой Византии, где единого языка не было.

Впрочем, надо сказать, что и в случае смены языка побежденное наречие обычно накладывало на язык-победитель свой несмыслимый отпечаток.

Сейчас лингвисты, занимающиеся современным турецким языком, находят в нем все больше особенностей, восходящих не только к греческому, но и к языкам народов, населявших Малую Азию два и три тысячелетия назад. Язык сохранил следы древних влияний и армянских, и курдских, и грузинских, пронес через время память о наречиях хеттов и фригийцев.

В нашей стране неподалеку друг от друга живут чуваши, говорящие на одном из тюркских языков, и марийцы, говорящие на одном из языков финских. Но чувашский язык кое в чем не похож на другие тюркские, причем как раз такими чертами, которые часто совпадают с характерными особенностями марийского языка. Видимо, тюрки, в частности уже знакомые нам булгары и кипчаки, придя на землю марийцев, передали части средневековых марийцев свой язык, приняв участие в формировании нового чувашского народа.

Но, как вы видите, все смены языков так или иначе бывают обычно связаны с переселением больших масс людей, иногда целых народов. Но что же заставляло тысячи, а то и миллионы людей сниматься с места, отправляясь порою в известные, а порою и в вовсе неведомые земли?..

ЗАЧЕМ, ПОЧЕМУ, КУДА?

Авары, с рассказа о которых я начал эту книгу, пришли в Европу из Центральной Азии. И в главе о «Большой родне» башкир нам с вами то и дело приходилось вспоминать, что народы не только сидят на месте, но и путешествуют. Мы живем на земле в такой период ее истории, когда почти каждый народ кажется плотно прикрепленным к своему месту на глобусе. Но ведь это даже сейчас только кажется. В нашей стране лишь за последние два десятилетия миллионы русских и украинцев переселились в Казахстан. Никто из нас не удивится, встретив за Полярным кругом грузина, познакомившись в Кушке — туркменском городе на крайнем юге нашей страны — с якутом.

А история знает случаи, когда разом сдвигается с места целый

народ или большая его часть. За примерами этого совсем не обязательно обращаться в очень уж далекое прошлое. В 1916 году, во время первой мировой войны, власти Турецкой империи начали истребление народа айсоров (ассирийцев), жившего в Восточной части Малой Азии и в Иране. Шовинистически настроенные руководители империи, фанатики-мусульмане, воспользовались военным угаром в стране, чтобы попытаться уничтожить христиан-айсоров, как и христиан-армян. Айсоры отчаянно сопротивлялись, заняли круговую оборону, в течение двух лет они отражали, отступая, удары регулярной турецкой армии и «вольных» отрядов головорезов. А затем ушли со своей родины, точнее, с той ее части, которая принадлежала Турции. Так появились айсоры в СССР, в США, Ираке, Сирии и многих других странах.

Прошлое у нашей планеты бурное, в нем не раз и не два народы оказывались в том же положении, что айсоры в 1916 году — под угрозой уничтожения или порабощения. И уходили от этой угрозы.

Так покинули свои древние земли и авары-жужани, когда их армии были разбиты тюркютами.

Даже гунны, ставшие впоследствии грозными завоевателями полумира, ринулись из своей Монголии на запад после того, как их разгромили здесь китайские армии. По дороге они, в свою очередь, стали угрозой множеству племен, тоже вынужденных тронуться с места — иногда в составе гуннских полчищ, иногда впереди них, иногда же эти племена «раздавались в стороны», уходили на север и на юг с пути свирепых завоевателей.

После того как монголы завоевали Среднее Поволжье, жившие здесь волжские булгары в значительной части отошли на север, став одной из частей складывающегося чувашского народа. Сходных примеров тут можно привести неисчислимое количество.

Но нередко переселения племен и народов имеют другие причины. Тысячи людей, которым вовсе не угрожает внешний враг, поднимаются и ищут себе лучшей доли на новых местах. Так была освоена русским народом Сибирь. Так когда-то пришли в Северное Причерноморье скифы, изгнавшие или растворившие жившие здесь до них племена киммерийцев. Так двинулись из Северной Прибалтики на юг, к Черному морю, германские племена готов в начале нашей эры.

Карл Маркс говорил, в частности, о переселениях, вызванных «избыточным» приростом населения, которое теперь оказываются не в силах прокормить старые земли.

При этом само расселение народа может происходить медленно, растягиваясь на века. В нашей стране почти по всей огромной территории Сибири живут небольшими группами лесные охотники и оленеводы — эвенки. Тайга, непроходимая тайга, стала их родиной за несколько сот лет, после того как эвенки на юге Сибири сумели найти способы охоты и передвижения, сделавшие их хозяевами лесов.

Советский эвенкский ученый-историк А. С. Шубин пишет: «Ка-

жется почти невероятным, как могли племена, стоявшие на таком уровне развития, покорять колоссальные пространства, преодолевать трудности многомесячного, а подчас и многолетнего пути. Но на самом деле чем дальше в глубь истории, тем меньшее значение имеет фактор расстояния. Везде, куда бы ни приходил в таежных скитаниях эвенк, он находил ягель для своих оленей, зверя для промысла, кору и жерди для чумов... И тем легче было ему пускаться в дальний путь, так как в ту пору никакой роли не играл фактор времени... годы... на одном месте, годы, прошедшие в походах по новым местам — все это ничего не меняло в привычном образе жизни».

Разумеется, слова Шубина о роли времени и расстояния можно отнести не только к эвенкам, но и ко многим другим кочевникам.

Не правда ли, это многое объясняет в относительной легкости, с которой сдвигались с места древние племена в поисках лучших — или хотя бы не худших — мест на лице земли.

Что касается причин переселений, то точно установить их удается далеко не всегда.

Как всякая настоящая наука, история способна дать ответы далеко не на все возможные вопросы.

Писателю Юрию Трифонову (или герою его рассказа «Ветер») довелось побывать в Монголии. Он пишет: «Мы говорим о движении, которое зародилось когда-то на этих буграх. Однажды содрогнулся мир. Но тут загадка. Что двигало? Зачем было нужно идти куда-то так далеко? Ведь я летел на «Ил-18» целых девять часов с пересадкой в Иркутске. Этакая далища. Земля? Рабы? Женщины? Золото? Но земли хватало. Рабство было неведомо. Женщин ценили мало, гораздо больше — коней. А чужое богатство, где оно? Куда делось? Где города, храмы, статуи, где клады разбойного золота? Нет ничего, кроме сопок в жесткой траве и степных коршунов... стерегущих жалкую добычу.

— Чтобы это понять, — говорит мой спутник, — надо иметь в виду религию древних монголов: культ предков. «Кун» — по-монгольски «человек». По мнению старика — а он кое-что понимает в этих делах, он поэт и историк, — гунны (хунну, кун) были предками монголов, и они дали знак, зов оттуда, куда их забросило волной. Движение было ответом на зов. Мертвые призывают, и живые идут. Но мглист и глубок колодец, нету дна, гаснет эхо. Кто были предки предков и на чей зов откликнулись гунны?»

Да, прав советский писатель (или герой, от лица которого ведется рассказ), а не его спутник, который, видно, все-таки гораздо более поэт, чем историк.

Против его предположений даже то обстоятельство, что вряд ли гунны были предками монголов: те и другие происходили из одних и тех же степей, но гунны, как полагают, говорили на тюркском языке, отдаленно родственном монгольскому, но, однако, не его пра-родителе.

И расстояние во времени между гуннами и монголами огромно: больше десяти веков. В этом промежутке степи Монголии и Алтая породили других грозных завоевателей.

Жужани, предполагаемые предки авар-обров. Затем тюркюты, ставшие хозяевами массива земель, сравнимого по размерам с Римской империей. Тюркюты были в конце концов разбиты уйгурами. Сейчас это имя носит небольшой народ, живущий в советской Средней Азии и Западном Китае. А уйгуры-предки создали на короткое время великую державу, влияние которой распространялось на востоке до Тихого океана, а на западе до центра Европы. Уйгурское государство рухнуло, и в этом большую роль сыграли племена кыргызов, живших на Алтае в верховьях Енисея. (До сих пор спорят ученые, являются ли современные киргизы, один из советских народов, прямыми потомками этих кыргызов или только их родственниками и «однофамильцами».)

И на кыргызов тоже нашлась напасть. Да, через каждые век-два обширный район, включающий в себя Центральную и Среднюю Азию, в том числе Монголию и Алтай, когда-то рассылал в разные стороны племена. И встает все тот же проклятый вопрос: почему? зачем? Почему и зачем поднимается со своих мест самый первый переселяющийся народ, почему вздымается первая волна, открывающая собой целую гряду валов?

Дальше-то, на первый взгляд, все можно объяснить тем же простым законом, по которому достаточно щелкнуть по одной из поставленных в ряд близко друг к другу костяшек домино, чтобы она, падая, сбила следующую, та — третью и так далее.

Движение так часто начиналось отсюда, что Алтай и Монголию высокопарно называли «землей, откуда выходят завоеватели».

И именно над загадкой этого размышляет не первое поколение историков, этнографов, востоковедов.

Хотят привлечь для объяснения этого периодические изменения климата. Сначала казалось естественным примерно такое представление. В степи приходит засуха, гибнет скот, начинается голод. Ханы, подтянувшие животы, собирают своих и вовсе отощавших воинов и кидаются на более счастливые земли.

Но историки, географы и климатологи показали, что, например, как раз в XII веке, веке начала монгольских завоеваний, не было в Монголии засух. Наоборот, в монгольских степях наступил период климатического оптимума. Пышно росла трава, множились и жирели овцы, сытно ели ханы, кое-как отъедались пастухи. Сильнее стали монголы, почувствовали свою силу, огляделись... От богатства, а не от бедности, от сытости, а не от голода, выходит, кинулись монголы на все стороны света.

Это — закон?

Нет! С гуннами, например, было иначе. Этих будущих повелителей полумира в почти кругосветный поход отправило, как я уже

говорил, поражение. На конец первого тысячелетия до нашей эры приходится один из периодов усиления Китая. Китай потеснил гуннов, закрыл свои границы для их набегов, стал угрожать их самостоятельности.

Подождите-ка! Но ведь здесь, выходит, в роли первой костяшки домино, толкающей остальные, выступает Китай. И «щелчок», вызвавший этот удар, ни в ком не вызывает сомнений касательно своих исторических причин. Историки считают естественным, что в определенные периоды своей истории феодальное государство становится сильнее, в другие ослабевает — хотя бы из-за усилившейся раздробленности. Более или менее известны экономические причины такого хода событий, а уж само их

развитие знакомо нам равно по истории Франции и Руси, Хорезма и Индии.

Не поражает ведь нас неуклонный рост великой Московской державы, распухание, а затем развал Франкской империи Карла Великого.

Однако государства, созданные в новую эру кочевниками, кто бы эти кочевники ни были, гунны, тюркюты или монголы, имели немало типичных для феодализма особенностей. Мудрено ли, что кочевые державы тоже то разрастались, то разваливались? А так как кочевники куда легче сдвигаются с места, чем люди оседлые, так как сама по себе кочевая жизнь делает из почти любого пастуха прирожденного воина, то, естественно, растут создаваемые кочевниками государства обычно быстрее, чем государства оседлых народов.

Если государства вроде Франкской империи Карла Великого или Китая Цинь Ши Хуан-ди расширяются, расширяются до тех пор, пока не окажется, что управление уже занятыми землями затруднено и у хозяев державы не хватает сил на захват новых земель, надо ли удивляться, что еще быстрее и сильнее распухают империи монголов или гуннов?

Им ведь не обязательно строить на занятых землях укрепления, ставить в этих укреплениях большие гарнизоны и т. д. А воины покоренных племен включаются в армию завоевателей, идущую все дальше и дальше, пока не ослабнут связи между частями разросшейся державы, а «кадровые» войска не окажутся в значительной степени истреблены на покоряемых землях.

Последующее же дробление этих кочевых империй так же закономерно, как превращение Франкской империи в несколько крупных и множество мелких государств. Иллюстраций тому сколько угодно.

Кипчаки (половцы) идут в IX—XI веках единым ударным клином на запад, становятся хозяевами большей части Средней Азии и Северного Причерноморья. А позже, разрозненные и разделенные, часто враждующие между собой, кипчакские племена не выдерживают удара страшного монгольского кулака.

Разрозненные русские княжества, пытавшиеся в середине XIII века отразить нашествие татаро-монголов, а затем — свергнуть татаро-монгольское иго, имели против себя не просто армию Батыя или ханов Золотой Орды, но всю грандиозную Монгольскую империю, раскинувшуюся от Тихого океана и до Малой Азии. Эта держава бросала войска покоренных народов друг против друга, отправляла китайцев со стенобитными орудиями к крепостям Ирана, заставляла Русь и Кавказ давать отряды, составлявшие гарнизоны в китайских городах. Каждый отпрыск Чингисова рода принимал участие в выборах всемонгольского императора, и ханы-чингизиды, враждующая меж собой, не раз объединялись против непокорных подданных.

Но как Русь должна была по законам развития феодализма стать

в XI—XII веках земель княжеских междоусобиц, на которые жаловался певец «Слова о полку Игореве», так империя монголов в силу тех же законов должна была распасться на независимые и даже враждебные государства. А с каждым из них в отдельности легче было справиться покоренным монголами народам. В конце XIV века, когда объединенная Москвой Русь начала показывать татарам свою силу, восстал и Китай, свергнув монгольскую династию.

У оседлых народов расширение государств тоже порою вызывало волны переселений. Создание единого государства в Норвегии заставило часть тамошней вольнолюбивой знати отправиться в Исландию со своими домочадцами. Объединение прежних Кастилии, Арагона, Леоны в Испанском королевстве и завоевание им юга Пиренейского полуострова привело к массовому выселению оттуда в Африку мусульманского населения.

Удары кочевых государств приводят к куда более резким и быстрым передвижениям племен и народов, особенно тоже кочевых. Но разница в темпе и масштабах переселений не должна закрывать от нас того общего, что в них есть.

А вопрос о том, почему в данный момент именно гунны, в следующий — именно жужани, а потом — именно тюркюты, этот вопрос, конечно, очень сложен. Но, наверное, немногим более сложен, чем вопрос о том, почему в XVI веке в Европе на какое-то время решающее значение приобретает Испания, в начале XIX века — Франция, в середине XIX века, до Крымской войны, — Россия.

Победы монголов удивительны, но разве менее поражают успехи Александра Македонского и Наполеона?

Общие законы истории конкретны в своих проявлениях. Вчерашний победитель терпит поражение, вчерашний побежденный одерживает победу, хотя и не обязательно над бывшим победителем.

Гунны стали грозой Европы, потому что были разбиты на востоке Азии.

А в XVI веке произошла странная — но только на первый взгляд — история. С запада Средней Азии в восточную ее часть ворвались узбекские племена. Они победили и выгнали Бабура, правителя Ферганы (а сами, смешавшись с местным оседлым населением, вошли в число предков современных узбеков). Неудачливый же эмир-изгнанник, вынужденный бросить и родные места и наследственные владения, с остатками своей армии бежал на юг, в Индию... и стал здесь основателем грандиозной империи. Бакур, потомок сразу Чингисхана и Тамерлана, не смог удержаться на «своем» месте в Средней Азии, но оказался в силах занять чужое на Индостанском полуострове — благодаря тому, что попал в Индию в «разгар» феодальной раздробленности. И эта его победа так же удивительна, как победы монголов за триста лет до Бабура, и так же, в принципе, объяснима, как захват англичанами Индии через двести лет после него.

Конечно, социальное развитие общества проходит на фоне природных условий. Засуха может ослабить государство, удачный год усилить его. Но одни и те же природные условия вызывают разные последствия в зависимости от состояния общества.

Весьма вероятно, что очередное наступление Каспийского моря на свои берега сыграло роковую роль в судьбе лежавшей в Поволжье и на Северном Кавказе Хазарской державы. Море залило наиболее важные ее районы и помогло соседям справиться с этим государством.

Но вот Голландия в XVI веке победила в борьбе, которую вела сразу против наступавшего на нее моря и грозной Испании. Причем голландцы время от времени использовали одного из этих врагов против другого, намеренно устраивая наводнения, чтобы погубить армии притеснителей.

Какому из этих случаев — поражению хазар или победе голландцев — надо больше удивляться?

Что же касается проблемы переселений в целом... Нам здесь ничего не сообщит пошлый ответ типа: рыба ищет, где глубже, а человек — где лучше. На вопрос почему, заданный в заголовке, можно, как видите, дать несколько ответов, впрочем, я привел здесь лишь некоторые из них. В том, куда идут народы, порою тоже можно найти некоторые закономерности. По-видимому, часто люди переселяются на относительно свободные земли, при этом они часто предпочитают уже знакомые климатические и природные условия, хотя нередко меняют привычный климат на другой, и т. д.

А вот слово **зачем** в названии главы так и останется, вероятно, без ответа.

Потому что История знает лишь причины и следствия, а не задачи и цели, хотя люди и ставят перед собой именно цели, решают именно задачи...

И одно важное замечание. Размах переселений огромен. Их значение в истории чрезвычайно важно. Тем более нельзя это значение преувеличивать.

А связь между коренными жителями и пришельцами, изменения народа в результате его передвижений хорошо видны на примере венгров.

СЕМЬ ПЛЕМЕН И ПЯТЬ СТРАН

В 1848 году, году бурного революционного подъема почти во всех странах Европы, венгры (которые сами себя зовут мадьярами) восстали против хозяйничавшей на их земле австрийской монархии.

Венгерская революция была разгромлена, несмотря на героическое сопротивление своих защитников. Из занятого австрийскими сол-

датами города убегает, прихрамывая, подросток, ругая этих вояк палачами на всех известных ему языках. А языков он знал немало, потому что с детства изучал их. Этого бездомного хромого мальчика звали Арминий Вамбери. Имя, которое станет громким, во всяком случае для географов, историков, востоковедов и лингвистов. Арминий Вамбери, замечательный языковед и страстный исследователь, совершит поразительные путешествия, переодетый то арабским дервишем, то турком, то персом, он еще будет поражать своими познаниями западных министров и восточных эмиров... А тогда... «В поле у Дуная он встретил нескольких солдат, спасшихся от плена.

Они были запалены, и поражение читалось на их лицах.

— Все кончено, — говорили они, — будем ложиться и умирать. Пропадает наша свобода!

Тогда поднялся старый пастух и прохрипел им шатающимся от старости голосом:

— Стойте, дети! Всегда, когда с нами беда, приходят нам на помощь старые мадьяры из Азии: ведь мы их братья, будьте спокойны, они и теперь нас не забудут».

Так эту сцену описал в своем рассказе «Вамбери» советский поэт и прозаик Николай Тихонов.

В своих странствиях по Средней и Центральной Азии, по таинственным и часто запретным тогда для европейцев местам Арминий Вамбери пытался найти и этих «старых мадьяр из Азии», память о которых жила в сердце старого венгерского пастуха.

Старинные венгерские хроники говорят о мадьярах как о родственниках гуннов, а одна из них утверждает:

«...У гиганта Менрота... кроме Хунора и Мадьяра, было еще много сыновей и дочерей. Эти сыновья и их потомки живут в Персии, лицом и фигурой они похожи на гуннов и лишь немного отличаются от них речью».

(Понятно, что для древнего хрониста слово «Персия» могло означать не одну лишь страну, которую мы знаем под этим именем, но значительную часть Азии.)

Во время странствий Хунор и Мадьяр захватили двух дочерей аланского царя (аланы, как вы должны помнить, одно из сарматских племен). «От этих-то женщин, — говорит хроника Симона Казаи, — и произошли все гунны, то есть венгры».

В Венгрии вот уже многие сотни лет не одни лишь ученые, но и простолюдины, как нередко и правители, помнили о приходе сюда своих предков издалека, с востока, из Азии, и не просто помнили, но связывали с далекой родиной и неведомой родней особые надежды. Может быть, как раз потому, что в Центральной Европе мадьяры-венгры — единственный народ, принадлежащий к уральской языковой семье. Со всех сторон мадьярский остров окружен индоевропейским морем. С одной стороны живут славяне, с другой — немцы и австрийцы, с третьей — румыны...

А ближайший в географическом отношении народ той же семьи живет на много километров севернее, в Прибалтике. Это эстонцы. И то эстонцы — в языковом отношении — отнюдь не самый близкий родич мадьярам. Более близкие (ханты и манси) обитают на северо-востоке европейской части СССР и в Азии — еще дальше, чем эстонцы.

Сегодня венгерские антропологи, лингвисты и археологи снова и снова едут на Волгу, Урал, в Приполярье, в Западную Сибирь и Среднюю Азию, желая отыскать следы своих предков и лучше изучить бесспорных и предполагаемых родственников. Но многие сотни лет назад венгерские короли и епископы слали далеко на восток с той же целью своих представителей. Впрочем, тогдашние представители венгерской короны и церкви преследовали также и политические цели, а сверх того заботились о спасении душ предполагаемых азиатских мадьяр. Самой, может быть, поразительной из таких экспедиций «за предками» была поездка на восток доминиканского монаха Юлиана. Это был сразу и подвиг и приключение. Юлиан отличался и любознательностью и упорством. Очень надеюсь, что кто-нибудь из венгерских писателей успел написать о нем роман или по крайней мере повесть — путешествие Юлиана того более чем заслуживает.

Юлиан шел через земли, охваченные очередными истребительными войнами, пересекал степи, кишевшие отчаянными разбойниками — точнее, кочевниками, не упускавшими случая разбогатеть. Он потерял по дороге своих спутников, лишился денег, но, беззащитный, одинокий и нищий, шел на восток с упрямством жюль-верновского

капитана Гаттераса, стремившегося к Северному полюсу. Чтобы найти хоть какую-нибудь защиту да пищу, Юлиан присоединился к караванам и прислуживал их хозяевам, трудом и унижением добывая себе право идти дальше и дальше.

На Волге, у болгар, встречает Юлиан «азиатскую мадьярку», что замужем за болгариним. С помощью ее и ее родственников он обнаруживает на Урале «Великую Венгрию» — прародину его народа, слышит мадьярскую речь, рассказывает этим вновь открытым сородичам, хоть и не землякам, о могучем Венгерском государстве на Среднем Дунае, проповедует им...

Но это замечательное открытие, сделанное семьсот с лишним лет назад, было уже почти запоздалым. Западные мадьяры нашли восточную «Великую Венгрию» словно только для того, чтобы вскоре узнать: ее не стало. Удар татаро-монголов, страшное Батыево нашествие обрушилось и на землю уральских мадьяр.

Надо еще отметить, что сразу после завоевания татары включили мадьярских воинов, согласно давней своей традиции, в собственную армию. Некоторое время в татарской Золотой Орде среди прочих «национальных», как мы сказали бы сегодня, воинских частей была и мадьярская.

Разгромленные и разрозненные мадьяры, по-видимому, в конце концов смешались с окрестными народами, в основном с башкирами. Впрочем, еще в XII веке, за столетие до похода Батыя, некоторые арабские путешественники считали азиатскими мадьярами именно самих башкир. О давних связях мадьяр с башкирами мы с вами уже говорили в главе «Большая родня».

Лишний раз подтверждают связь мадьяр с Уралом географические названия. Есть, например, в Башкирии река Сакмара — приток Урала. И это же самое слово, которое служит именем башкирской реке, не раз повторяется на карте современной Венгрии.

Мало того. Трое из двенадцати известных истории основных башкирских родов носили те же имена, что трое из семи пришедших на Дунай мадьярских племен. Да, вот мы с вами и добрались до семи племен, о которых говорит название главы. Но добрались несколько преждевременно. Ведь между Уралом и Дунаем лежит столько земель, и все их надо было пройти мадьярам по дороге на запад.

На Урал мадьяры тоже откуда-то пришли. Следы этих прамадьяр ищут и в Западной Сибири, и в Казахстане, и в Узбекистане. Есть группы казахов и узбеков, в местных диалектах которых велика доля родственных мадьярским слов. Эти казахи и узбеки могут быть потомками уральских мадьяр, рассеянных монголами, перебравшихся на новые места и перешедших на тюркскую речь. Не исключено, однако, что такие казахи и узбеки происходят от «самых старых мадьяр», живших в тех же местах Средней Азии еще до появления на Урале «Великой Венгрии», многими веками позже описанной доминиканцем Юлианом.

Впрочем, надо оговориться, что слова, похожие на мадьярские, могли прийти в речь этих групп казахов и узбеков и из других угорских языков. Ведь угорские племена — родичи мадьяр, но не предки их — жили когда-то по всей Западной Сибири, проникая в Казахстан и в Среднюю Азию. Так что родину «самых старых» мадьяр пока нельзя считать найденной.

О судьбе мадьяр, ушедших с Урала на запад, мы знаем гораздо больше, хотя тоже совсем немного.

Видимо, в середине первого тысячелетия часть уральских мадьярских племен покинула родные места. Может быть, потому, что мадьяр подтолкнула очередная волна великого переселения народов. Может быть, потому, что после гуннского нашествия и разграбления многие плодородные земли к западу от Урала оказались сравнительно слабо заселенными. Так или иначе, но для кочевников-мадьяр переселение на новые места не могло быть делом слишком трудным.

В середине первого тысячелетия нашей эры мадьяры живут уже и в бассейне Волги. Красивое имя носит эта мадьярская новая страна на правобережье Волги — Леведия Этелькуза. Вскоре здешние их племена признают власть хазарского кагана, тогда — владыки великой державы, которая охватывала Северный Кавказ, часть Поволжья и соседних земель и вскоре вступила с арабами в борьбу за Кавказ. В ту пору в состав мадьярского объединения входят и принимают мадьярский язык несколько кочевавших поблизости хазарских племен.

Постепенно центр расселения мадьяр сдвигается западнее. Новая Леведия размещается уже по обе стороны Дона, располагаясь примерно на территории от Киева до Воронежа. Мадьяры живут среди славянских племен, возможно, даже чересполосно с ними. Мадьярский союз племен поддерживает дружественные отношения с Византией, и эта держава втягивает кочевников в свои войны, что в конце концов резко изменило судьбу вольных степняков.

Выполняя соглашение с Византией, мадьяры в IX веке нанесли тяжелый удар по болгарскому царству на Нижнем Дунае. Потерпевшие жестокое поражение болгары через несколько лет ответили беспощадным набегом на Леведию. Набег был осуществлен главным образом силами печенегов, появившихся незадолго до того в тех же причерноморских степях, где жили мадьяры. Болгары и печенеги выбрали для нападения очень удобный момент. Мадьярское войско, почти все способные носить оружие мужчины, было в это время в дальнем походе. Леведия оказалась беззащитной.

Когда же войско вернулось на родину, то увидело, что осталось без народа. Печенеги не только разорили страну как только могли, они еще и увели в плен или перебили всех молодых женщин.

И мадьяры решили покинуть земли, где они не могли теперь чувствовать себя в безопасности. Куда им было пойти? Легенды утверждают, что переселение ни в коем случае не было стихийным. Да-

же адрес, по-видимому, был намечен заранее: страна на среднем течении Дуная, местность, где когда-то была расположена римская провинция Паннония. Позже на Среднем Дунае был центр великой Гуннской державы (а еще позже — Аварского каганата).

Как это ни странно звучит, но возможно, что в Паннонию привела мадьяр как раз легенда о том, что они ведут свой род... от Аттилы. До сих пор — я уже упоминал об этом — в венгерском народе живет традиция, по которой мадьяры происходят от гуннов. Историки в ответ обычно пожимают плечами и говорят, что, конечно, ряд угорских племен был вовлечен в великое переселение народов, что в составе армий Аттилы были, вероятно, и мадьяры, но что собственно гунны, как и их вожди, мадьярами, конечно, не были.

(Впрочем, надо сказать, что, во-первых, после смерти Аттилы и разгрома его армий, остатки гуннов во главе с одним из уцелевших сыновей грозного царя ушли в Северное Причерноморье. Здесь они просуществовали в виде отдельной народности еще около двух столетий, пока окончательно не растворились среди тогдашнего населения этих мест. Гунны могли, что отнюдь нельзя считать доказанным, встретиться в Причерноморье с мадьярами и смешаться здесь именно с ними. Не исключено, что это и могло стать основой легенды о родстве гуннов и венгров.

Стоит добавить, во-вторых, что отдельные венгерские ученые сейчас полагают, будто первые мадьяры появились на Карпатах и к западу от них еще в VII веке — если это окажется правдой, основная масса мадьяр в конце IX века действительно пошла на запад по пути, который был уже проторен их родичами.)

Народному воображению нет дела до суждений ученых мужей, независимо от того, спорят с этими суждениями другие ученые мужи или нет. И в венгерских сказаниях (как и в сказаниях некоторых других народов, предки которых были союзниками гуннов) «бич божий» Аттила выступает в роли чуть ли не идеального государя. А венгерский писатель Бела Йлlesh в своей «Карпатской рапсодии» пересказывает легенду о младшем сыне Аттилы, царевиче Чабе, который после смерти отца, поражения гуннов и начавшейся среди них междоусобицы увел с собой гуннских детей за облака. Когда-нибудь он вернется с выросшими из этих детей витязями и спасет Венгрию, даст каждому венгру меч и землю...

Эту легенду Йлlesh услышал в начале XX века!

В венгерских же средневековых летописях прямо сообщается, что мадьяры пошли на Дунай, «чтобы овладеть наследием первого предводителя рода Алмуса (Алмоша) Аттилы».

Пошли, сообщают древние документы, «предводитель Алмуш, сын Учека из рода короля Магога, муж доброй памяти... со своей женой и сыном своим Арпадом вместе с великим множеством союзных народов... они шли от Суздаля к Киеву, а потом через Карпатские горы в Паннонию».

Не случайно, видимо, и то, что Алмуш, сын Учека, отнесен к роду «короля Магога». Взятými из Библии именами великанов Гога и Магога часто называли в средневековые грозные для оседлых европейцев племена кочевников. Магога предание связывало с гуннами; летописец, гордившийся своим происхождением от гуннов, отразил уже сложившуюся в его время венгерскую традицию, по которой имя Магог звучало не пугающе, а гордо.

Исход мадьяр с Дона произошел около 895 года, когда на Руси правил князь Олег. Летописям венгерским здесь не противоречат древнерусские сведения. Древнерусский летописец под 898 годом поместил сообщение о мирном уходе мадьяр через Киевские земли на запад.

По дороге, между прочим, они взяли с собой и сохранили до наших дней... древнерусские названия рыболовных снастей, а заодно стали звать — и зовут до сих пор — на древнерусский манер поляков.

Через горные проходы в Карпатах вышли, наконец, кочевники на просторы Паннонии. Главную их силу составляли семь племен, среди них уже упоминавшиеся племена с «башкирскими» названиями: *юрматы, кесе, еней*. Семь вождей этих племен связали себя и свои племена вечным договором о союзе, скрепив его кровью.

По венгерской легенде, мадьяры якобы выкупили Паннонию у славянского князя Моравии за белого коня, седло и уздечку, но князь потом нарушил договор, и страну пришлось отвоевывать.

Историки до сих пор спорят, насколько большую роль сыграли для решения судьбы Паннонии чисто военные действия. Трехтомная «История Венгрии», недавно выпущенная в нашей стране, полагает, что часто, вероятно, дело обходилось без кровопролития. В момент, когда мадьяры пришли на Средний Дунай, здесь не было реальной силы, способной им помешать.

Сообщения же некоторых летописцев о древних даже для них и весьма героических боях пришельцев с аборигенами страны, по мнению многих историков, преувеличены. В средние века любили героизировать прошлое, причем, как правило, преувеличивали роль военных действий в истории.

Количество пришельцев, что бы там ни говорил летописец о «великом числе союзных народов», было относительно невелико. Ведь мадьяры были кочевниками, а кочевые народы обычно куда малочисленнее оседлых, занимающих равную территорию. На плодородной земле у Дуная нашлось место для новых племен, быстро осевших на землю. Мадьяры легко смешивались с местным населением, в основном славянским, — у выходцев с Дона, собственно говоря, не было тут выбора, поскольку после болгаро-печенежского удара мадьяры остались почти без женщин. И, надо сказать, в венгерском языке почти все слова, относящиеся к жилищу и пище, к земледельческому труду и государственному устройству, по происхождению славянские.

Это, естественно, отразилось на мадьярском языке. Крупный будапештский историк Эрик Молнар пишет (я позволил себе опустить в цитате слова-примеры в их венгерском написании):

«Если венгерский крестьянин смотрит в окно, выходит в сени, идет в погреб, в кухню или в комнату, в каморку, выходит во двор или на улицу, если он говорит, зовет своего кума, ищет своего соседа, обращается к другу, пирует в кабаке, пляшет чардаш, смотрит кругом на равнине или в степи, идет в пастухи, в разбойники, несет с собой съестные припасы, живет на хуторе, бросает веревку на шею жеребенка, запрягает вола в иго, гонит домой стадо, берет в руки косу, укладывает стог, дает скоту корм, тянет тачку, если он работает или кончает работу... он делает такие дела, которые выражаются словами, перенятыми из славянского языка».

Итак, новой родиной мадьяр — уже навсегда — стала Паннония.

У этой области в центре Европы удивительная история. (Впрочем, какая страна не имеет за собой удивительной истории?) В самом начале первого тысячелетия нашей эры земли на Среднем Дунае были покорены римлянами. Но жители новой римской провинции покорились «владыкам мира» ненадолго. Вскоре они восстали и заставили Римскую империю напрячь в борьбе против «мятежников» все свои силы. Войну с паннонцами римляне той поры считали самой для себя тяжелой после Пунических войн, в которых против Рима выступал Карфаген, поставивший когда-то государство своих врагов на край гибели. Мировая держава все-таки победила и здесь, но до конца существования Римской империи Паннония с ее непокорными обитателями оставалась одним из слабых мест во владениях Августов.

Во времена великого переселения народов Паннония освободилась от владычества римского, но не чужеземного. В качестве ее хозяев сменяли друг друга (или делили друг с другом страну) сарматы и готы, вандалы и роксоланы, языги и карпы, бастарны и маркоманы и бог знает кто еще. Эти имена, в большинстве известные теперь только специалистам, когда-то заставляли трепетать сердца правителей Рима и Константинополя. Потом здесь царили гунны, но их выбили к концу V века нашей эры гепиды, остготы, ругии и сквиры.

Именно из Паннонии вождь ругиев и сквиров Одоакр пошел в Италию, чтобы свергнуть последнего римского императора Ромула Августула. Так Паннония все-таки «взяла реванш» у Рима — «не прошло и пяти веков»...

Позже в Паннонии был центр аварской державы, о которой мы с вами уже говорили, сюда приходила армия императора Карла Великого, посадившего на пошатнувшийся аварский трон крещеного кагана.

Здесь последние авары были растворены славянами... И здесь же мадьяры включили в свой состав местных славян.

Арпад, сын Алмуша, вождь сильнейшего из семи племен, назы-

вавшегося медьер, основал династию Арпадовичей, а имя его племени принял весь народ.

Но образование Венгерского королевства еще не положило конец переселениям новых и новых племен на землю Паннонии.

Венгерские короли, забыв прошлые обиды, приняли на своей земле в XI веке тюрков-печенегов, выгнанных из Северного Причерноморья собственными их родичами половцами, тоже тюрками по языку.

А через двести лет гостеприимная долина Дуная приняла еще и волну половцев, ушедших на запад от монгольского нашествия.

Кочевников, вероятно, влекла к себе знаменитая венгерская пушта, степь, а венгерским королям нужны были воины и для сопротивления немецкому давлению с севера и запада, и для борьбы с собственными крупными вассалами.

Из века в век сохраняла плодородная земля на Среднем Дунае свою притягательность для все новых и новых народов. Сколько дорог, начавшихся в центре Азии, заканчивалось здесь, в центре Европы!

Временами Венгерское королевство становилось, пожалуй, по размерам и влиянию одной из великих держав средневековой Европы. Венгерские короли занимали порою в то же время престолы Польши и Неаполя в Италии, распространяли свое влияние на чешские, румынские, хорватские и сербские земли.

Столетиями позже почти вся Венгрия попала под власть Турецкой империи, потом Венгрия входила в состав Габсбургской державы вместе с Австрией и Чехией, Словакией и Хорватией, частью Украины и частью Сербии и т. д.

Сосуществование с другими народами в составе одной державы отражалось, конечно, и на культуре и на языке, а в какой-то мере и на внешности мадьяр. Но родину за последние тысячелетия мадьяры уже не меняли. А между Енисеем и Дунаем археологи, лингвисты, антропологи и историки вместе уточняют местоположение по меньшей мере трех прародин мадьяр: донской, волжской и уральской, плюс ищут следы четвертой, еще более древней прародины, среднеазиатской или западносибирской. Удачи им!

П О Л О В Ц Ы П О В Е Ж Д Е Н Н Ы Е И Н Е П О В Е Д И М Ы Е

Я хочу поговорить сейчас о народе, название которого знакомо каждому из нас со школьных лет. Но не каждый знает, что именно этот народ собой представлял и в какие народы перевоплотился к нашему времени, когда собственное имя его стало лишь достоянием истории.

В прошлом каждого народа есть и печальные страницы и радост-

ные — совсем как в человеческой жизни. И когда народ уже исчез с лица земли (скажем иначе: когда кажется, что он уже исчез), можно попытаться подвести итог, решить, каких страниц в его истории больше.

Биография кипчаков, они же половцы, они же куманы, сложилась как будто не очень удачно. Начало, как и полагается, было ярким. В X—XI веках они появились в Средней Азии и Европе и заняли огромное пространство от озера Балхаш до Дуная. Заняли те самые земли, на которых за тысячу лет до них господствовали сарматы, а за полторы тысячи — скифы. Кипчакам теперь принадлежала большая часть великого пояса степей, полупустынь и пустынь, протянувшегося почти через всю Евразию. По их имени весь Восток на долгие столетия стал звать степи от нынешней южной Украины и почти до Алтая Половецкой землей — Дешт-и-Кипчак. И Русь звала свой беспокойный юг Половецким полем.

Половцы-кипчаки-куманы были частью очередной волны кочевников-тюрок, двинувшихся на запад из Центральной и Средней Азии. Их южные сородичи — огузы — в это время создавали огромную Сельджукскую державу на землях Малой Азии, Ирана, юга Средней Азии и части Закавказья.

Но если Византия почти сразу увидела врагов в сельджуках, то кипчаков она захотела использовать и сама призвала их на свою территорию для борьбы с печенегами. Половцы разгромили печенегов на Балканах и заняли их место в качестве одного из самых опасных врагов Византии.

Они стали постоянной угрозой и русским землям. Еще более страшной угрозой, чем прежде печенеги, не раз уже к тому времени бившие русскими, а частично даже начавшие под влиянием соседей оседать на землю и принимать славянскую культуру и православие.

С XI века значительную часть русской летописи занимает горький перечень половецких набегов. Горят города, половцы угоняют пленников, которым сужден теперь горький путь на рынки рабов. Соседство земледельцев и кочевников во времена средневековья редко бывало мирным.

...Впрочем, сосед есть сосед, спокойный он или беспокойный. С ним ссоришься, но деваться некуда — и торгуешь, и даже родишься, что отнюдь не мешает снова ссориться. Не зря в опере «Князь Игорь» юный княжич, сын Игоря, попавший в плен, возвращается домой свободным и женатым на красавице половчанке. Опера следует «Слову о полку Игореве», а то сообщает здесь тот же факт, что и летопись. Впрочем летопись знает, что сам Игорь Святославич, герой «Слова о полку Игореве», — сын половчанки. Это лишний раз подтверждает, что не из расистских или националистических побуждений воевали русские против половцев. Они защищались от половецкой опасности, а когда ее не было — не было нужды и в войне.

Семья князя Игоря была отнюдь не исключением среди русских княжеских семей. Великий князь киевский Святополк Изяславич, например, был женат на дочери половецкого хана Тугоркана. То поддерживая русских князей, то выступая против них, этот хан попытался однажды захватить Киев у собственного зятя, был разгромлен и пал в битве. Летопись свидетельствует, что Святополк велел похоронить его «акы тьстя и врага» — сразу и как близкого родственника, и как злого противника. С течением времени убитый хан превратился в былинного злого богатыря — «в вышину ли он, Тугарин, трех сажен, промежу плечей — косая сажень, промежу глаз — калена стрела», а иногда и вовсе в чудовищного змея. Из отца княжеской жены Тугоркан-Тугарин русских былин стал ее «милым другом», но народная память не слишком сильно исказила чужое имя и засвидетельствовала близость недруга страны к киевской княжеской семье.

Можно добавить, что Владимир Мономах, сын русского князя и византийской принцессы, полководец, именем которого половцы пугали детей, «его же имени трепетаху вся страны», сам женатый на принцессе английской, двух своих сыновей женил на половчанках. На половчанке был женат и грозный князь владимирский и киевский Юрий Долгорукий. (Среди потомков от этого брака — и Александр Невский, и все московские государи вплоть до царей Федора Ивановича и Василия Шуйского включительно.)

В таких двойственных отношениях с половцами находились многие русские князья. Они использовали ханов и их войска в борьбе

против поляков и венгров, в междоусобных войнах, но должны были и сами бояться переменчивых союзников. Об одном из русских князей конца XII века летописец сообщает, что он способствовал спокойствию юга Руси и тем привлек к себе любовь «крестьян и поганных».

Величайший из древнерусских политических деятелей, князь Владимир Мономах разгромил кипчаков, отбросил их далеко на восток. Часть половцев, впрочем, перекочевала на запад, на территорию Венгрии, нынешних Румынии, Югославии, Болгарии.

Многие половцы ушли на Кавказ, половецкая наемная дружина стала опорой грузинского царя-объединителя Давида, получившего прозвище Строителя. Но родиной для половцев оставались степи Причерноморья, и при известии о смерти Мономаха началось возвратное движение половцев, облегченное русской междоусобицей. Русский народ уважал любовь к родине даже у своих врагов, и Волынская летопись пронесла до наших дней рассказ о емшане, о белой горькой траве, запах которой ничем не вытравишь из памяти, рассказ, превратившийся уже в XIX веке в стихотворение Майкова.

Половецкий хан Сырчан после смерти Мономаха зовет своего брата Отрока, ставшего владыкой на Кавказе, вернуться в родные степи. И поручает гонцу:

«Ему ты песен наших спой,
Когда ж на песнь не отзовется,
Свяжи в пучок емшан степной
И дай ему — и он вернется».

Русские воевали с половцами и в то же время постепенно подчиняли их своему культурному влиянию. Конечно, в русскую культуру проникали некоторые детали половецкой культуры, а отдельные слова из языка половцев до сих пор живут в русской речи. Однако влияние русских, судя по всему, было гораздо сильнее.

В момент прихода монголов русские князья и половецкие ханы были, в общем, союзниками. Русские вожди продемонстрировали верность этому союзу. Монголы ведь заявили им, что пришли воевать только против половцев, «своих конюхов», и предложили русским мир. Те отказались покинуть половцев в беде — и в страшной битве на реке Калке русские дрались бок о бок с недавними врагами против новых, общих и более страшных врагов. Были разбиты. А поход Батыя был общей трагедией для русских и половцев.

Все мы знаем, чем стало татарское нашествие и татарское иго для Руси. Менее известна столь же горькая судьба ее южных соседей, врагов-родичей. Оседлые люди могли хотя бы собираться за стенами своих городов, правда, против монголов крепости оказались плохой защитой. На севере можно было иногда уйти в леса, плохо проходимые для конницы, или за вовсе неприступные для нее болота. А в голой степи спрятаться некуда. Дратся — и умереть или стать рабами.

Сдаться — и опять-таки умереть или стать рабами. Или бежать, бежать в места, где не достанет монгольская беспощадная сабля и не знающий промаха аркан.

На долгие года половецкие степи стали заповедником, откуда монгольские ханы и военачальники черпали в периоды «денежных затруднений» рабов на продажу. Половцы были ходким товаром. Их считали красивыми, ценили за силу, во многих странах Европы, Азии и Африки стало модным иметь раба-половца. Каждый, кто читал рассказ Марко Поло о великом путешествии, должен помнить его раба Петра. Судя по всему, этот Петр тоже был половцем. Половцы гребли на венецианских галерах, как и на византийских, половцы копали каналы в Средней Азии и Иране.

А одним из дальних и неожиданных следствий разгрома половцев-кипчаков и превращения такого количества их в рабов стал приход этих самых кипчаков к власти в далекой и богатой африканской стране — Египте.

Еще в конце XII века нашей эры, за полсотни с лишним лет до прихода монголов в Европу, Египет был захвачен одним из сельджукских полководцев Салах-ад-Дином, вошедшим в европейские легенды и романы Вальтера Скотта под именем Саладина.

Важной опорой Салах-ад-Дина в походах были мамелюки — так называли рабов-воинов. Их покупали на невольничьих рынках, нередко еще детьми или подростками, либо просто отбирали среди наиболее физически сильных пленников. Они были рабами и чужеземцами, их, казалось, не могли замешать в свои интриги придворные или крупные феодалы, владыка мог положиться на них, потому что и сам был их единственной опорой на чужбине.

Многие мамелюки возвысились при Салах-ад-Дине, получили земли и богатства. Его преемники еще в большей степени опирались на мамелюков, пока вожди рабов-воинов, поднявшиеся с самого дна тогдашнего общества, не свергли последнего султана этой династии, заменив его мамелюком.

Но среди мамелюков к тому времени было много кипчаков, и именно они прежде всего оказались у власти. Самым грозным и властным среди первых мамелюкских султанов слыл Бейбарс, по прозвищу Абуль-Футух — отец победы. Прозвище он получил потому, что во главе мамелюкской армии остановил грозное движение монголов на Египет. Это было спасением страны, ставшей его новой родиной; это было и местью монголам за горькую судьбу кипчацкого народа. Потому что родился Бейбарс в половецких степях, был захвачен в плен и продан в рабство, как сотни тысяч половцев. На рынке в Дамаске за мальчика запросили всего 800 серебряных динаров — дешево по тем временам, — потому что хотя он был сильным и быстрым в движениях, но один глаз будущего султана закрывало бельмо.

А другой глаз Бейбарса был голубым. Странно, если вспомнить,

что половцы — тюркский народ. Но не надо забывать и о столетнем соседстве с Русью. Вероятно, в Бейбарсе текла и славянская кровь. (Кстати, исследуя документы мамелюкского периода истории своей страны, египетские историки обратили внимание на странные имена некоторых кипчаков, например, Василий, Иван. Случалось, что выжившийся мамелюк забирал из разоренной Кипчакии уцелевших членов своего рода; и вот в документах встречаются сообщения о том, что кипчак-мамелюк Иван ибн Василий вывез с родины в Египет свою деревню. Похоже, что этот-то кипчак был просто русским, лишнее доказательство того, как часто была общей в XIII—XIV веках судьба кипчаков и русских.)

Бейбарс отнял у вступивших в союз с монголами христианских государей, потомков крестоносцев, многие земли в Сирии и Палестине. Семнадцать лет правил он Египтом, твердой рукой сдерживая мамелюкских эмиров, каждый из которых сам был не прочь занять его место.

Бейбарса сменил на троне кипчакский же раб Калаун, династия которого правила в Египте сто три года.

Только в 1382 году ее сменила — на 135 лет — династия мамелюка Баркука, кстати, тоже выходца с территории нашей страны, но уже не кипчака, а черкеса.

Кипчаки в течение веков составляли в Египте значительную часть знати. Некоторое время они и здесь сохраняли многое из своей культуры, долго помнили родной язык, на который были переведены в Египте лучшие образцы персидской и арабской литературы. Ну, а в конце концов стали одной из составных частей египетского народа.

Половцы, вывезенные как рабы, постепенно растворились среди населения многих стран мира.

А что случилось с теми, кто избежал не только монгольского меча, но и аркана? Десятки тысяч кочевников смогли уйти с родины древним путем на запад, вышли к Дунаю, были приняты в Венгрии и стали в конце концов частью венгерского народа. При этом наследник венгерского престола, будущий Стефан V, женился на дочери половецкого хана Котяна, другая дочь которого уже была замужем за знаменитым в русской истории князем Галицким Даниилом Романовичем. Другие (и часть половцев, покинувших Венгрию) добрались до Болгарии, с которой половцы давно были связаны — иногда союзами, иногда враждой. И одно время в Болгарии даже правила половецкая по происхождению династия Тертеровичей.

Некоторое число половцев расселилось среди русских и предков белорусов в лесной полосе Восточной Европы. Одно время на территории только нынешней Брестской области, по подсчетам историков, было до сорока половецких поселений.

Но особенно важную роль в этнической истории Евразии сыграли те из причерноморских кипчаков, которые отступили из своих

открытых врагу степей на север и северо-восток — в леса Поволжья и Урала. И те, что отошли на юг и юго-восток — на Кавказ. И те, что остались жить в степях Средней Азии.

Здесь мы уже подходим к концу истории кипчаков. Горьким он был, но... Говорят, во многих восточных странах многодетный бедняк издавна считался более счастливым, чем бездетный богач. А разгромленные, частью даже рассеянные по чужим землям половцы стали предками многих народов.

Сами татаро-монголы на значительной части кипчакских земель оказались поглощены и растворены более древними хозяевами степей. Только век-полтора прошло после прихода в Дешт-и-Кипчак войск Чингисхана, а историк ал-Омари уже имел основание записать:

«Татары смешались и породнились с кипчаками... И все они стали точно кипчаки, как будто они одного рода, оттого, что монголы поселились на земле кипчаков, вступали в брак с ними, оставались жить на земле их».

Слово «кипчак» прочно вошло во многие родо-племенные названия на землях башкир, казахов, киргизов, кумыков, туркмен... Кровь кипчаков, хотя и не только она, течет в жилах практически всех почти народов Поволжья — чувашей, башкир, татар, марийцев... На юго-западе от Волги, на Кавказе, они передали свой язык кумыкам, жителям Дагестана. Казахи — тоже законные наследники кипчаков, как и, в меньшей степени, туркмены.

На Северном Кавказе кипчаки сначала дрались против монголов в союзе с аланами, потом монголы обманом добились расторжения этого союза и разбили аланов и кипчаков по очереди. «Вот как происходило событие, искры которого разлетелись во все стороны и зло которого простерлось на всех, как туча, которую гонит ветер...» — горестно писал о разрыве воинской дружбы между аланами и кипчаками древний историк. После поражения часть кипчаков бежала в Приэльбрусье и смешалась с обитавшими здесь аланами и людьми некоторых других племен. По мнению ученых, это было важнейшим шагом на пути к возникновению современных карачаевской и балкарской народностей.

Среди тюркских языков выделяют особую кипчакскую группу, к ней относятся языки башкир, татар в Поволжье, ногайцев, карачаево-балкарцев и кумыков на Кавказе, караймов в Крыму, казахов и каракалпаков в Средней Азии. Но и в туркменском, и в узбекском, и в киргизском языках тоже есть черты, так или иначе связывающие их с языком кипчаков.

Вот и решайте, как относиться к судьбе половцев, странников вольных и невольных, переживших — и нанесших — столько обид, спасавших от зла и причинявших его... Впрочем, это, наверное, роднит их со всеми народами мира.

...Вот какую бурную историю пережил народ из русских летописей.

Стоит теперь поговорить о том, как могли выглядеть половцы. Дело не только в том, что это интересно само по себе: на примере половцев можно увидеть, как трудно решать такие проблемы. Одно из объяснений имени *половцы* (оно значит по-древнерусски «желтые») связано с цветом волос. Слово «куман» значит все то же «желтый». Слово «сарык», которым тоже звали половцев, не только означает «желтый, белый, бледный», но и является, видимо, основой современного турецкого слова «сарышин» — «блондин». Оно, вообще-то говоря, странно для кочевников, пришедших с востока.

В пользу этого, однако, выступают и пергаменты средневекового Египта. Половцы, как вы уже узнали, в течение почти двухсот лет были здесь правящей элитой и сами сажали на трон султанов своей крови. Египетские же документы говорят изредка о светлых глазах и волосах у кипчаков. Правда, только изредка.

Как тут быть? Антропологу не под силу узнать цвет глаз человека, умершего восемьсот лет назад. И проблему приходится решать историкам... с учетом психологии. Что может говорить в пользу реальной русоволосости и голубоглазости кипчаков-половцев?

Прежде всего древняя история их прародин. Кипчаки пришли на юг Восточной Европы и север Средней Азии с мест, расположенных на Алтае или неподалеку от него. А здесь, чуть не в самом центре Азии, еще за тысячу лет до новой эры жили дин-лины, светлокожее, светлоглазое и светловолосое племя, не раз упоминавшееся в китайских летописях. Эти дин-лины пришли на последнем гребне волны расселения праиндоевропейцев с их неведомой прародины¹. Дин-лины, судя по всему, приходились родичами киммерийцам и скифам, жившим в ту пору в тех же местах, где двумя тысячелетиями позже поселились половцы.

Но вот странность! Никто из предков и родичей дин-линов — ни киммерийцы, ни скифы, судя по отзывам их западных и южных соседей: греков, вавилонян, персов, — не мог похвастаться светлыми волосами и глазами. То есть были, вероятно, среди этих древних хозяев Северного Причерноморья и блондины, и рыжие, и русые, но это обстоятельство не бросалось в глаза тогдашним жителям Греции и Ближнего Востока. В основном же скифы и сарматы принадлежали, насколько можно судить по результатам раскопок, к южным европеоидам и, значит, должны в большинстве быть черноволосыми и темноглазыми. И непонятно, с чего бы у их отправившихся дальше на восток родственников могли в массовом порядке посветлеть волосы и глаза.

Это противоречие, однако, разрешимо. Здесь надо вспомнить, что одни и те же факты могут восприниматься по-разному, и приходится обратить внимание на одну особенность человеческой психологии. Каждый из нас при первом взгляде невольно отмечает у своего но-

¹ Подробно об этом говорится в разделе «Наша родословная».

вого знакомого неожиданные, странные, выделяющие его из числа других детали в облике и одежде.

То же происходит при встрече двух народов. Китайцам, сплошь черноволосым и черноглазым, резко бросались в глаза именно беловолосые, русые и рыжие чужеземцы, хотя бы те и составляли лишь небольшую часть нового для китайцев народа. Вероятно, то же можно сказать о египтянах, встретившихся с кипчаками.

Да и само представление о том, что значит быть светловолосым, у разных народов и даже у разных частей одного народа может быть не схоже. Человек, который слышет брүннетом в Новгороде, покажется только темно-русым в Ростове-на-Дону.

А уж что касается китайцев... Когда-то мы разговаривали о дин-линах с покойным Георгием Францевичем Дебецем, замечательным человеком и одним из ведущих советских антропологов. Георгий Францевич сказал, что никак нельзя забывать, кто именно дал нам описание внешности дин-линов.

— С точки зрения китайцев, и я могу оказаться блондином, — добавил он.

Всякий, кто знал Георгия Францевича, поймет, как странно звучала эта фраза. И все же...

Тут Георгий Францевич рассказал, что как-то произошло с ним в горах Дагестана. В одном ауле ему сообщили, что есть неподалеку селение, где все жители — рыжие. Антрополог, понятно, заинтересовался, кое-как по горным тропкам добрался до «аула рыжих», но рыжеволосых там было всего девять процентов. Для Дагестана очень много, поэтому соседям все обитатели аула и казались рыжими.

Половцы тоже могли казаться соседям «желтыми», даже если русских и рыжих среди них было не больше десятой доли.

Но — увы! — имя свое они могли получить и совсем по другой причине, не имеющей никакого отношения к внешности кипчаков. Слово «желтый» может здесь обозначать не цвет волос, но лошадиную масть — слово «половый» в значении «светло-желтый» дожило до наших дней как раз в приложении только к лошадям. Тогда половцы — это просто люди, разъезжающие на половых лошадях.

Есть и совсем другой вариант. Половцы-куманы-кипчаки — тюркский народ. А цвета в тюркских названиях могут иметь и чисто символическое значение, в частности, с их помощью обозначают стороны света. Тогда слово «куманы» надо переводить как «средние» или «центральные». Это вполне возможно. Половцы ведь получили свои тюркские имена в то время, когда еще жили в Средней Азии (а может быть, еще и в южной части Западной Сибири), а в ту пору и западнее, и восточнее, и южнее, и севернее их жили другие тюркские народы, по отношению к которым кипчаки-куманы находились как раз в центре. Если происхождение названия именно таково, не надо искать желтизну ни в цвете волос кипчаков, ни в масти их лошадей.

Сообщения же египтян о половцах-блондинах, с одной стороны,

могли быть сделаны с особой точкой зрения ярко выраженных броне-тов. А с другой стороны, они ведь относятся ко времени, когда половцы успели прожить бок о бок с русскими два столетия и приняли в свои жилы долю русской крови.

ПОЧТИ ПОСЕРЕДИНЕ АЗИИ

Неизгладимый отпечаток оставили кипчаки в истории Средней Азии и Казахстана. Почти все живущие здесь народы сохранили — в разной степени — в своих жилах кровь кипчаков, в речи — их слова.

Но далеко не одни лишь кипчаки — предки этих народов... Плот-но прилегают друг к другу пять советских социалистических респуб-лик: Казахская, Киргизская, Туркменская, Узбекская и Таджикская, временами даже проникая друг в друга. Внутри границ Киргизии, например, есть четыре района, обведенных на подробной карте теми же линиями, что обозначают границы союзных республик. Три из этих «островков» принадлежат Узбекистану, один Таджикистану, и еще кусочек Таджикистана находится внутри границ Узбекской ССР.

Сложность границ между народами Средней Азии и Казахстана — наследие и один из итогов их долгой, трудной и очень сложной истории.

Что такое Средняя Азия и Казахстан? Это степи, полупустыни, пустыни и горы. И конечно, оазисы, зеленые островки в мертвом зное пустынь. Но прежде всего степи, полупустыни, бесконечные просторы, продолжающиеся и к востоку от Восточного Казахстана и к западу — от Западного.

Вот в повести Мориса Симашко «Хроника царя Кавада» смотрит в сторону этих степей средневековый персидский историк, ее герой:

«Что же это такое там, за этими песками? И где оно кончается?.. Всю нынешнюю весну и половину лета скакал он по Турану, проходил сквозь каменные ущелья, перебирался через бесчисленные реки, проезжал большие и малые города, неделями мчался в желтой, красной, синей степи. А дальше были еще большие горы и реки, новые города и опять степи: бескрайние, нескончаемые, полные вечного движения. Там невозможно было стоять на месте, а только нестись и нестись куда-то к новому горизонту вместе с гривастыми лошадьми, сайгаками и куланами-гурами... Наверное, это вечное движение сблизало людей, делало их невосприимчивыми ко всяким границам. Сколько он ни ехал, везде говорили на одном языке. В нем было много арийских корней и построений, употреблялись гуннские сочетания, а весь он был проникнут единым влиянием беспрерывно накатывающихся откуда-то с Северо-Востока народов...»

Арийские — здесь означает иранские; Туран — имя, закрепив-

шея в раннем средневековье за Средней Азией; что же касается гуннских сочетаний, то автор повести, видимо, имеет в виду тюркские слова, в ту пору уверенно входившие в языки среднеазиатских племен, тогда в большинстве своем еще иранские. Сейчас из среднеазиатских народов на языке иранской группы говорят только таджики. А в древности было иначе...

От Дуная до Монголии протянулась через половину Европы и всю Азию полоса степей, бесконечность которой так хорошо увидел глазами своего героя Симашко. Эта полоса была в то же время великой дорогой, по которой прорывались кочевые племена востока в Европу.

Но то, что для одних было только большой дорогой, другие звали родиной. Одни племена проходили, другие расступались перед ними и снова соединялись, когда волна уйдет дальше на запад. На запад?

Не только. Когда-то — три и четыре тысячи лет назад — этой же дорогой прошли на восток племена, говорившие на древних индоевропейских языках. До Алтая и Монголии докатились они, оставив на северных границах Китая дин-линов.

Но в конце I тысячелетия до нашей эры и в I тысячелетии нашей эры движение шло уже с востока на запад.

Шли гунны — народ, по-видимому говоривший на тюркском языке. Шли тюркюты, как нам точно известно, говорившие по-тюркски, шли и другие тюрки. Шли монголы — задолго до Чингисхана. Целых пять веков должно было пройти до его походов, а в Средней Азии уже жили большие племена с чисто монгольскими именами кайы, баят, баяндер.

Гунны, тюрки, монголы — они приходили на уже занятые земли. Кем занятые? Греки называли их обитателей скифами. Персы — саками. Иногда к ним прилагалось еще имя массагетов. Возможно, для того, чтобы подчеркнуть сходство и связь среднеазиатских племен с тогдашними жителями нынешних Болгарии и Румынии — гетами.

По мнению сегодняшних ученых, у саков действительно была родня и на Балканах и в Северном Причерноморье — степи связывали ответвления единого праскифского дерева своей живой бесконечностью.

Персидские цари захлебывались в этом степном море, теряя огромные армии под стрелами кочевников. Александр Македонский вонзал в грудь Средней Азии свои фаланги, забрасывая вдоль дорог в сердце ее все новые и новые свои Александрии, города с греческим населением. Некоторые из них дожили до наших дней, в том числе бывшая Александрия Дальняя, потом Ходжент, а ныне Ленинабад.

Греки жили бок о бок с местными племенами, торговали и обменивались с ними кровью, пока не стали, говоря языком ученых, «одним из компонентов будущих среднеазиатских народов». Компонент — это ведь всего-навсего составная часть. И компонентов здесь было много.

На сако-массагетскую основу пришельцы накладывали все новые и новые узоры. Гунны, хиониты, белые гунны, эфталиты — впрочем, не надо запоминать все эти имена, которые давали персы и другие народы все новым и новым волнам тюркских племен, захлестнувших в середине I тысячелетия нашей эры Среднюю Азию. С каждым столетием все больше ее жителей говорило по-тюркски. Были, например, среди массагетов племена или союзы племен, известные соседям под красивыми именами апасиагов и аугасиев. Апасиаги, возможно, в конце концов стали хорошо знакомыми нам по русской истории печенегами — тюркским народом. И есть предположение, что аугасии как тюрки известны уже под именем огузов.

Пришлая часть печенегов и огузов привыкла к новым местам, для общих потомков пришельцев и аборигенов эти земли были уже родными.

Новые союзы племен приняли местные имена — значит, они ощущали свою связь с коренным населением Средней Азии.

Но степь-то оставалась для кого-то родиной, а для кого-то только дорогой. И новые племена пришли в Казахстан и Среднюю Азию, покинув для этого Южную Сибирь.

В X веке новой эры в Среднюю Азию вторглись кипчаки.

Родичи печенегов и огузов по языку, кипчаки повели себя с ними не по-родственному. Завоевателями, а не просителями явились они сюда. И кинулись печенеги на северо-запад, огузы — на юго-запад.

Те огузы, что расселились по нынешней Туркмении, стали одной из составных частей туркменского народа. Другие огузы, завоевав Азербайджан, оказались последним звеном в длинной цепи приходивших сюда век за веком тюркских племен. Часть огузов ушла дальше, в Малую Азию и Иран.

Среди туркмен есть сегодня люди разного внешнего облика. Большинство явно относится к европеоидам, но встречаются и люди с достаточно четко выраженными монголоидными чертами. История запечатлена тут во внешности. Но не только в ней. Туркменский тюркский язык несет в себе следы древнеперсидской речи; есть в нем признаки и кипчацкого влияния, как есть они в культуре туркмен. Появлялись на земле Туркмении и те аланы, что передали свой язык осетинам — следы аланских влияний тоже умеют находить ученые в быту туркмен.

Туркменские племена стали сильно смешиваться между собой только в недавнее время. И не мудрено — племена были долго разделены не одними лишь племенными и бытовыми различиями, но часто и государственными границами Иранской державы, Хивинского и Бухарского ханств.

Имя узбеков первоначально закрепилось за тюркскими племенами Приаралья. Оно, по-видимому, перешло на народ от его предводителя, золотоордынского хана Узбека. Само слово «узбек» значит «истинный князь». Хан Узбек был чрезвычайно ревностным распространителем ислама, и его имя сначала приняли ставшие при нем мусульманами кочевые племена. Но современный узбекский народ начал складываться тогда, когда в XVI веке эти племена во главе с Шейбани-ханом покорили нынешние восточные районы Узбекской ССР, заняли древние богатые города Самарканд и Бухару...

Узбекские племена смешались в принадлежавших теперь им оазисах Средней Азии и с оседлым тюркским и с древним коренным населением, происходившим от тех согдийцев и хорасмиев, что сражались еще с Александром Македонским, «навещавшим» в своих походах и Среднюю Азию.

Впрочем, к XVI веку эти потомки согдийцев говорили большей частью уже на тюркских, а не на иранских языках. Их ведь иногда задевали краешком, а иногда и захлестывали с головой все предыдущие бесконечные нашествия на Среднюю Азию тюркских племен,

приходивших в Самарканд и Бухару с востока, с севера, с запада.

Еще за пять веков до прихода племен, возглавляемых Шейбани-ханом, путешественник Махмуд Кашгарский в этих местах видел людей, которые говорили только по-тюркски, видел людей, говоривших и по-тюркски и по-согдийски. Но уже тогда не удалось ему встретить местных жителей, которые знали бы один лишь согдийский язык. Тюркизация зашла уже очень далеко.

И в сложении узбекского народа гораздо более важную роль сыграли восточные земледельческие оседлые племена, чем завоеватели, передавшие новому единому народу свое имя.

На древней согдийской основе, укрепленной последующими пришельцами, которые тоже становились хозяевами, вырос современный узбекский народ — кровный родственник остальных народов Средней Азии. Можно сказать, что почти все народы-предки у казахов и узбеков — общие. Только доля крови каждого из них — разная у казахов и узбеков.

Жители первого государства казахского народа, государства, сложившегося в бассейне реки Чу, даже назывались узбеки-казахи (о происхождении самого названия «казах» мы с вами говорили в главе «Дездишадо»).

Однако в истории казахского народа гораздо более важную, чем в истории узбеков, роль сыграли монгольские племена. Об этом убедительно рассказывает, в частности, казахский антрополог Оразак Исмагулов. Задолго, по крайней мере за семь веков до прихода Чингиза, они уже приходили сюда и смешивались с более древними жителями страны. В Казахстан бежали от Темучина-Чингиза кара-китаи, они же кидани (те самые, от имени которых произошло русское название Китая). Их примеру последовали некоторые другие монгольские племена, не признавшие сразу власти Чингисхана.

Затем сюда же пришли и монголы-победители. Некоторые их племена быстро стали частью сложившегося в основном еще до их появления народа. Народа, который до сих пор говорит на языке, близком к кипчакскому. Из этого делают вывод, что узловым моментом в формировании казахского народа стало возникновение, еще до прихода монгольских завоевателей, кипчакских племенных союзов.

А к югу от узбеков живут таджики, оставшиеся ираноязычными.

Благодаря горам Памира и горным отрогам таджики оказались лучше, чем их западные, северные и восточные соседи, защищены от бесконечных нашествий и набегов кочевников и других завоевателей. Конечно, прорывались сюда и тюрки, и монголы, когда-то пришел Александр, позже арабы, еще позже пришлось жителям Припамирья признать власть Чингисхана и Тимура. Наконец в XVI веке тот самый Шейбани-хан, что привел тогдашних узбеков в Самарканд и Бухару, подчинил себе и земли таджиков.

Но даже на обычном глобусе средних размеров нетрудно увидеть

характерное отличие Таджикистана от земель туркмен, узбеков, казахов. Зеленому цвету, которым обозначают низменность, на карте Таджикистана практически не нашлось места. Даже желтому цвету, избранному географами для изображения возвышенностей, почти ничего не досталось. Красно-коричневый цвет, назначенный отмечать собой горы, залил таджикские земли. Маловато здесь и высокогорных пастбищ, какими манила к себе скотоводов соседняя Киргизия. Негде разгуляться привычному к простору кочевнику. (Конечно, такое описание Таджикистана не относится ко всей его территории: ведь в нее входит и часть благодатной Ферганской долины. Но эта часть составляет лишь небольшую долю всех таджикских земель...) И завоеватели с Востока неохотно селились в этих непривычных им землях. Поэтому в облике таджиков меньше, чем во внешности других обитателей Средней Азии, монголоидных черт. И свой язык, из группы восточноиранских, предки таджиков сменили в конце I тысячелетия нашей эры не на тюркский, как их северные соседи, а на один из западноиранских языков. Не много пахотной земли на склонах этих гор, и в редких долинах между ними плодородной земли тоже немного. Но умелая рука, вооруженная кетменем, умеет заставить эту землю дать максимум возможного.

А есть в Таджикистане места, где землю мерили тюбетейками, и это была мера не площади ее, а объема: почву переносили на безжизненные скалы, выбирая здесь относительно ровные места. Для того чтобы выжить в горах, человек должен не просто много работать, но использовать опыт, накопленный жившими здесь же его предками. И завоеватели большей частью предпочитали собирать здесь дань с местных жителей, а не входить в их число.

Оставшись ираноязычными, таджики без перевода включили в свою культуру сокровища средневековой персидской поэзии.

Сборник «Поэты Таджикистана», вышедший (уже третьим изданием) на русском языке в «Библиотеке поэта», включает в себя рубаи Омара Хайяма, отрывки из «Шахнамэ» Фирдоуси, газели Саади.

И это не просто формальная дань древней общности языка.

Вот отрывок из книги русского советского писателя Владимира Киселева, действие которой происходит в Таджикистане:

«Девочка поет стихи Руми... арбакеш вечером сидит в чайхане перед чайником зеленого чая и играет с таким же, как он, полуграмотным колхозником в «байт-барак». Один произносит строку известного поэта, а другой должен назвать следующую строку. А может быть, он и сам поэт, этот арбакеш... И скажи, что он сочиняет стихи, никто не удивится, как скажи, что он колхозный бригадир. Обычное дело, обычное и распространенное».

Политические границы в Средней Азии в прошлом редко совпадали с границами между землями, заселенными разными народами. Бухарский хан правил узбеками и таджиками, кокандский — узбеками, таджиками, киргизами. Жители узбекских городов часто говорили

и по-таджикски. Единство Средней Азии, которому столько тысяч лет, сохраняется и сегодня. Классиком сразу и узбекской и таджикской литератур, основоположником современной таджикской прозы и одним из зачинателей современной прозы узбекской считается один и тот же человек — Садриддин Айни, писавший на обоих языках.

Киргизы живут, как и таджики, в горах и межгорных долинах. Но Тянь-Шань все-таки оставляет больше места долинам, чем более суровый к людям Памир. И относительно более легкие проходы нередко ведут в эти долины.

Почти самый центр Киргизии занимает озеро Иссык-Куль. Со всех сторон оно окружено горами, но между горами и берегом все же лежит полоса земли, особенно широкая на севере озера. Ах, этот Иссык-Куль! Он смущал сердца самых нечувствительных к красотам природы людей, этот «изумруд в гранитной оправе», как определил его великий русский путешественник.

Иссык-Куль, спрятанный в сердце гор, манил к себе народы. Мудрено ли, что именно здесь развернула свои работы Киргизская археолого-антропологическая экспедиция Академии наук СССР, экспедиция, перед которой была поставлена задача найти предков современного киргизского народа, установить, кем они были. Возглавил экспедицию один из крупнейших советских антропологов Георгий Францевич Дебеч. Ее отряды работали и в долине Иссык-Куля, и в других местах республики.

Одним из рабочих иссык-кульского отряда был в свою студенческую пору и я...

Северный берег Иссык-Куля можно рассматривать, кроме всего прочего, как пособие по географии. На полосе шириною от двух до пяти-шести километров и длиною в сто километров с лишним сменяют друг друга пустыня, полупустыня, сухая степь, степь влажная и субтропики.

Пустыня (ничем не хуже Сахары, только меньше, а это ведь даже лучше!): песок, из которого кое-где, редко-редко, торчат оцетинившиеся колючками, «до зубов» вооруженные против опасностей этого мира побеги растений.

Полупустыня: колючек побольше, редкими островками проступает из почвы режущаяся серая трава.

Степь: трава зеленая, бараны, лошади, поля пшеницы и мака.

А потом вдруг ломти пышнейшей зелени, невероятные яблоки, сливы, рассказы о которых знакомые потом воспринимают как выдумку, и прочие прелести, воспоминания о которых порою принимают и сейчас, через двадцать лет, характер наваядения. Не знаю, настоящие ли это субтропики, но здесь хорошо...

Все люди любят такие оазисы, но и живут и жили они не только в них. Да и пустыни не всегда были пустынями.

Вдоль берега озера стоят курганы. Небольшие, если сравнивать их со скифскими, что разбросаны по югу европейской части СССР.

Курганы — памятники древним вождям, воинам, иногда их женам. Тело человека зарывают в землю. Нередко делают над этим местом кладку из камней. А потом все заваливают землей. Получившийся холм и зовем мы теперь курганом.

Но археологи и антропологи заставляют говорить кости древнего хозяина кургана, кости жен, заколотых на тризне в его честь, кости принесенных в жертву коней, истлевшие одежды, изъеденное ржавчиной оружие, рассеянные черепки горшков, битых тысячелетия назад.

Мы вскрывали курганы, рассыпанные по берегам Иссык-Куля, чтобы потом антропологи смогли увидеть лица древних витязей, живших здесь. Чтобы археологи увидели в изогнутых профилях горшечных стенок, в узорах на них признаки той или иной культуры, узнали, какой народ ее создал.

В первом тысячелетии до нашей эры на Тянь-Шане господствовали те же саки, что и в других местах Средней Азии. Оставшиеся от того времени черепа убедительно говорят о европеоидном происхождении своих бывших хозяев.

Но сегодняшние киргизы несут в своем облике немало монгольских черт. Узкие глаза, смуглые, сравнительно плоские лица... Нет, большинство киргизов никак не назовешь чистыми монголоидами, и все же внешность их отчетливо говорит о контакте двух рас. Местом такого контакта была вся Средняя Азия (как и весь Урал), но если в Таджикистане в этой встрече победу одержали (во внешности потомков) европеоиды, то в соседней Киргизии к победе ближе, пожалуй, монголоиды.

Раскопки показали, что главная волна монголоидов появилась в этих местах позже, чем на западе Средней Азии (Тянь-Шань, конечно, ближе к Монголии, чем Туркмения, да ведь горы — не степь, проникнуть сюда труднее).

Только в начале второго тысячелетия нашей уже эры начал решительно меняться облик «среднего» жителя нынешней Киргизии. Новые черты принесли, вероятно, кыргызы — выходцы из Северо-Западной Монголии, обитатели верховьев могучего Енисея.

Считают, что кыргызы входили в начале нашей эры в гуннское объединение племен. Есть предположение, что древние кыргызы (кыргызы) попадали на Тянь-Шань еще во время гуннских походов, затронувших в I веке новой эры и эти горные места. В V—VI веках гуннское объединение раздробилось, и кыргызы стали самостоятельными, приняв дальнейшее участие в борьбе тюркских и монгольских племен за власть в степях Евразии. Но, по-видимому, время от времени группы кыргызов или целые их племена перебирались в Восточное Притяньшанье...

Киргизский языковед Б. М. Юнусалиев пришел к выводу, что современный киргизский язык сформировался за пределами Киргизии. Эта страна рассечена хребтами на несколько частей, но диалекты общего киргизского языка, на которых говорят в разных районах, очень

мало отличаются друг от друга. По мнению Юнусалиева, это показывает, что язык недавно сравнительно стал здесь хозяином. За более долгое время диалекты успели бы сильнее «разойтись». Современный киргизский язык сложился, по Юнусалиеву, где-то в степи, не разорванной цепями гор — видимо, на восточных подступах к Тянь-Шаню. Кстати, он очень близок к горноалтайскому языку — другому наследнику древнего киргизского языка.

Надо только оговориться, что еще не решен окончательно вопрос, от енисейских ли киргизов происходят тянь-шаньские киргизы. Может быть, они связаны не прямо по происхождению, а только общим родством, и на Тянь-Шань пришли не сами енисейские киргизы, а только какие-то родственные им племена...

Приняли участие в формировании киргизского народа и селившиеся в Притяньшанье узбеки и тяготевшие к местным городам таджики. Прикочевывали сюда через всю Среднюю Азию ногайцы, приходили казахи. И, уж конечно, еще раньше встретились на Тянь-Шане с другими племенами почти вездесущие, как вы видели, кипчаки-половцы. Распространение же по всей современной территории Киргизии киргизского языка было ускорено... калмыками, которые пересекли Тянь-Шань и Притяньшанье по дороге к Волге, заставив расступиться и в результате более широко расселиться здешние киргизские племена.

Часть калмыков под именем сарт-калмаков поселилась у озера Иссык-Куль и вошла в состав современного киргизского народа.

Ученые узнают «наследие предков» не только во внешнем облике киргизов. Культура киргизов-земледельцев до сих пор включает в себя детали и черты, унаследованные от согдийцев. Киргизы-скотоводы продолжают хозяйственные традиции саков, усуней, тюрков-кочевников.

В современном киргизском искусстве взгляд историка, этнографа, искусствоведа различает и согдийские и тюркские особенности.

*

Есть в Средней Азии, кроме пяти союзных социалистических республик, одна автономная, она входит в Узбекскую ССР. Это республика небольшого народа каракалпаков. Но история народа не становится ни более короткой, ни более спокойной от того, что он насчитывает не миллионы, а сотни или десятки тысяч людей...

Каракалпаки — вот название, которое как будто легко понять: по-тюркски оно и сегодня значит «черные шапки». Большой есть соблазн у ученых связать сегодняшнее население Каракалпакской АССР с племенем черных клобуков, упоминаемым в древних русских летописях. Черные клобуки принадлежали тогда к числу «своих поганных», были союзниками русских князей в их борьбе против половцев. Неизвестно точно, с теми же или другими древними племенами,

носящими это имя, столкнулись монголы на левобережье Волги, по соседству с древними булгарами и башкирами; во всяком случае, историки времен походов Чингисхана и Тамерлана упоминают народ с таким названием, живущий в этих местах.

Среди самих каракалпаков распространено представление о том, что они пришли на свою теперешнюю родину, на земли к востоку от Аральского моря, с Волги.

Опять-таки у башкир — вспомните — среди родо-племенных названий встречается и имя каракалпаков.

Значит, во всяком случае какие-то из предков современного каракалпакского народа пришли в Среднюю Азию с северо-запада. Правда, рассказывают еще, что и до появления на Волге их предки жили все-таки в Средней Азии.

С одной стороны — далековато друг от друга Северное Причерноморье и Средняя Азия. С другой стороны — и то и другое лежит в полосе степей, а предки каракалпаков были кочевниками...

Конкретное объяснение того, как каракалпаки Причерноморья появились в Поволжье, изложил в книге «Идолы, курганы, монеты» известный археолог, доктор исторических наук Г. А. Федоров-Давыдов.

После разгрома монголами Киевской Руси подчинявшиеся русским князьям черные клобуки оказались подвластны монгольским золотоордынским ханам. И те заставили своих новых подданных перекочевать в Поволжье, поближе к столице Золотой Орды, Сараю, туда, где черных клобуков можно было всегда иметь под рукой и для сбора с них дани, и для использования их как военной силы. А воинская слава каракалпаков продержалась несколько столетий, хоть им и приходилось воевать в основном под чужими знаменами. Восточные летописцы позднего средневековья не раз говорят о доблести и упорстве каракалпаков в бою.

Какова же все-таки роль старых черных клобуков в возникновении современного народа? Они стали одной из его составных частей, смешавшись с теми родственными тюркскими племенами, что и не уходили из Средней Азии; а потом вместе с ними — под давлением казахских ханов — отошли на юг, где и заняли свои нынешние земли.

НАША РОДОСЛОВНАЯ

Естественно, народы сильнее всего чувствуют свою близость друг к другу, когда схожи их языки. Именно языковое родство стало для ученых основой для соединения народов в группы и семьи. Впрочем, в группы и семьи народы оказались соединены прежде всего историей. Сейчас, однако, лучше использовать другое сравнение. Примем, что каждый народ — дом в городе. Тогда квартал — это группа родственных народов.

Кварталы объединяются в районы — языковые семьи.

Город — человечество.

Русские вместе с украинцами и белорусами составляют восточное славянство; восточные, западные и южные славяне — все равно славяне, славяне вместе с людьми, говорящими на германских, романских, кельтских, североиндийских, иранских, албанском, греческом, армянском и некоторых других языках, составляют индоевропейскую семью народов. К ней принадлежит половина человечества! Еще почти четверть его относится к китайско-тибетской семье народов. Зато оставшуюся вне этих семей четверть человечества делят между собой по меньшей мере несколько десятков, если не сотен, языковых семей. А все семьи народов, большие и малые, составляют один человеческий род.

Но само слово человеческий *род* уже включает в себе понятие о родстве людей между собой.

Сегодняшняя наука, выбросив из человеческого сознания веру в миф об Адаме и Еве, тем не менее подтвердила древнее ощущение людей, что все они происходят от общих предков.

*

Много на земле языков. До сих пор не сумели ученые даже точно сосчитать их. Одни утверждают, что люди земли разговаривают по крайней мере на трех тысячах языках, другие доводят число языков до пяти, а то и до шести тысяч.

А ведь языки еще делят на диалекты, причем бывает, что люди, говорящие на одном диалекте языка, не понимают своих соотечественников, привыкших к другому диалекту. Только главных диалектов китайского языка насчитывается семь, и многие ученые склонны рассматривать их как отдельные языки. Какую же цифру тут надо включать в общую сумму языков мира?

Немцу-северянину иногда труднее разговаривать с немцем-южанином, чем русскому с украинцем.

И таких примеров тьма. А диалекты делят еще по особенностям произношения на говоры, и опять-таки не всегда просто определить, где перед нами еще говор, а где — уже диалект.

Языки, языки, языки... Самые прославленные полиглоты мира, люди с невероятной памятью и чуду подобной способностью улавливать чужую речь, знали по шесть, по восемь десятков языков и до сих пор вызывают у среднего человека восторг, праничащий с благоговением. Помню, брал я интервью у одного советского историка. Несколько раз нас прерывали: в его кабинете появлялись ученые из-за рубежа, люди часто самого экзотического — для Северной России — вида. Мой собеседник вставал, здоровался, и каждый раз его речь звучала по-новому, само приветствие было другим, и я почти с ужасом понял, что ученый с каждым гостем говорит на его языке. А он,

как выяснилось, знал «всего-то языков десять», значит, лишь пятисотую долю всех языков мира.

И все-таки... Наука всегда сильнее, чем отдельные ученые. И знает больше, чем все они, вместе взятые, считайте это, если хотите, парадоксом.

Языки надо было привести в систему, организовать, и лингвисты взялись за это.

Что же, биологам ведь пришлось иметь дело с животными и растениями миллионов видов, а они тоже не ударили в грязь лицом. Хотя тоже до сих пор спорят иногда: где граница между видом и родом или родом и семейством.

Но биология получила свою долю мирской славы наравне с физикой, химией, астрономией, и вполне справедливо. Каждый, кто знает имена Ньютона и Ломоносова, слышал и о Линнее, о великом шведе, устроившем грандиозный парад живых существ, приказавшем живой природе выстроиться по типам и классам, отрядам и семействам, родам и видам. И о Дарвине, сумевшем увидеть в этой упорядоченной системе не покой, а движение, начало и конец (на сегодняшний день), разглядеть в цепи образов природы цепь ее превращений. Перечень живых существ в порядке возрастания сложности стал родословным деревом жизни.

А лингвисты XVIII—XX веков построили родословное дерево языков. Только не «проходят» в школах ни наших Ф. Ф. Фортунатова и А. А. Шахматова, немца Августа Шлейхера, ни других ученых, которых их нынешние коллеги по праву признают гениями.

Но науки еще сочтутся между собою славой, и не будем расстраиваться из-за того, что для лингвистики такая слава пока в будущем.

Совсем молода историческая лингвистика, ее главные победы известны, как, впрочем, победы и других разделов лингвистики, почти что только одним победителям — языковедам. (Зато им одним известны и ее поражения, если это может нас утешить.)

Но они есть, такие победы! В последние века работали в науке не одни лишь биологи, в последние десятилетия грандиозные перевороты происходили не только в физике, и ослепительно дерзкие гипотезы выдвигали не одни лишь кибернетики.

...Задумывались ли вы над тем, почему разные языки бывают похожи? Как русский, украинский и белорусский, например? Конечно, это не случайность, да и не результат одного лишь многовекового соседства. Такого сходства оно создать не может. Дело в другом. И современный русский, и украинский, и белорусский языки имеют общий корень, единого предка — древнерусский язык. А знаменитый среди ученых французский исследователь А. Мейе говорит в таких случаях резче и определеннее: перед нами разные современные формы одного и того же древнего языка, результат разных линий его развития. Почему похожи испанский и итальянский языки? Потому что это разные формы одной и той же древней латыни. Мертвой

латыни? Как бы не так! И древнерусский язык тоже не умер, он просто стал другим.

Но украинец и русский могут, пусть с трудом, разговаривать друг с другом без переводчика, а испанцу и итальянцу без него не обойтись. Дело в том, что эти языки отделились от своего общего корня гораздо раньше, чем выделились из древнерусского языка русская и украинская речь. А время — мы уже говорили об этом — меняет язык, меняет спокойно, решительно и неуклонно. Конечно, у него есть в этом деле верные помощники. Люди, говорящие на одном языке, расходятся в разные стороны, когда народ занимает новые территории — помните, об этом немало говорилось в разделе «Основание». Но даже оставаясь на прежних местах, отдельные части прежде единого народа попадают в состав разных государств, по-разному может идти в результате общественное развитие, у каждой из этих частей оказываются свои соседи, с которыми приходится воевать, торговать, частично смешиваться. На севере и на юге не одни и те же животные и растения; в разных государствах иначе называются и иначе сочетаются социальные группы.

Польские паны и русские бояре равно феодалы, но крепостное право в Польше и на Руси имело разную историю. Украинским крестьянам приходилось часто слушать польскую речь, а русские жили в близком соседстве с тюркскими и финскими народами. Шла иначе сама история в разных странах, а язык, мы ведь уже говорили, ее точное и верное отражение.

Но дело не только в этом. Лингвистика знает еще и специально лингвистические законы, по которым с веками меняется звучание слов. Начинается все с малого. Если вы москвич, то наверняка произносите название своего города так, как будто в нем нет никакого «о», только два «а». Москвичи «акают» — уж этот-то лингвистический факт в нашей стране знают все. Псковичи и новгородцы совсем недавно сильно «цокали», превращая в «ц» шипящие звуки русского языка, кое-что от этих особенностей сохранилось в их речи и сегодня. Один мой родственник любит вспоминать шутиливую поговорку своего детства: «Мы псковичане те же англичане, та же нация, только рець другая». Древние новгородские и псковские летописи прямо-таки насыщены этим «ц» вместо «ч»: в ту пору ведь не было категорически общих для всей страны правил орфографии, и слова писали гораздо ближе к их истинному произношению, чем сейчас.

Но единство языка среди единого народа поддерживается, в частности, благодаря тому, что какая-то группа людей считается говорящей лучше, чем другие. Иногда это жители определенной местности, иногда члены какой-то общественной группы. Пушкин призвал учиться русскому языку у московских просвирен — женщин, занимавшихся выпечкой хлебцев, использовавшихся в церковном ритуале. Эти женщины обычно бывали вдовами священников, с чисто московским говором у них сочеталась некоторая книжная культура.

Во Франции говоры севера и юга постепенно подлаживались к диалекту политического центра страны — округа Иль-де-Франс с его Парижем.

Резкое различие в немецких диалектах (мы о нем говорили) — следствие чрезвычайно затянувшейся в Германии феодальной раздробленности, отсутствия единого центра, говору которого считали бы нужным подражать соседи.

Та же картина — и по той же причине — в Италии. Итальянский литературный язык развился на основе тосканского диалекта, на котором писал, например, великий Данте (столица провинции Тоскана — знаменитая Флоренция). Но венецианцы и неаполитанцы говорят далеко не так, как пишут. Это — внутри одного народа.

А иногда исторические обстоятельства складываются так, что диалект становится новым языком, потому, в частности, что совсем перестает заботиться о сохранении созвучий с другими диалектами. Так случилось с белорусской речью.

В диалектах живших на территории нынешней Белоруссии славянских племен, вероятно, давно звучали «дзеканье», «цеканье» и некоторые другие приметные особенности будущего языка. Но в XIV—XV веках они стали общепринятой нормой произношения для всей этой территории, стали общенародным белорусским языком.

Вернемся на минуту к старому псковскому говору. Общерусскому «ч» в нем соответствует «ц». Соответствует! Именно *лингвистические соответствия* стали для языковедов ключом к истории языков.

Возьмем еще примеры таких соответствий, примеры ясные до очевидности. Старославянский *град* — и русский *город*. Славянские *врата* — и русские *ворота*. *Брада* — *борода*. Итак, *ра* соответствует *оро*. Тому же русскому *оро* соответствуют польское *ро* и чешское *ра* (корова — крова — крава). Не будем сейчас вдаваться в объяснения, чем и как это вызвано да с какими общими процессами связано. Пойдем дальше по пути соответствий, подбирая примеры из языков родственных друг другу все в меньшей и меньшей степени. И вот перед нами такие два разных языка, как армянский и греческий. Без переводчика греку с армянином никак не договориться. Трудно отыскать слова, которые были бы похожи и по смыслу и по произношению. Вот греческое «дуо» значит «два», а по-армянски «двойка» называется «ерку». Ничего, кажется, общего! Но возьмем слово «ду» — «страх». Как будет «страх» по-армянски? Смотрите-ка! «Ерк»! Многим словам греческого языка со звуко сочетанием *ду* соответствуют армянские слова того же значения со звуко сочетанием *ерк*. Поразительное превращение. Да и превращение ли? Ведь ни греческий язык не происходит от армянского, ни армянский от греческого.

Пред нами снова лингвистическое соответствие. Пусть неожиданное, но не менее, в конечном счете, очевидное, чем между «ра» и «оро» в словах «град» и «город».

Соответствия русских слов некоторым иностранным вы наверняка замечали в классе, на занятиях.

Не знаю, как вам, а мне в школе на уроках английского языка большое утешение доставляло то обстоятельство, что среди моря непонятных слов встречались явно знакомые островки. Конечно, *father* не очень-то было похоже на слова «папа» или «отец», зато *mother*, *sister* и *son* на общем «чужом» фоне звучали, как слова прямо-таки родные. И даже в *one*, *two* и *three* было нетрудно признать родные «один, два, три», собенно если меньше вслушиваться в их английское произношение, но внимательнее вглядываться в то, как они пишутся. Думаю, все мы сделали в свое время эти маленькие открытия или почти такие же, если в школе изучали не английский, а немецкий, французский либо испанский языки.

Каждое такое открытие было, конечно, только повторением — на детском уровне — открытий, которые намного раньше были сделаны учеными.

Они тоже когда-то выстроили на бумаге столбиками числительные из разных языков, чтобы внимательнее к ним приглядеться.

Конечно, «считали» лингвисты при этом не до трех и не до пяти, а самое меньшее до десяти, впрочем, и до ста и дальше тоже. И тут оказалось, что не только во многих европейских, но и в армянском, и в персидском, и в индийских, и в некоторых других языках самые разные слова — и не только числа — довольно похожи. Например, «вдова» на санскрите *vidhava*, по-латыни *vidua*, на языке древнегерманского племени готов ее называли *viduwa*, а по-ирландски *fedb*, и всюду сходство очевидно.

Четыреста лет назад итальянец Филипп Сассетти побывал в Индии и первым заметил сходство итальянских и латинских слов с индийскими. Ученый литовец Михайло Литуанус (само его имя значит «литовец» по-латыни) составил список литовских слов, похожих на соответствующие латинские. Голландец Иосиф Юстус Скалигер разделил европейские языки на одиннадцать групп по степени сходства.

Великий немецкий философ и математик Лейбниц обратил внимание на сходство между финским и венгерским языками.

Михаил Ломоносов писал о родстве греческого, латинского, русского, немецкого и латышского языков.

Одним из последствий победы Петра над шведами под Полтавой была отправка Петром пленного шведа Иоганна Филиппа Страленберга в Сибирь для изучения народов и языков. Результат — сравнительные таблицы языков Северной Европы, Сибири и Северного Кавказа. А позже именно в нашей стране, почти двести лет назад, вышел «Сравнительный словарь всех языков и наречий». Составили его «просто» — переводили русские слова на все языки, для которых нашлись переводчики.

Первое издание словаря учитывало двести языков Европы, Азии,

второе — двести семьдесят два языка, среди которых были уже на-
речия и африканские и американские.

Работы лингвистов заставили европейцев в гораздо большей сте-
пени осознать свое родство с другими народами мира.

И Валерий Брюсов писал, отвечая на писания немецких национа-
листов во время первой мировой войны:

Иль мы тот великий народ,
Чье имя не будет забыто,
Чья речь и поныне поет
Созвучно с напевом санскрита...

Это созвучие действительно пронизывает русский язык. А вообще
из языков Европы ближе всех к санскриту оказалась литовская речь.

В конце концов лингвисты поняли, что перед ними большая семья
языков. На западе на принадлежащих к ней языках говорят (кроме
басков, финнов, эстонцев, венгров и некоторых народов Приуралья)
почти все европейские народы. На востоке — многие, хотя и не все,
индийские народы, иранцы, армяне...

Современная лингвистика — сложная и трудная наука. Она пы-
тается решать задачи, которые совсем недавно ученые не решались да-
же ставить. Среди них — задачу восстановления общих предков язы-
ковых семей. По языкам правнукам и праправнукам хотят восстано-
вить облик основателя семьи. А поглядите только, сколько звеньев
отделяет от этого языка, например, русский и французский языки!

Русский происходит от древнерусского, древнерусский — от обще-
славянского, общеславянский начала нашей эры — от праславянско-
го, праславянский, видимо, — от какого-то общего для предков сла-
вян, латышей, литовцев и, возможно, германцев языка, и только
после этого, вернее, прежде всего этого приходится называть праин-
доевропейский язык.

Между французским и праиндоевропейским языками дистанция
тоже огромна. Французский произошел от общего для предков всех
романских народов языка — так называемой народной латыни, на
которой говорили жители западной части разваливающейся и уже
развалившейся Римской империи. А народная латынь была, в свою
очередь, дочерью латыни «золотой» — благородного языка цицеро-
нов и цезарей времен расцвета римской державы. Но ведь сама зо-
лотая латынь происходила от древнего италийского языка, и, возмож-
но, не прямо, а с промежуточной ступенькой. Италийский же язык
произошел от того же языка, к которому восходят еще, например,
кельтские языки. И только этот язык-предок приходился «сыном» (а
скорее «внуком») праиндоевропейскому языку.

И вот по всем этим ступенькам приходилось карабкаться, а точ-
нее, спускаться вглубь тем, кто хотел восстановить речь, последний
раз звучавшую пять, а то и шесть или семь тысяч лет назад.

Мы восхищаемся великими археологами и филологами, заставляющими звучать для нас глиняные таблички, папирусы и камни с надписями на языках давно исчезнувших народов. Но тем большего восхищения заслуживают люди, восстанавливающие речь, которая никогда не была и не могла быть записана! Кстати, победа дешифровщиков крито-микенской письменности была победой и тех, кто восстановил «прадревнегреческий» язык. Посудите сами. Критские документы были написаны на много веков раньше, чем знакомые историкам древнегреческие. Критские письма отделяло от «Илиады» не меньше столетий, чем лежит их между «Словом о полку Игореве» и «Войной и миром». Дешифровка была бы невозможна, если бы лингвисты не знали законов, по которым язык меняется, не умели по виду ребенка судить о внешности родителей.

По дубу лингвисты восстанавливают желудь. Однако это сравнение не совсем правильно. Тысячу, пять, десять или двадцать тысяч лет назад люди говорили все-таки не на зародыше какого-нибудь из нынешних языков, но просто на другом языке. Если в животном мире потомки, как правило, совершеннее предков, то в мире речи это правило действует далеко не всегда. О языках последних тысячелетий совсем не так просто сказать, улучшаются они или ухудшаются. Дело обстоит иначе: они всегда развиваются и меняются, если, конечно, это живые языки. Праславянский и древнерусский языки — это ведь не зерно и колос, хотя древнерусский развивался из славянского. То же надо сказать о древнерусском и русском языке, о французском и латинском, о всех нынешних индоевропейских языках — и об их общем предке. И все-таки мы можем по русскому, польскому и другим славянским языкам судить об их общем языке-предке. А французский, русский, армянский, литовский и все остальные праправнуки индоевропейского языка говорят о своем прапрадедушке.

Языки развиваются по определенным законам, и тут часто бывает, как в математике: есть сумма, есть одно слагаемое, значит, можно узнать второе. Как в математике? Боюсь, нередко гораздо сложнее. Правда, современная лингвистика часто прилагает к себе гордый эпитет «математическая», но математика здесь, как ясно видно, прилагательное, а существительным остается наука о языке, которая пока только стремится стать точной.

А между тем даже современные живые языки изучены далеко не так глубоко, как хотелось бы специалистам.

Вот что говорил один из известнейших лингвистов мира, французский ученый А. Мейе о том же французском языке:

«Воображают, что известно, что такое французский язык. На самом деле никто по-настоящему не знает, как говорят все жители того или иного французского селения или провинциального города, а тем более Парижа. Желаящему определить дальнейшие пути развития французского языка следовало бы установить, в какой мере в деревнях и в городах употребляются местные говоры, какую особенную

форму принимает французский язык в каждой провинции, в каждом городе, а в том или ином городе — у людей каждой социальной группы, каждой профессии, каждого сословия. Французский язык известен по грамматикам и словарям, но это — лишь сводка предписаний, языковеду же важно знать, как люди, говорящие по-французски, используют правила. Однако об этом существуют лишь случайные представления... То, что справедливо в отношении французского языка, так же справедливо и в отношении всех крупных языков мира».

Правда, все это было сказано им еще лет сорок назад, но, как справедливо заметил автор предисловия к советскому изданию книги Мейе «Сравнительный метод в историческом языкознании», за тридцать лет она почти не устарела.

Тем поразительнее успехи ученых в изучении прошлого языков.

Сейчас лингвисты пытаются заглянуть уже и на многие тысячи лет назад. При этом получают иногда прямо-таки парадоксальные выводы. Построили, например, модель развития древнего праиндоевропейского языка. Некоторые черты этого древнейшего языка как будто воскресили из небытия, проверили их уже известными общими законами развития языков, сделали выводы... И получилось, в частности, что примерно пять тысяч лет назад в этом языке был... всего один гласный звук. Ученые были чрезвычайно обескуражены. Результат выглядел не только парадоксально, но даже анекдотически. Конечно, известны языки «скромные», «экономные», использующие всего пять или даже три гласных. Но один гласный на всю «азбуку»? Это уже чересчур! Между тем исследование опиралось как будто на факты и вполне логичные рассуждения. Сторонники взглядов, взятых на вооружение авторами этой работы, буквально обшарили весь мировой фонд языков, пытаясь найти что-нибудь похожее на то, что в ней получилось. И один из них с торжеством «предъявил» обнаруженный им в Канаде индейский язык, который тоже обходится ровно одним гласным.

Разумеется, даже эта находка не стала абсолютным доказательством того, что верна предложенная модель развития языков. Гипотеза есть гипотеза, и сама по себе смелость ее придает ей не прочность, а только блеск. По-прежнему не все ученые согласны с ее справедливостью. Но, значит, уже сегодня возможны попытки заглянуть в прошлое языка на шесть или более тысяч лет.

Впрочем, в данном случае слово «попытка» вряд ли подойдет. Большинство лингвистов полагает все-таки, что праиндоевропейский язык восстановлен в своих наиболее важных чертах. А когда ученые достигли этой цели, оказалось, что и она может быть средством, как всякая цель в науке.

Вспомните, в этой книге мы с вами уже говорили о том, как четко и последовательно язык отражает историческую реальность.

Слова, которые употребляли шесть тысяч лет назад, обозначали предметы и понятия, бывшие тогда в ходу. Если в праиндоевропей-

ском языке было слово «вдова», то это значило, что тогда уже существовали прочные семьи, и потеря мужа резко меняла положение женщины в обществе. Если в праиндоевропейском языке существовало слово «овца», значит, тогда было овцеводство. В языке было название для льна и для ткани из него; праиндоевропейцы говорили между собой о металле вообще и бронзе, в частности, — значит, им была известна металлургия. Они знали, что такое богатство, в том числе богатство, связанное с торговлей, и знали, что такое нищета, потому что были у них особые названия для людей обездоленных, значит, среди праиндоевропейцев уже началось классовое расслоение, были эксплуататоры и эксплуатируемые. Язык знает слово «раб» и «свободный» (кстати, «свободный» звучало примерно как «арий»). Печальную славу заслужил у человечества бред о высшей арийской расе. Но сами арии — так историки называли прежде праиндоевропейцев, а теперь происшедшие от них индоиранские племена, — сами-то настоящие арии в этом не виноваты.

Имущество передавалось по наследству, иначе бы не было в языке определения «лишенный наследства». На имущество порой покушались — слово «вор» унаследовано от тех далеких времен.

Мы знаем, что делились индоевропейцы на три сословия. К одному принадлежали свободные крестьяне, к другому — воины, к третьему — жрецы.

Мы знаем, что жили праиндоевропейцы большими семьями, в которых полным хозяином был глава. Знаем, что семьи входили в племена, которые довольно мало зависели друг от друга, хотя и заключали временные союзы. И все это рассказал словарь. Только словарь.

Как не вспомнить стихи С. Маршака:

На всех словах — события печать.
Они дались недаром человеку.
Читаю: Век. От века. Вековать.
Век доживать. Бог сыну не дал веку.
Век заедать, век заживать чужой... —
В словах звучит укор, и гнев, и совесть,
Нет, не словарь лежит передо мной,
А древняя рассыпанная повесть.

Маршак писал о словаре русского языка. Повесть словаря праиндоевропейского гораздо древнее и еще «рассыпаннее».

Но даже по тем словам, которых в этой «повести» нет, можно многое сказать о ней самой и о народе, ее создавшем.

Вот, например, для понятия *канал* многие индоевропейские языки взяли название, которое ему дали в Египте. Это значит, что своего древнего названия для ирригационных сооружений у них не было. Видно, индоевропейцы в древности или вообще не копали каналы или делали это чрезвычайно редко.

Словарь говорит и о том, что не было у праиндоевропейцев еще единого централизованного государства, не было и письменности.

Как ни парадоксально, оба эти обстоятельства, похоже, сыграли важную роль в распространении по лицу земли индоевропейских народов. Некому было удержат на первоначальной общей территории независимые племена, нечему было скрепить их связь и помешать сверхдальним походам. Со своей прародины разошлись индоевропейцы в разные стороны.

Где была эта прародина, ученые пока никак не могут договориться. Да и мудрено ли? Надо найти страну, которой нет уже пять, шесть или семь тысяч лет. А может, и больше. Но найти ее хочется. Потому что интересно же знать, где зародился язык, от которого произошла речь большей половины современного человечества.

Самые популярные у ученых адреса для прародины — Северное Причерноморье, Балканский полуостров, Малая Азия и Иран. Иногда называют и Центральную Европу, и Среднюю Азию.

Люди стали в последнее время меньше заботиться о том, чтобы поддерживать связь с родней. Быстро забывают, как звали прадеда, долгими годами не видятся с троюродными или двоюродными братьями. А вот народы следят, пожалуй, за своим родством теперь тщательнее, чем прежде, и глубже прослеживают его корни.

Уже и между семьями языков ученые ищут родственные связи. Есть теория, согласно которой шесть больших языковых семей должны вместе составить этаким языковым... род, что ли. Или племя. Впрочем, лингвисты говорят точно: надсемью. В том числе: индоевропейская, алтайская (тюркские языки — одна из ее ветвей); уральская (о ней вы прочли в главе «Большая родня»); семито-хамитская (арабский, древнееврейский, финикийский, ассирийский, эфиопский, язык хауса, еще некоторые языки, древние и новые, в Азии и Африке; название семья получила по Симу и Хаму, мифологическим сыновьям того самого Ноя, что спасался, по Библии, от потопа в огромном корабле-ковчеге); кавказская и дравидийская (на ее языках говорят многие народы Южной Индии). Все шесть семей, согласно этой теории, тысячелетий этак десять или двадцать назад отошли от общего корня. А надсемью называли лингвисты просто «ностратической», то есть, по-латыни, «нашей». Надо ли говорить, что название дали ученые, которые сами говорили и писали на языках этой надсемьи.

Была сделана попытка восстановить тот общий язык, от которого пошла надсемья. Очень много для его реконструкции сделал необычайно талантливый и очень рано умерший советский лингвист Владислав Маркович Иллич-Свитыч. Он даже написал стихотворение на этом языке. Вот оно, в переводе:

Язык — это брод через реку времени,
Он ведет нас к жилищу ушедших;

Но туда не сможет прийти тот,
Кто боится глубокой воды.

Надо сказать, что этим советский лингвист продолжил традицию. Ведь когда-то и немецкий лингвист Август Шлейхер, чьи труды лежат в основе попыток воссоздать индоевропейский праязык, написал на этом предполагаемом языке стихотворение, точнее, басню. Вот ее перевод:

Стриженная овца увидела
Лошадей, везущих тяжело груженный воз,
И сказала: «Сердце сжимается, когда я вижу
Людей, погоняющих лошадей». Но лошади ответили:
«Сердце сжимается, когда видишь, что люди
Сделали теплую одежду из шерсти овец,
А овцы ходят остриженными.
Овцам приходится труднее, чем лошадям».
Услышав это, овца отправилась в поле.

Басня Шлейхера появилась на свет в 1868 году. Почти точно на столетие позже были написаны стихи о языке как бродя через реку времени.

Стоит обратить внимание на различия в словах, использованных в обоих стихотворениях. Общий праиндоевропейский язык, вероятно, существовал еще пять-шесть тысяч лет назад. Тогда уже были одомашнены лошади и овцы, изобретены колесо и повозка.

А вот Иллич-Свитыч уже не мог писать ни о домашних животных, ни о телегах, ни о полях: скорее всего, в эпоху, язык которой он воссоздавал, не была еще приручена даже собака, не растили еще люди хлеб... Но и тогда они говорили, как мы сегодня, о реках и переходах через них, строили жилища, знали, что надо быть мужественными.

(Одно замечание. Прошло девять лет со дня смерти В. М. Иллич-Свитыча, а продолжатели его дела уже ушли далеко вперед. Они говорят, что надо было бы внести поправки в текст его ностратического стихотворения. Ну что ж, это естественно. В басне Шлейхера или в ее переводе тоже были ошибки. Одна из них историческая. Овца у праиндоевропейцев не могла быть остриженной — ножницы изобрели лишь в первом тысячелетии до нашей эры, когда праиндоевропейского языка давно не существовало. До этого шерсть выщипывали. Но все равно язык не поворачивается сказать: ошипанная овца.)

Теория о ностратической надсемье имеет много шансов быть окончательно и строго доказанной.

Но ностратическая надсемья тоже не изолирована. В нее входят, например, угро-финские народы, члены алтайской семьи, языки которых отдельные ученые упорно связывают с рядом индейских языков Америки. Даже название для такой «межсемейной» семьи придумано, по именам самых восточных (в Америке) и самых западных (в Европе) ее представителей говорят о денефинских народах.

Как будто удается связать языки аборигенов Австралии с речью народов Южной Индии.

Ждут своего объединения — руками ученых, конечно, — многие языковые семьи, которые пока еще кажутся далекими друг от друга.

Очень важно тут разрешить одну «частную» проблему, которая может стать ключом ко многим проблемам более широким. Я имею в виду загадку шумерского языка.

Шумеры — один из тех народов мира, имя которого известно каждому, кто изучал историю. Человечество обязано шумерам чрезвычайным многим. Их вклад в историю не меньше, чем вклад Древнего Египта. Шумеры предшествовали в Месопотамии вавилонянам. Это шумеры разделили сутки на двадцать четыре часа, придумали семидневную неделю, разработали сложнейшие ирригационные системы и т. п. и т. д.

Шумерские надписи расшифрованы. Мы прочли древние поэмы шумеров, узнали их законы, узнали и многие законы шумерского языка, ставшего мертвым больше трех тысяч лет назад. Не знаем только, каким был шумерский язык. Не был он, по-видимому, ни индоевропейским, ни семитским, ни кавказским, его не могут пока с уверенностью отнести ни к одной другой известной лингвистам семье.

Найти родителя для шумерского языка пока не удалось. Он выглядит сиротой, да к тому же еще и бездетным: не смогли найти и языков, которые бы произошли от шумерского. Мало того, сирота оказался вовсе лишенным родни — ни один известный древний или новый язык не удалось записать шумерскому хотя бы четвероюродным братом.

Это было загадкой. Мало того, это закрывало пути к решению других загадок. А. Мейе, французский лингвист, — я его уже цитировал в этой книге — говорит, что изолированный язык лишен истории. Его ни с чем нельзя сравнивать, трудно и часто невозможно узнать, какие слова и грамматические конструкции в нем древнее, какие моложе, каковы законы его развития...

И все это оказывается верным по отношению к языку народа, значение которого для истории человечества трудно переоценить, народа, исторический подвиг которого так поразил некоторых историков, что они, конечно, напрасно, даже объявили древнюю Месопотамию шумеров главным и чуть ли не единственным источником культуры всего мира, бросив лозунг: «С востока свет». Сейчас шумерский язык пытаются все-таки заново ввести в семью. Одни ученые говорят об отдаленном родстве его с языком дравидов — темнокожих жителей Индии. Другие пытаются хотя бы перебросить мостик между шумерским языком и языками тибето-бирманских народов.

Если одна из этих гипотез будет доказана, многие важные факты истории можно будет увидеть в новом свете, больше узнать о древнейших передвижениях народов, о путях развития цивилизаций.

Но все доказанные и предполагаемые аргументы в пользу родства

языков бледнеют на фоне гипотезы, утверждающей, что все мы, все люди мира, говорим на одном языке.

Как так?.. Конечно, каждый из нас раньше или позже с удивлением выясняет, что привычные ему формы родного языка совсем не обязательны для человеческой речи. На школьных уроках английского, немецкого или французского почти возмущаешься явно ненужным, на твой взгляд, и все-таки непременным артиклем, поражаясь, как англичанам, например, удастся зато обходиться почти без падежей. Но наука о языке знает и более удивительные, с нашей точки зрения, вещи.

В речи эскимосов фразы очень трудно разбить на слова. В тюркских языках основа слова и его суффикс относительно самостоятельны и «гуляют сами по себе», оказываясь порой в отдаленных друг от друга местах предложения. У китайцев почти все слова очень короткие, односложные и вообще не меняют своей формы.

Есть языки, в которых значение слов и смысл фраз зависят от музыкального тона фразы.

Таких примеров различий между языками можно привести великое множество.

Но зато у всех языков мира — от вьетнамского до английского, от суахили до украинского, от якутского до языка индейцев аймара — есть некоторые общие черты. Ученые говорят о языковых универсалиях — правилах, действующих с одинаковой силой во всех наречиях и диалектах планеты.

Пока что нам наверняка известны далеко не все такие универсалии. И можно высказывать только предположения о том, чем объясняются многие из них. Что-то может тут зависеть просто от устройства голосового аппарата человека, что-то от глубинных, основных законов нашего мышления и так далее. Нам, естественно, больше всего бросаются в глаза отличия; для нас всего важнее, что носители этих языков не понимают друг друга. Но лингвисты-теоретики, хорошо представляющие, какие в принципе, согласно законам одной лишь теории вероятности, возможны между языками различия, считают реальное разнообразие языков отнюдь не таким уж безбрежным. Скорее наоборот.

Вот если учесть все эти обстоятельства, говорят некоторые из теоретиков, то утверждение о единственном земном языке не покажется таким уж большим преувеличением. Но коли так, то на этом языке говорили ведь и десять тысяч лет назад и много больше.

А группа американских лингвистов заходит в своей оценке языкового единства мира еще дальше. Они не только ручаются, что двести пятьдесят — триста веков назад все люди, все члены вида *гомо сапиенс*, говорили на этом же самом «едином» языке, но и готовы приписывать владение им даже неандертальцам. А недавние опыты по обучению обезьян условной речи продемонстрировали якобы, что фразы, составленные шимпанзе, подчиняются некоторым законам все

того же «единого» языка. (Правда, обучали-то обезьяну люди. Об этом забывать все-таки нельзя.)

Было высказано также предположение, что некоторые черты «единого языка» не усваиваются ребенком в процессе обучения, но наследуются им. Автор его ссылаясь на общеизвестные способности, проявляемые каждым ребенком, осваивающим родной язык. Те самые способности, о которых Корней Чуковский писал в своей книге «От двух до пяти». Вот цитата из нее, которая «льет воду на мельницу» этой гипотезы:

«Страшно подумать, какое огромное множество грамматических форм сыплется на бедную детскую голову, а ребенок как ни в чем не бывало ориентируется во всем этом хаосе, постоянно сортируя по рубрикам беспорядочные элементы услышанных слов и при этом даже не замечая своей колоссальной работы. У взрослого лопнул бы череп, если бы ему пришлось в такое малое время усвоить то множество грамматических форм, которое так легко усваивает двухлетний лингвист. И если изумителен труд, выполняемый им в это время, то изумительнее та беспримерная легкость, с которой он этот труд выполняет».

Лингвистика тут в лице отряда своих представителей, правда очень небольшого, посягнула на чужие владения, не зная притом дорог по ним. А современная биология категорически против гипотезы о наследовании любых приобретенных способностей, к числу которых пришлось бы отнести и врожденное знание законов речи. Впрочем, огромное большинство лингвистов тоже отмечает возможность наследования языковых знаний.

Что же, это лишний раз подчеркивает нашу одаренность: приятно же сознавать, что хоть ты и не гений, да был им в раннем детстве.

БОЙ ГИПОТЕЗ

Но вернемся сейчас и от древнейших праотцов и от детей ясельного возраста в более конкретную и близкую историю. Обратимся к людям, которым обязаны своей речью и фундаментом своей культуры все, кто говорит сегодня на русском, украинском, белорусском, сербохорватском, польском, болгарском, чешском, словацком, македонском и словенском языках.

Обратимся к общим предкам всех славянских народов — древним славянам.

Как полагают языковеды, три, четыре или пять тысяч лет назад племена, от которых еще только должны были произойти германцы, славяне, балты (литовцы и латыши), жили вместе на сравнительно небольшой территории и говорили на диалектах одного и того же языка.

Позже диалекты «разошлись», став отдельными языками, и на карте мира, которую тогда некому было составить, впервые появились германцы, славяне, балты.

(Искать славянские племена в намного более далеком прошлом бессмысленно, так же как бессмысленно искать, где жили пять тысяч лет назад древние греки. Замечательный русский историк В. О. Ключевский писал по поводу таких попыток:

«Историческая этнография, изучая происхождение всех этих (древних) народов, пыталась выяснить, какие из них принадлежали к кельтскому и какие к германскому или славянскому племени...» Но «эти племенные группы, на которые мы теперь делим европейское население, не суть какое-либо первобытное извечное деление человечества: они сложились исторически... в свое время каждая».)

Никто не мог в то далекое время пометить на карте, где именно живут славяне, где германцы, а где, скажем, кельты... Поэтому спустя тысячи лет одним из самых сложных вопросов истории стала проблема прародины славян. Где же жили первые славянские племена?

Мы примерно знаем, что германцы, например, обитали три тысячи лет назад на крайнем севере Германии, в Дании и на юге Скандинавского полуострова. Только в середине и конце первого тысячелетия до нашей эры и в начале первого тысячелетия нашей эры германские языки распространились по всей теперешней территории Германии; только в середине первого тысячелетия нашей эры они перемкнули, вместе с англами и саксами, в Англию; только в самые последние столетия германская семья языков, представленная в данном случае английским языком, стала «хозяйкой» Северной Америки, Австралии, Новой Зеландии, завоевала сильные позиции в Южной Африке. И центром, откуда началось это «лингвистическое нашествие» и были, вероятно, нынешняя маленькая Дания, Южная Норвегия и Южная Швеция.

Полторы тысячи лет назад историки видят славян уже занимающими большие территории и продолжающими расселяться на огромных территориях центра, востока, юга Европы. С XVI века нашей эры славянские языки все решительнее проникали в Азию, и сегодня на них говорят почти все жители Сибири и нашего Дальнего Востока, более половины жителей Казахстана и т. д.

Но не могут ученые договориться между собой и окончательно установить, где же лежала земля, с которой вышли в победоносный поход славянские языки. Мы точно знаем, что в V—VI веках нашей эры славяне вторгаются в пределы Византийской империи, и хроники византийских историков вскоре начинают пестреть наименованиями славянских племен и их вождей.

С точки зрения человека, изучающего исторические документы, имя славян появляется в них внезапно. Но ясно в то же время, что для самих историков, рассказывающих о славянах, этот народ не был чем-то дотоле неизвестным, взявшимся неведь откуда. Обстоятельно

обсуждают римские и византийские историки, как и откуда появились на Европе, скажем, гунны или авары; но и в голову не приходит многомудрым знатокам прошлого и настоящего заниматься происхождением славян. Сегодняшние историки полагают, что это свидетельствует о знакомстве римлян и византийцев со славянами: к чему были рассуждения о всем тогда известных фактах! А в результате об этих фактах приходится теперь догадываться... Ведь до VI века самое имя славян не встречается в записях, сделанных в странах, где тогда уже существовала письменность. А точнее говоря, встречаются другие имена, одни из которых, по всей видимости, относятся именно к славянским племенам, а другие — возможно, к славянским, а возможно, и нет.

Тацит в I веке нашей эры говорил о племенах венедров, которые живут в бассейне Вислы, по образу жизни близки к германским племенам, своим западным соседям; на востоке венедры граничат с кочевниками — сарматами.

Во II веке нашей эры географ Птолемей писал о венедах, живущих и у Карпат и у Венедского залива (видимо, в Прибалтике). Есть отрывочные сведения о венедах и у древних античных писателей более раннего времени. В раннем средневековье западноевропейские ученые не сомневались в том, что венедры и славяне — одно и то же. Финны и эстонцы, как я уже говорил, до сих пор зовут русских именем «вене».

Но все эти данные относятся в основном к рубежу нашей эры. А раньше? Где славяне жили раньше? Да и в сообщениях историков первых веков нашей эры так много неясного, что затруднительно точно установить, где именно жили и в это время славянские племена.

Не забудьте, последняя тысяча лет до новой эры и первая тысяча лет новой эры были в Европе временем весьма бурным. Кельты и римляне, гунны и авары и многие-многие иные народы и племена переселялись, выступали в завоевательные походы, оседали на новых землях...

Вспомните, сколько хозяев сменила хотя бы Дунайская Паннония, ставшая в конце концов Венгрией (вы прочли об этом в главе «Семь племен и пять стран»).

А она ведь отнюдь не была исключением...

Число предположений, связанных с проблемой славянской прародины, огромно.

И все-таки большинство научных гипотез можно разбить на несколько основных групп. Что же, начнем с самой северной из предполагаемых прародин. Есть ученые, которые размещают прародину славян в Южной Прибалтике. Ведь венедры, судя по сообщениям историков римского времени, жили у Балтийского моря. Но проведенный лингвистами анализ древнеславянского языка как будто подрубил корни этой идее. Дело в том, что в этом языке, по-видимому, совсем

не было слов, относящихся к морю. Зато было множество слов, касавшихся рек, болот, озер... Исконными и собственно славянскими кажутся, однако, многим лингвистам названия рыб лососевых пород. Рыб, которые водятся в реках, впадающих в Балтийское море.

Впрочем, только ли названия рыб были привлечены историками на помощь! Деревья и звери, реки и села (я имею в виду их названия) «боролись» друг с другом, помогая ученым найти истину. Дело в том, что народ, придя на новое место, часто берет у местных жителей слова, обозначающие явления и вещи, с которыми этот народ не встречался на своей родине. Например, если название бука в древнеславянском языке чужое, значит, буки на прародине славян не росли.

К сожалению, это правило, во-первых, соблюдается не всегда; во-вторых же, за минувшие две-три тысячи лет не только народы, но и растения изменяли занятые ими территории — ведь менялся климат. Современная восточная граница распространения бука в Европе проходит не там, где она проходила пятнадцать веков назад, а тогда она проходила не там, где еще на пятьсот или тысячу лет раньше...

Так или иначе, но «вторая», если идти от Балтийского моря на юг, гипотетическая прародина славян лежит в междуречье Вислы и Одера, причем к морю не прилегает. «Третья» территория, которую отстаивает большая группа историков, расположена между Днестром и Вислой. Нередко «вторую» и «третью» территории рассматривают как единый массив земель, занятых в древности праславянами: ряд ученых считает, что прародина славян лежала между Одером и Днестром.

Прикарпатье — тоже очень серьезный претендент на право зваться славянской прародиной.

Наконец, есть еще один очень серьезный кандидат на это звание — Паннония, которую я так часто упоминал в этой книге.

Три легендарных брата, Чех, Лех и Рус, положившие начало чехам, полякам и русским, по этой самой легенде были сыновьями Пана и жили сначала как раз у венгерской ныне части Дуная. Легенда эта поздняя, записана, вероятно, в XIII веке, и ей вряд ли можно верить. Но вот русский летописец тоже говорит о прародине славян на Дунае. А само слово «пан» стало почетным обращением у нескольких славянских народов. (Однако существует еще предположение, что слово «пан» пришло к славянам из скифского языка.)

Издавна поражает ученых особое внимание славянского фольклора к слову «Дунай». В русских, украинских и белорусских песнях Дунай становится порою обозначением реки вообще.

В белорусском Полесье минские фольклористы Ф. Д. Климчук и В. В. Шепелевич недавно записали в двух деревнях шестьсот семь песен. В двадцати двух из этих песен встречается река Дунай, и ни в одной песне нет никакой другой реки!

В песнях живет память о бесконечно древних обычаях, некоторые детали тут явно восходят к обычаям жертвоприношений в честь реки.

Дунай в песнях берет в жены девушек, воспитывает порученных ему детей, выполняет обращения к нему мольбы.

Мало того. В этих местах Полесья есть старики, которые полагают, что воды всех полесских рек и речек в конце концов вливаются в Дунай.

Легенды, предания, фольклор всех видов — часто не слишком надежный исторический источник. И все же сумма таких «косвенных уликов» поражает воображение.

Однако до Дуная в начале нашей эры доходили владения Римской империи; живи здесь славяне в это время, их не могли бы не заметить римские историки.

Вот возможный ответ, предложенный тридцать лет назад профессором С. П. Толстовым и поддержанный совсем недавно В. П. Кобычевым в его книге «В поисках прародины славян».

Славяне действительно жили примерно в середине первого тысячелетия до нашей эры на Дунае, но затем их оттеснили на север те самые кельтские племена, которые проложили себе тогда широкую дорогу через Европу.

С Дуная славяне могли уйти от кельтов и в Прикарпатье, и на Вислу, и на Одер. Кельты подошли затем и к этим районам, вызвав новое передвижение славянских племен, на этот раз к Днепру.

Новое появление славян на Дунае в V—VI веках новой эры было, если дело обстоит так, в каком-то смысле слова возвращением на родину.

Но это только предположения...

Мы знаем, что, заняв Балканы, славяне передали свой язык древнему местному населению, с которым смешались. Мы знаем, что в Восточной Европе продолжившие свое движение на север и восток от среднего течения Днепра славяне встретились с многочисленными балтийскими и финскими племенами, постепенно передавая им свою культуру и свою речь. Крупный советский историк и археолог профессор П. Н. Третьяков говорит, что в первом тысячелетии нашей эры здесь происходило «большое культурно-историческое и этническое соствязание, участниками которого были финно-угры, восточнобалтийские и восточнославянские племена».

Все эти племена в результате продвижения славян жили вперемежку. В «состязании» решалось, чьи язык и культура возьмут верх.

Славянский язык победил; мы уже видели на многих примерах, как языки одерживают такие победы.

Но не только финские и балтийские племена были вовлечены славянами в Восточной Европе в процесс образования нового великого народа. Остатки скифов и сарматов, отдельные фракийские, тюркские и иные племена вошли в состав союзов, из которых в конце концов сложился древнерусский народ.

А почему он стал называться русским, почему наша Родина получила имя Руси? Почему славяне вообще называются славянами?

Ответов на эти вопросы несравненно больше, чем даже гипотез, касающихся прародины славян.

Славяне — от *слава!* Красиво, но большинство лингвистов говорит, что ранняя форма не «славяне», а «словене». Словене — от *слово!* Кажется, хорошо — ведь народы нередко подчеркивают в своих именах то обстоятельство, что их речь понятна... для них самих.

Словене — от древних форм слова «свой», от слова «слуга», обозначающего когда-то члена общины, от слова, означающего «влажный» (то есть имеющего в виду славян, как жителей богатых озерами и болотами мест).

Предположений много, но А. И. Попов, автор вышедшей в 1973 году в издательстве «Наука» книги «Названия народов СССР», категоричен:

«Вообще все попытки объяснения племенного имени *славяне, словене* неубедительны». Вообще все! Вот как...

Очень схожее положение с названием Русь.

Впервые, по-видимому, имя росов (русов) было записано сирийским писателем VI века, который рассказывает о народе рос, где «мужи с огромными конечностями, у которых нет оружия и которых не могут носить кони из-за их тел».

Так, вероятно, древний писатель образно противопоставлял воинственным кочевникам, не расстающимся с конями и оружием, их мирных соседей — земледельцев.

Академик Б. А. Рыбаков говорит:

«В старом земледельческом районе, лесостепи, на берегах р. Роси существовало племя рос или рус...»

В VI в., когда славяне оправились от гуннского разгрома, а в степях появился новый, не менее грозный враг — обры (авары), племена лесостепи сплотились в большой союз под гегемонией наиболее южного, близкого к степям, приднепровского племени росов, или русов...

Когда в IX в. сформировалось первое феодальное государство у восточных славян, оно по древней 300-летней традиции продолжало именоваться Русью.

Понятие «Русская земля» расширялось вместе с ростом государственной территории и постепенно охватило все восточнославянские племена».

По мнению одних ученых, имя росов связано с рекой Рось в Поднепровье, другие это отрицают. В поисках исторических корней названия Русь вспоминают и о народе росомонов, жившем на юге Восточной Европы в середине I тысячелетия нашей эры. Правда, лингвисты указывают, что росомоны были, скорее всего, каким-то ответвлением ираноязычных сарматов или скифов — на их языке слово «мон» должно было означать «человек».

Искали корни слова «рос-рус» и в шведском языке и в иных, но все эти попытки никак нельзя считать доказательными.

Стоит рассказать — уже из-за ее новизны — об одной из последних гипотез о происхождении слова «Русь», гипотезе, принадлежащей В. П. Кобычеву. Он обратил внимание на то, что названия с корнем *рус* часто лежат в Центральной и Восточной Европе на пути, по которому прошло племя ругиев. Законы языка не противоречат такому превращению *г* в *с*; а племя ругиев, жившее на рубеже нашей эры на южном берегу Балтийского моря, во II—III веке живет уже в Приднепровье и Прикарпатье, затем на Среднем Дунае, в Паннонии. Вождем ругиев (и сквиров) был Одоакр, вторгшийся в Италию и свергнувший с трона последнего римского императора. Неизвестно точно, кем были ругии «с самого начала»: германцами, балтами или славянами, но есть основания считать, что в начале второй половины первого тысячелетия н. э. они стали (или остались) славянами по языку и культуре.

В пользу мнения о том, что имя «Русь» связано с ругами, говорит, по мнению Кобычева, многое.

Не раз и не два, например, в документах германских, английских и других Русь называют Ругией, землей ругов и т. д.

И все-таки... Все-таки этот давний вопрос никак нельзя считать решенным.

И нам остается только утешать себя, как это делает А. И. Попов, что «объяснение этнического имени может представлять интерес лишь в случае полной уверенности в его правильности, и то, конечно, интерес весьма частного характера, так как очень важных следствий отсюда вывести нельзя».

Но как бы ни произошло это имя, сегодня оно известно всему миру.

Древняя Русь стала одной из великих держав Европы, ее народ создал бессмертную культуру, которую передал наследникам, трем своим сыновьям — народам русскому, украинскому и белорусскому.

ТРИ В ОДНОМ

Прогресс в истории принимает иногда странные формы. Когда место рабовладельческого общества занимает феодальное, всем как будто становится лучше. И феодалы как-то не жалеют о том, что они не рабовладельцы, и крепостные, вероятно, рады, что они не рабы. Все-таки прав больше, есть свой дом, кусок земли, и, главное, все это можно бросить и уйти к другому феодалу, у которого чуточку лучше жить. Пока.

Но феодализм по мере своего развития ведет к феодальной раздробленности той страны, где он нормально прогрессирует. Феодальная раздробленность — результат экономического и военного прогресса. Это благодаря ему каждое отдельное княжество или герцог-

ство оказывается в состоянии существовать почти независимо от политического центра страны, отбивая, если нужно, оружием притязания такого центра на реальную власть над собою. Но феодальная раздробленность ведет в то же время к тому, что падает общая сила сопротивления удельных владык внешнему врагу.

Разрозненные силы Руси были разбиты монголами.

Монгольское иго продолжалось сто сорок лет в своей наиболее тяжелой форме, и еще сто лет — до 1480 года — платили московские государи дань монгольской Золотой Орде, формально оставаясь ее вассалами.

Четверть тысячелетия нашей истории омрачена тенью монгольских завоевателей.

В десятках древнерусских городов при раскопках лопата археологов встречает, уходя вглубь, слой, где земля перемешана с пеплом и костями — след удара монгольской сабли, как сказал один из исследователей, шрам, оставленный не только в земле — на теле великого народа.

Один из следов, оставленных монгольской саблей, видят некоторые ученые в современных этнических границах между восточнославянскими народами. Живое тело еще недавно могущественной Древней Руси, населенной одной древнерусской народностью, было разорвано соседями на несколько частей.

Самая большая из них дольше всего находилась под татаро-монгольской властью и освободилась от нее под руководством Москвы. Здесь сложился русский народ.

Земли, постепенно захваченные литовским великим княжеством и польским королевством — частью у местных русских князей, частью уже у татарских ханов, — оказались отделены от русских земель государственной границей.

Чрезвычайно важную роль сыграла эта граница в формировании украинского и белорусского народов, но причины их формирования связаны не только с самим фактом существования такой политической границы.

Территория теперешней Белоруссии еще во времена Древней Руси имела свои бытовые особенности, унаследованные во многом от живших здесь, еще до объединения страны вокруг Киева, племен дреговичей, кривичей, половчан и радимичей. Кстати, есть ученые, которые считают, что это были уже не племена, а племенные союзы. В белорусском языке, особенно на юге республики, есть особенности, которые могут быть следами древнего наречия дреговичей.

Надо добавить, что рядом со славянами здесь долго жили постепенно растворявшиеся среди них балтийские племена, родственные современным литовцам. Известный советский археолог В. В. Седов развивает мнение, что некоторые следы культурного наследия балтов имели важное значение в выработке отличительных черт белорусского народа. Того же мнения держался профессор М. И. Артамонов.

Чрезвычайно важную роль в сложении белорусского народа сыграла его борьба против ополячивания и окатоличивания. Народ одержал в этой борьбе, вопреки политическому и национальному гнету, победу. Надо сказать, что, пока Белоруссия входила в состав Литовского великого княжества, эта часть страны, как и другие славянские области княжества, оказывала большое влияние на могущественных литовских князей. Само государство это именовало себя Литовско-Русским, многие удельные князья его, члены правящей династии Гедиминовичей, переходили в православие. Государственным языком всей Литвы был русский, на нем составляли судебники и издавали великокняжеские грамоты.

Но соединение Польши и Литвы в одно государство привело в дальнейшем к резкому усилению в Белоруссии (и на Украине) влияния польского дворянства и католицизма. Иные польские государственные деятели утверждали, что белорусский язык — лишь один из польских говоров. Лучший отпор им дал Адам Мицкевич, великий польский поэт, сказавший о белорусском языке:

«Это самое богатое наречие, оно возникло давно и прекрасно разработано».

Самих белорусов паны стремились ополячить. Но их усилия оказались напрасными. Мало того, часть белорусов издавна составляла католики. Судя по всему, эти белорусы-католики — потомки литовцев, крещенных по католическому обряду литовским великим князем Ягайлой в 1387 году. Сохранив религию, они приняли язык и обычаи белорусов (так же, как часть белорусов, по-видимому, принимала в разные периоды быт и язык литовцев). В формировании белорусского народа участвовали и жители Южной и Восточной Руси, бежавшие от татар на северо-запад, куда их полчища не дошли. А в начале XV века в Белоруссии поселил часть захваченных им в плен татар великий князь литовский Витовт. Этот отчаянный рубака так глубоко прорвался в татарские владения, что на время стал хозяином даже части Крыма. Татары быстро приняли белорусский язык, но писали на нем, обозначая звуки белорусской речи знаками арабской вязи.

Политическое обособление Белоруссии от других древнерусских земель способствовало превращению местных наречий в отдельный язык.

Внутри каждой из трех частей, на которые распался древнерусский народ, усиливались хозяйственные и культурные связи. Но древняя общность не была забыта. В. И. Ленин говорил, что русские, украинцы и белорусы очень близки «и по языку, и по месту жительства, и по характеру, и по истории».

Такова была судьба всех восточнославянских народов, что каждый из них должен был бороться за самое свое существование против более сильного поначалу захватчика. Монгольское иго надо было преодолеть. Надо было сломить его, не потеряв душу народа,

не утратив своеобразия культуры, не прервав в жестокой борьбе связь времен. Не раз и не два оказывалась Русь разоренной вконец, казалась загубленной.

И все же не только вера, но твердое знание звучит в словах Ивана Телегина из романа «Хмурое утро» Алексея Толстого: «Уезд один от нас останется — и оттуда пойдет Русская земля».

Сами названия всех трех восточнославянских народов говорят, что эти народы помнят свое происхождение от Древней Руси: русские, белорусы (кстати, так и не решено окончательно, почему именно белорусы), украинцы (происхождение этого названия яснее: украинцы живут на окраине общерусских земель; появилось это название еще в эпоху Киевской Руси, но тогда, уж конечно, оно никак не могло относиться к Киевщине).

В главе «Дездишадо» много говорилось о роли казачества в истории Украины; здесь же я еще раз хочу подчеркнуть, что по своему значению в истории граница границе рознь. Граница между Литовским княжеством и Золотой Ордой была важна при разделении Древней Руси на Россию, с одной (буквально) стороны, и Украину и Белоруссию — с другой.

Но то обстоятельство, что Белоруссия вместе с большей частью Украины оказались на долгое время в составе одного государства, не сделало украинцев и белорусов единым народом. В то же время границы между Польшей, Венгрией, Чехией, Молдавией, Турцией, Татарским ханством, не раз рассекавшие украинский народ на три, четыре и даже более частей, не смогли лишить народ ни общего языка, ни внутреннего ощущения собственного единства.

Естественно, что украинский язык оказался благодаря особенностям своей истории несколько более схож с языками западнославянскими, чем русский.

Может быть, поэтому киевский школьник Сережа Карасев, герой рассказа Владимира Киселева «Если ты поедешь в Прагу», рассуждает:

«Если ты поедешь в Прагу, то сразу почувствуешь, что украинский язык нужно учить. По-настоящему. А не так, как я, на тройки. Я разговаривал с чехами. Если они говорили медленно, то я почти все понимал. И когда я говорил по-украински — они меня понимали. И словаки тоже понимали украинский язык. В нашей гостинице жили польские офицеры — объясняться с ними мне было очень просто».

Правда, выяснилось, что свое понимание чешского языка Сережа переоценил. Он на вокзале совершил не совсем по своей вине не очень-то хороший поступок и «...какой-то дяденька в форме стал меня кричать: «Позор! Позор!» Я бросился от него наутек, но тут другой точно так стал кричать: «Позор! Позор!» Потом третий, в общем, кричал весь вокзал. Я очень испугался, побежал к дедушке... И сказал ему: «Пойдем скорей. Уже, кажется, начался международный скандал». Мы быстро пошли к киоску. Продавщица ничуть не

удивилась, что я сначала убежал, а потом вернулся, дедушка заплатил деньги за лимонад, но когда мы отошли от киоска, я услышал, что какой-то человек снова кричит: «Позор! Позор!»

«Мы же заплатили, — сказал я дедушке. — Зачем же он снова орет?»

Дедушка странно посмотрел на меня и хмыкнул, словно подавился. «Позор», — сказал он, — это по-чешски значит, «внимание», «осторожно». Это носильщики просят, чтобы им дали дорогу».

Я специально привел такую длинную цитату, чтобы дать отдохнуть читателю. Но обратите внимание: школьник, несмотря на все свои лингвистические ошибки, предпринял истинно научный эксперимент — стал использовать национальный язык как международный.

МЫ ВСЕ — ВДВОЙНЕ И ВТРОЙНЕ РОДНЯ

(Заключение)

Для Сережи Карасева международным языком стал украинский. Потому что мальчик ясно увидел его родство со многими другими языками. Но проблема международного языка сейчас стоит и перед всем человечеством. Мы все — вы, я надеюсь, увидели это — вдвойне и втройне родня, а как же родне не понимать друг друга?

Когда-то обстоятельство, что ученые стали писать не на чуждой народу латыни, а на своих родных языках, было огромным шагом вперед. Это облегчило доступ к науке, сделало труды ученых понятными куда большему числу людей. Но сейчас случается, что нынешние физики и биологи с завистью вспоминают, как в средние века польский, скажем, ученый любой специальности свободно читал труды своего итальянского, французского, английского или испанского коллеги. А сегодня... В фантастическом рассказе Д. Киза «Цветы для Элджернона» гениальный ученый записывает в дневник:

«...Доктора Штраусса гением назвать можно, хотя я чувствую, что его знания слишком ограничены. Его обучали в традициях слишком узкой специализации. Я был потрясен, узнав, что из всех древних языков он умеет читать только по-латыни, по-гречески и по-древнееврейски... Откуда я мог знать, что такой высокоуважаемый психолог-экспериментатор, как Немюр, незнаком ни с языком хинди, ни с китайским? Ведь это нелепо, если принять во внимание те исследования, которые ведутся сейчас в Индии и Китае как раз в его области.

Я спросил доктора Штраусса, каким образом Немюр сумеет опровергнуть Рахаджамати, который раскритиковал его метод и результаты исследований, если он вообще не может прочесть его труды. Странное выражение, появившееся при этом на лице доктора Штраусса,

могло означать только одно из двух. Или он не хочет говорить Немуру, что пишут в Индии, или же — и это очень меня беспокоит — доктор Штраусс не знает этого сам».

Увы, не только в фантастических рассказах ученым — и науке — приходится страдать из-за того, что на свете много языков. Притом, с точки зрения ученых, их, этих языков, сейчас с каждым годом становится, по существу, больше. И научные труды и замечательные художественные произведения выходят на языках, порою еще недавно не имевших письменности. Переводчики не в силах поспеть ни за учеными, ни за писателями. Писателей, конечно, тут международный язык не выручит, а вот людям науки он бы очень помог. Да нет его... Пока нет.

До сих пор каждый раз, когда у отдельных групп народов возникала настоятельная потребность в международном языке, такой язык появлялся. Почему наше время должно быть исключением?

Одни ученые считают, что для такой роли надо создать искусственный язык, другие полагают, что эту роль постепенно начнет выполнять один из существующих естественных. Кажется, что вторая точка зрения ближе к истине, хотя боюсь, что это именно только кажется.

Международными языками служили когда-то греческий и латынь; до сих пор в медицине латынь, будто бы давно умершая, продолжает выполнять эту работу. Сколько раз вам приходилось, наверное, бегать в аптеку с листком, на котором врач набросал несколько «мертвых» слов.

В XVII—XVIII веках признанным международным языком был французский. К началу XX века английский язык постепенно отнял у него это положение благодаря военным успехам, благодаря удачным колониальным захватам, благодаря тому, что Англия и англоязычная Северная Америка обошли Францию по промышленной мощи, на их стороне оказался технический прогресс. Надо сказать, однако, что многие деятели французской культуры болезненно восприняли признание Лигой Наций равенства английского языка с французским. Замечательный лингвист Антуан Мейе, о котором я уже говорил в этой книге, открыто сожалел о том, что Версальский мирный договор, закончивший первую мировую войну, был составлен и на французском и на английском языке. Сегодня это кажется очень странным, ведь английский язык резко опередил своего недавнего счастливого соперника по значению в международных отношениях.

В наше время Организация Объединенных Наций поступила мудро и политично, объявив, что в ней роль международных языков должны играть основные языки великих держав, постоянных членов Совета Безопасности: русский, английский, китайский, французский. Но само по себе это решение не в силах изменить конкретную языковую ситуацию в мире.

Сейчас ближе всего к положению международных языки английский и русский.

У нас в стране русский язык стал вторым родным языком для десятков миллионов не русских по национальности людей.

Русский язык играет важную роль и в общении между социалистическими странами. Если по количеству выпускающейся на нем литературы он пока еще отстает от английского языка (но только от него одного), то не менее важно, что почти каждый год сейчас разрыв сокращается.

До Октябрьской же революции нас опережали в этом отношении не только английский, но и немецкий и французский языки.

Но когда на стороне русского языка оказались силы революции и прогресса, когда за ним встала перед миром не просто Россия, но Россия Советская, весь советский народ, русский язык вступил в соревнование со знатными иностранцами уже на новых условиях. И стал, как видите, одним из двух мировых лидеров.

А ведь многие мыслители, ученые и писатели говорили о том, что когда-нибудь вся земля будет говорить на одном языке.

Станет ли так? Тут мне остается лишь познакомить вас с замечательными словами Александра Ивановича Гончарова, автора «Обломова»:

«Я не с точки зрения *шовинизма* или *квасного патриотизма* боюсь за язык и, конечно, буду рад через десять тысяч лет говорить одним языком со всеми — и если буду писать, то иметь читателями весь земной шар.

Но все же, я думаю, все народы должны прийти к этому общему идеалу человеческого конечного здания — *через национальность*, то есть каждый народ должен положить в его закладку свои умственные и нравственные силы, свой капитал».

Да. Каждый из бесчисленных народов, бывших и настоящих, — это, кроме всего прочего, одна из возможных форм взаимодействия людей с природой и между собой, в общих, более широких рамках социального строя. Каждый народ, сверх всего, — великое испытание еще одного образа жизни, слагающегося из обычаев и законов, из искусства и морали и всего того, что зовут культурой.

Можно уверенно и твердо сказать, что исторический опыт каждого народа идет на пользу всему человечеству. Рискну заявить, что на планете множество грандиозных научно-исследовательских институтов (и все мы, люди, — их сотрудники) ищут свой вариант пути в будущее. На снежной целине времени выбивают общую дорогу тысячи отдельных следов. Дорогу «...туда, где все нации, все различные пути должны сойтись, — к коммунизму» (Ф. Энгельс).

Историю одних народов продолжают другие, и океан по-прежнему полон, сколько бы ни пересыхало рек.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Меня попросили написать предисловие к этой книге. Я согласился, а потом прочел книгу повнимательнее и понял, что предисловие к ней писать не нужно.

Автор этой книги — историк по образованию и по призванию. Но свое дарование историка, свое глубокое понимание истории он посвятил не тому, чтобы исследовать какие-то конкретные события и проблемы, а тому, чтобы, обобщая уже исследованное, излагать полученные учеными результаты так, чтобы они были понятны не только специалисту, но и каждому, кто ими заинтересуется. Он написал уже целую серию книг, которые с разных сторон освещают одну и ту же тему — историю, Историю с большой буквы, Историю не отдельных стран или континентов, а человечества в целом, ту историю, в которой фигурируют имена не отдельных правителей и полководцев, министров, кардиналов, не названия крепостей, мест сражений и восстаний, даже не государств, а где на первое место выступают и главными действующими лицами являются большие группы людей — классы, сословия, расы, религиозные общности и народы. Мне, как специалисту-историку, эти книги нравятся, потому что они освещают историю человечества широко, убедительно, ярко и, с точки зрения нашей, советской, самой передовой науки, правильно. Надеюсь, что и вам, читатель, эта книга понравилась тоже. С первых строчек автор так точно и четко очертил задачу своего повествования, предмет, о котором пойдет речь в книге, что писать до этого еще какое-нибудь предисловие, по-моему, значило бы только испортить дело. Но послесловие я все-таки решил написать. Ведь книга читателем уже прочитана, впечатление о книге у него сложилось. Вряд ли в этом впечатлении сможет что-либо изменить послесловие. Но, может быть, оно дает читателю какую-то дополнительную информацию, поможет ему найти ответ на вопросы, которые остались или возникли у него после чтения этой книги.

Наверное, читатель обратил внимание, что среди названий глав этой книги два названия выражены не словами, а формулами: $1+1+1...=1$ и $1:2=2$. На любом уроке арифметики такие уравнения

гарантировали бы единицу или двойку, но только не в ответе, а в классном журнале. А в этнической истории, в истории народов, они правильны. Более того, они выражают два основных закона, основных процесса, к которым, по существу, сводится все многообразие взаимодействия народов на земле: это процесс этнической интеграции, или слияния народов, и процесс этнической дифференциации, или деления народов. Оба эти процесса идут на земле постоянно, одновременно и всегда. В одних местах и в одни эпохи на первое место выступает слияние, в других местах и в другие эпохи — деление, но ни один процесс из этих двух никогда не угасает полностью. Везде, где на одной территории собираются сравнительно небольшие группы людей разных народов, они имеют тенденцию к слиянию друг с другом в один народ, и наоборот, когда один народ распространяется на очень большой территории или даже не на очень большой, но разнообразной, с разными условиями жизни, то неизбежно в его отдельных, местных группах начинает проявляться и накапливаться все больше черт местного своеобразия. В некоторых условиях (конечно, не всегда и не обязательно, но часто) накопление черт такого своеобразия приводит к обособлению таких групп друг от друга, к делению народа на несколько новых народов.

В этой книге говорится о судьбах народов главным образом с тех пор, когда они из племен начали складываться в народности, то есть в основном с конца эпохи античности и начала раннего средневековья, на протяжении последних двух тысяч лет. Именно таков — одна, полторы, две тысячи лет — возраст большинства современных народов. Но и в предшествовавшие сотни тысяч лет никем не записанной первобытной истории, известной только по данным археологических раскопок, шли те же самые процессы.

Никто не может сказать точно, сколько сейчас народов на земле. Не известных науке народов практически не осталось, разве только где-нибудь в горах Новой Гвинеи еще может быть открыто одно-другое скрывающееся там небольшое папуасское племя, но весь вопрос в том, считать ли такие мелкие племена отдельными народами или частями более крупных народов. В зависимости от того, как считать, общее число народов на земле может быть около двух или трех тысяч, но уж никак не меньше тысячи.

Понятно, что в глубокой древности, когда все человечество было неизмеримо меньше, чем сейчас, и народов было меньше. На самой заре человечества его общая численность вряд ли превышала тридцать—сорок тысяч человек, — так ведь не могло же приходиться по сорок человек на народ!

Впрочем, и так ясно, что на самой заре человечества, когда человек только-только стал человеком, когда только-только еще возникала членораздельная речь, когда люди еще жили на очень ограниченном пространстве тропической зоны Африки и Азии, еще и речи не могло быть о делении на народы. Но по мере того как языки развивались

и ветвились, по мере того как люди все шире расселялись по поверхности земли, такое деление появилось. Появились племена (или предплемена, что не меняет сути дела).

Племена эти росли, дробились, делились, но и объединялись, сливались друг с другом, отдельные люди, группы людей, целые роды переходили из племени в племя. Именно потому, что ни одна группа людей никогда сколько-нибудь долго не находилась в полной изоляции от других, человечество в основных своих чертах осталось единым, сохранилось как единый биологический вид. Именно поэтому не было и нет никаких препятствий природного характера для смешения людей и народов друг с другом: даже представители самых далеких, наиболее сильно друг от друга внешне отличающихся рас могут вступать в брак, и у них рождаются (вопреки антинаучным измышлениям некоторых расистов) абсолютно полноценные и здоровые дети.

Все-таки на этом раннем этапе этнической истории человечества, когда все оно состояло из примерно одинаковых по уровню своего хозяйственного развития племен первобытных охотников и собирателей, процессы дробления, дифференциации преобладали. В особенности во время заселения таких отдаленных, сравнительно поздно освоенных человеком областях, как Арктика, Америка, Австралия и Океания.

Положение изменилось, когда в некоторых, особенно благоприятных для этого районах, люди впервые перешли от охоты и собирательства к земледелию и скотоводству, а затем освоили и обработку металлов, и колесный упряжной транспорт. В уровне хозяйственного развития разных народов стала намечаться все большая неравномерность. Народы, достигшие более высокого уровня хозяйственного развития, быстрее росли численно, все шире расселялись и при этом включали в свой состав, поглощали, ассимилировали все новые и новые племена других народов.

Так, в частности, произошло с древнеиндоевропейским народом. Мы, очевидно, никогда не узнаем, как назывались и как называли на своих языках свои леса, горы и реки те бесчисленные племена, которые населяли всю Европу до распространения по ней индоевропейцев (от них до наших дней остались лишь баски, и, может быть, саамы, но саамы давно перешли на язык близкий финскому). Но, конечно, племена эти не исчезли, они влились в состав индоевропейцев, они передали им свои поверья и обряды, сказки и предания, многие слова и названия, просто мы сейчас уже не часто можем сказать, какие названия чьи, даже если знаем, что они не индоевропейские. Но сами индоевропейцы, расселяясь от Скандинавии и Испании до Китая и Индии (в Китае их сейчас нет, но в китайский язык вошло несколько индоевропейских слов, в частности, «мед» по-древнекитайски «мит»), как вы уже знаете, не остались единым народом, а разделились на многие племена германцев, кельтов, славян, иранцев и других.

В книге, которую вы прочли, говорится в основном про народы

Европы и Азии. Но те же процессы шли и в Америке до появления в ней европейцев, и в Африке. От Аляски до мексиканской границы расселились племена группы атабасков, или дене, почти всю Экваториальную и Южную Африку заселили народы группы банту, чьи языки по сей день примерно так же близки друг другу, как, скажем, разные славянские языки. По всей земле шли, сложно и тесно переплетаясь, процессы этнической интеграции и этнической дифференциации. Особенно в эпоху, когда складывались большие рабовладельческие империи, быстро шло объединение племен.

В Римской империи от Гибралтара до Днестра звучит повсюду примерно одна и та же народная латынь. На ней говорят и потомки древних римлян, этрусков и других племен в самой Италии, и потомки кельтиберов и финикийцев в Испании, и потомки гетов, даков и других племен в будущей Румынии. От Желтого моря до тропика Рака звучит древнекитайская речь, и опять-таки говорят на ней не только потомки основателей древнейшей китайской цивилизации, жестоких и воинственных племен Инь-Шан, но и множество завоеванных и ассимилированных ими тайских, мяосских, юэсских племен Южного Китая. Диалекты единого, по существу, древнего индоарийского языка звучат по всей почти Индии (кроме крайнего юга), занятой великой империей Маурьев.

Но вот возникает эпоха феодализма с присущей ей тенденцией к дробности государств и владений, и в путях народов дробление тоже начинает преобладать. Рыхлый и непрочный древнеримский этнос (отнюдь все-таки не единственный в Римской империи!) распадается на десятки феодальных народностей, на португальцев и каталонцев, фриулов и молдаван... Десятки отдельных индоарийских народностей возникают в Индии. Китайцы хоть и не распались на отдельные народности, но стали говорить на резко различающихся диалектах.

Вот этого-то в доколумбовой Америке, в Африке к югу от Сахары, не говоря уж об Австралии и Океании, практически не было. Ведь там уровень классовобразования дошел только до образования самых зачаточных, раннеклассовых государств, сравнимых разве что с гомеровской Троей или додинастическим Египтом.

И только с началом эпохи капитализма, с началом сложения буржуазных наций, тенденции этнической интеграции решительно становятся преобладающими. В XVII, XVIII, XIX веках идет процесс образования этих наций. Иногда на основе одной предшествующей феодальной народности, как в России или в Японии, но непременно с включением и каких-то других мелких иноязычных групп. Иногда в итоге объединения ряда родственных народностей, как во Франции, в Германии. Иногда в результате слияния групп выходцев из самых разных народов, как при образовании американской (в США), бразильской, австралийской наций.

Увы, в это, и только в это время, знает история примеры народов, действительно погибших, исчезнувших бесследно. Даже самые жесто-

кие завоеватели древности и средневековья никогда не истребляли полностью завоеванные ими народы, часть их они обязательно включали в свой состав. И только кичащиеся своей высокой цивилизацией европейские колонизаторы позволили себе для своего удобства и даже просто для забавы истребить полностью, бесследно, целые народы. Так истребили всех коренных обитателей острова Тасмания, а их были десятки племен. Последняя тасманийка умерла в 1876 году. Наверняка у тасманийцев были свои прекрасные и неповторимые мифы, удивительные сказки, но мы их никогда не узнаем. И как бы ни были отсталы тасманийцы, но от того, что мы не знаем их языка, кроме нескольких случайно записанных слов, не знаем, из чего состояла их духовная культура, все человечество в целом стало на какую-то долю духовно беднее, чем могло быть. В 1916 году умер последний индеец из калифорнийского племени яна. И таких безжалостно истребленных племен можно насчитать еще много.

А в двадцатом веке? Страшно подумать, сколько народов, до единого человека, могло бы быть истреблено в газовых камерах гитлеровских убийц, если бы эти народы, сплотившись, не раздавили фашистскую гадину. Пожалуй, в самом деле, из всех видов варварства, которые знала история земли, нет ничего страшнее варварства фашизма и империализма.

Принципиально новые условия для развития этнических процессов сложились после победы социализма сперва в СССР, а потом и во многих других странах. Впервые в истории народы стали сближаться друг с другом в такой обстановке, где нет места расовым или религиозным предрассудкам, межнациональной вражде и отчужденности, противостоянию народов-угнетателей и народов-угнетаемых. Отдельные пережитки буржуазного национализма слишком ничтожны, чтобы повлиять на взаимоотношения народов при социализме. И тем не менее, как говорит генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев: «Нельзя забывать, что националистические предрассудки, преувеличенное или извращенное проявление национальных чувств — явление чрезвычайно живучее, цепко держащееся в психологии людей, недостаточно зрелых в политическом отношении».

В нашей стране, как и в других странах победившего социализма, произошел процесс выравнивания отсталых прежде народностей до уровня передовых, слияния на добровольной и сознательной основе мелких родственных народностей в новые, более крупные, как, например, алтайцы, хакасы, все большего культурного сближения сперва соседних, а затем и всех вообще народов страны.

Наше время — время повсеместной и интенсивно протекающей этнической интеграции. Сглаживаются местные различия этнографических групп, в рамках каждой нации все более нивелируются местные особенности, утверждается и распространяется общенациональная культура и общий образ жизни. Однако в капиталистических странах это не исключает, а, наоборот, предполагает остроту на-

циональных проблем и межэтнических конфликтов. Если вспышки национализма, подобного бретонскому или уэльскому, несерьезны, то куда опаснее конфликты между фламандцами и валлонами в Бельгии, неравноправными группами протестантов и католиков в Северной Ирландии. В таких конфликтах иногда проявляется стремление к объединению этноса, разделенного государственными границами; но гораздо чаще за ними стоит требование фактического, а не формального, экономического, а не только юридического равноправия в рамках данной нации. Такой же характер носят негритянское, мексиканское, пуэрто-риканское, индейское движения в США и другие подобные движения в разных странах капиталистического мира. Быстрыми шагами идет процесс национальной интеграции в обществах стран «третьего мира», развивающихся, бывших колониальных и зависимых стран, в которых до недавнего времени сохранялась, и во многом сохраняется и сейчас, картина большой этнической пестроты и разобщенности. Приобщаются к национальной и международной, городской культуре индейские крестьяне в таких странах, как Мексика или Перу, еще вчера крайне отсталые, изолированные и от мира и друг от друга. На наших глазах в течение нескольких десятилетий и даже лет из разобщенных в недавнем прошлом племен вырастают молодые нации, такие, как сомалийская или малагасийская, близок к завершению процесс формирования индонезийской нации из десятков хотя и родственных, но стоявших прежде на очень различных уровнях культурного и экономического развития народностей, начинается процесс формирования филиппинской нации.

Все эти современные процессы сложения новых и укрепления существующих наций развертываются, как нетрудно заметить, в рамках соответствующих государств. Соответствие настолько явно, что нередко в прессе, в выступлениях политических деятелей этих государств понятия государство и нация как бы уравниваются. Но они не равнозначны. Польская нация, например, сложилась и существовала тогда, когда польского государства не было, а территорию его разделили между собой другие державы. В мире немало государств, в которых сосуществует по нескольку наций: англо-канадская и франко-канадская в Канаде, целый ряд наций в Индии, не говоря уже о социалистических многонациональных государствах — СССР, ЧССР, СФРЮ. Но действительно, в наше время государство стало механизмом, организующим и регулирующим не только политические, но и в значительной мере и экономические и культурные стороны жизни. Это особенно четко проявляется в развивающихся, недавно обретших независимость странах и даже в странах с таким пестрым этническим составом, как Гана или Нигерия, постепенно выковывается сознание не только политического, но и экономического, культурного, духовного единства.

Нет сомнения, что и экономические и культурные связи между разными народами, как и между разными государствами, будут год

от года крепнуть и развиваться. Это диктуется всей логикой развития человеческой истории, насущными потребностями современного человечества, требованиями мира, сотрудничества и прогресса.

Значит ли это, что когда-нибудь, в далеком будущем, исчезнут все различия между народами и нашу планету будет населять единый народ землян, с едиными обычаями, с единым языком? Да, в определенном смысле значит. В том смысле, что не будет более противопоставления «наше» и «чужое», не будет национальной разобщенности и отчужденности. Но какие-то различия, наверное, сохранятся всегда. Трудно думать, что у жителей Арктики и тропиков, влажных низин и сухих плоскогорий когда-либо будут одинаковые вкусы и привычки, одинаковый образ жизни.

А язык? Да, конечно, будет единый язык, который одинаково хорошо будет знать каждый житель планеты. Трудно, да вряд ли и нужно сейчас гадать, какой он будет: русский, или английский, или совсем особый, искусственно созданный язык (хотя пока что такие языки, типа эсперанто, большого успеха не имели), либо, наконец, естественно сложившийся, вобравший в себя лучшие черты и русского, и английского, и других наречий земли язык. Но он будет, и, наверное, в довольно близком будущем.

Но будет ли он единственным? Разве, говоря по-русски, мы всегда говорим на одном и том же языке? Есть язык дружеской беседы и есть язык деловых документов. Смешно обратиться к товарищу со словами: «прошу предоставить мне возможность играть находящимся в вашем распоряжении мячом», но не менее неуместно написать директору учреждения «дайте-ка мне командировку дня на три, мне бы в Киев съездить надо».

Но ведь это все же не разные языки, а разные стили, скажете вы. Да. Но вот в Парагвае уже несколько веков поголовно все население страны говорит на двух языках: индейском языке гуарани и испанском языке. Гуарани используется в непринужденном, обыденном общении, а в официальной, деловой жизни употребляется испанский. Есть немало и других народов, практикующих повседневное, всеобщее двуязычие, и ни один язык не вытесняет полностью другой. Не исключено, что именно такая ситуация и сложится в соотношениях между единым языком земли и разными местными языками.

Вряд ли правы те, кто считает, что более экономично иметь один образ жизни, чем разные, говорить на одном языке, чем на нескольких. Ведь с точки зрения «экономичности», гораздо экономнее было бы всем носить одежду одинакового покроя, из ткани одного и того же цвета. Именно так сдетым видел идеальное общество в своей «Утопии» Томас Мор, но, к счастью, он ошибался. Не ошибаемся ли также и мы, разнообразя культурные и языковые черты общества будущего? Духовное и материальное разнообразие! Надо думать, что оно не исчезнет и в будущем.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Как рождаются, живут и не умирают народы	3	Плавильный тигель	93
Погибоша аки обре?	4	От камня Каабы	97
Большая родня	12	Народ получает имя	103
Степени близости	17	Душа народа	109
А что такое «народ»?	32	«Мой царь! Мой раб! Родной язык...»	124
Начало начал	38	Зачем, почему, куда?	133
Основание	45	Семь племен и пять стран	140
$1+1+1... = 1$	48	Половцы побежденные и непобедимые	150
Шотландцы	58	Почти посередине Азии	161
Испанцы	60	Наша родословная	170
$1:2 = 2$	66	Бой гипотез	188
Властью границ	72	Три в одном	194
Французы	80	Мы все — вдвойне и втройне родня. <i>Заключение</i>	198
Люксембуржцы	85	Послесловие	201
Дездишадо	87		

ДЛЯ СТАРШЕГО ВОЗРАСТА

Роман Григорьевич Подольный • ПУТИ НАРОДОВ

Ответственный редактор М. А. ЗАРЕЦКАЯ. Художественный редактор И. Г. НАЙДЕНОВА. Технический редактор Т. Д. ЮРХАНОВА. Корректоры Э. Л. ЛОФЕНФЕЛЬД и Е. И. ЩЕРБАКОВА.

Сдано в набор 15/X 1974 г. Подписано к печати 2/X 1975 г. Формат 70×90¹/₁₆. Вум. офс. № 1. Печ. л. 18. Усл. печ. л. 15,21. Уч.-изд. л. 14,89. Тираж 100 000 экз. А03400. Заказ № 309. Цена 68 коп.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Детская литература». Москва, Центр, М. Черкасский пер., 1. Калининский полиграфкомбинат детской литературы им. 50-летия СССР Росглавполиграфпрома Госкомиздата Совета Министров РСФСР. Калинин, проспект 50-летия Октября, 46.

Цена 68 коп.

Р. ПОДОЛЫНЬИ ПУТИ НАРОДОВ